

Марина Ефиминюк

ЛУЧШИЕ ВРАГИ

ПРОЛОГ

Прятаться в шкафу было плохо — места мало, дверцы закрывались неплотно, и появлялась реальная угроза оказаться раскрытой. Недавно я нашла новое убежище за козеткой в стенной нише. Козетка давно на ладан дышала и в галерее стояла исключительно для заполнения места. Я уже два раза за ней укрывалась и ни разу не поймали. Жаль, что сегодня не успела добежать.

Дверь классной комнаты раскрылась неожиданно, с тревожным скрипом. Я поджала коленки к подбородку и ненадолго затаила дыхание, стараясь получше расслышать шаги: тяжелые, легкие, стучат ли каблук? Кто это вообще явился и по мою ли душеньку?

Человек ходил туда-сюда по комнате, выдвигал ящики, открывал полки — видимо, что-то искал. Без раздражения, неторопливо. Вдруг он остановился напротив моего убежища и заслонил собой тонкую полоску света, пробивавшуюся сквозь щелку между створками.

Господи, пусть он просто пройдет мимо. Очень-очень прошу!

С высшими силами у нас никогда диалог не складывался: они или страдали глухотой, или игнорировали именно меня. В этот раз молитвы вновь не помогли, и дверцы резко раскрылись. В шкаф хлынул чистый дневной свет классной комнаты.

От внезапной острой паники я отпрянула к стене, инстинктивно стараясь увеличить расстояние. Однако тайник раскрыли вовсе не кузины и даже кузен Вайрон, у которого появлялось буквально собачье чутье, когда дело касалось поисков «трусички Энни». Сверху вниз колючим взглядом меня изучал воспитанник деда Парнаса.

Высокий, худощавый, русые волосы собраны в небрежный пучок, заколотый деревянной палочкой-булавкой. В мочке уха висела сережка, как у девчонки. Я не очень-то понимала, зачем парню в ухе кольцо, но не мне, честно говоря, судить. Если бы он вставил сережку в нос ему бы и слова никто не сказал. Кaleb не был нам даже дальней родней — посторонний мальчик, после смерти его родителей привеченный в замке. Он и вел себя как посторонний, но в отличие от меня, его любили и никогда не называли «приблудышем».

Вообще, он здесь почти не жил — второй год учился в магической академии и приезжал только на каникулы. Я слышала, как кузина Арветта говорила, будто Кaleb чудовищно красивый. Не знаю, что насчет красивого, но мне он точно казался чудовищем. Пусть он и умел притворяться нормальным получше остальных, монстра, живущего внутри, выдавал холодный, высокомерный взгляд. И я старалась держаться от приемыша подальше. Даже сейчас хотелось выдавить лопатками спинку шкафа, чтобы увеличить дистанцию.

— И долго ты собираешься прятаться в шкафу, Эннари? — тихо спросил он.

Долго, всю жизнь! Люблю, знаешь ли, замкнутые пространства!

А ещё мы оба знали, что в это замкнутое пространство, меня заставила спрятаться вовсе не веселая игра в прятки с кузенами. Если из всех детей Истван только у *нагулянной* внучки великого светлого мага Парнаса пока ещё не пробудился дар, то пиши пропало! В нашем замке, как на петушиных боях, выживал сильнейший. Я была самая слабая...

И приблудная.

Вот же заклинило! Это от сильного нежелания оказаться выданной.

Из коридора донесся безнадежно ломающийся голос Вайрона:

— Эбби, уверен я ее видел где-то здесь! Может, она забежала в классную комнату?

Кaleb обернулся через плечо, потом вопросительно посмотрел на меня. Я кусала губы и мысленно молила, чтобы он промолчал. Не надо помогать, не надо вмешиваться — ничего такого не надо! Просто закрыть шкаф и уйти из классной комнаты, а если вдруг походя проснется человеколюбие, то сбить стаю со следа и отправить куда-нибудь подальше в замковое подземелье. Пусть они там всласть побродят под хоровое всхлипывание Люсиль и Арветты.

— Послушай, — выдохнула я хриловатым шепотом, — ты можешь просто закрыть шкаф?

Не разрывая зрительного контакта, Кaleb вытащил с полки над моей головой какой-то учебник и закрыл дверцы. В узкой щелке между створками вспыхнула полоска света, когда он отошел. По наборному паркету простучали шаги, скрипнула открытая дверь классной комнаты.

— Кaleb, ты видел Эннари? — голос у Вайрона был таким же мерзостным, как он сам.

Не выдавай меня! Пожалуйста, пожалуйста, пож...

— Она в шкафу, — бросил этот урод и теперь действительно ушел.

Сердце забилося, как припадочное, и нахлынули эмоции. Разные, незнакомые, темные. Не вздохнуть от них и не выдохнуть.

— Тук-тук, — говорила Эбигейл. — Мы идем, трусишка Энни. Ты готова к стрижке? Я взяла самые острые ножницы.

Внутри у меня вдруг стало тихо-тихо. Как перед грозой, когда точно знаешь, что вот-вот рванет гром, и тревожно задерживаешь дыхание в ожидании этого басовитого переката, вызывающего желание броситься в укромное место... Ярость, как тот самый гром, зарождалась медленно, заворачивалась где-то в районе солнечного сплетения, скопилась, набрала силу, а потом прошла и разум, и тело.

Дверцы раскрылись сами собой и, ударив по протянутым рукам Эбигейл, заставили ее с болезненным оханьем отпрянуть от шкафа.

— Что-то вы сегодня долго, — не узнала я своего голоса и в обычные дни довольно низкого для одиннадцатилетней девочки. — У меня уже ноги затекли...

А ведь не зря меня не любили в замке! Похоже, родственники подсознательно догадывались, какого цвета дар проснется в прилудыше покойной чародейки Риэллы Истван, самой непослушной дочери великого Парнаса. Какая, право, ирония: в большой стае прославленных светлых магов, кичащихся чистотой крови, появилась маленькая ведьма!

ГЛАВА 1. Возвращение без запасного плана

Как у любого темного мага, у меня имелись собственные принципы.

Не одеваться вызывающе. Один мой друг — мой единственный друг — Холт Реграм сказал, что самая пугающая ведьма та, в которой с первого взгляда не распознаешь ведьму. С тех пор единственное, что я себе позволяла из кричащего — карминовые губы и высокие каблуки. Отсюда ещё один принцип: гибкость принципов. И последнее: не верить в приметы светлых чародеев. Однако по другую сторону магического портала обнаружился Кaleb Грэм.

Поверье о черных котах, подверженных инстинкту перебегать дорогу хорошим людям, мгновенно всплыло в памяти. В голове родилась настойчивая мыслишка: «Не к добру», и настроение закономерно испоганилось. Не то чтобы в обычные дни меня мучили оптимизм или человеколюбие.

Кaleb, не подозревающий, сколько произошло изменений за те ярды, что мне пришлось преодолеть, чтобы оказаться на расстоянии вытянутой руки, по-прежнему стоял ровно, заложив руки за спину. Каменный, холодный и неприступный, как замок Истван, откуда девять лет назад я была сослана на учебу на другой конец света.

— Добро пожаловать домой, Эннари, — произнес он, не сводя глаз с моих накрашенных кроваво-красной помадой губ.

Пока в академии для темных Деймран я превращалась в колдунью достойную цвета своей магии, дедовский воспитанник из долговязого парня с серьгой в ухе превратился в привлекательного статного мужчину без серьги. Мне нравились его новые широкие плечи, а старая прическа с небрежным пучком — нет. Еще он был высок, и приходилось поднимать голову, чтобы разглядеть благородное лицо.

— Ты ждал под воротами с рассвета? — впервые за девять лет заговорила я с человеком, из-за которого на долгие годы оказалась выставленной из дома.

— Да.

Я понятия не имела, в каком часу доберусь до перехода из Деймрана и в письме к деду обозначила только день. Зато дорожные сундуки отправила ещё на прошлой неделе, чтобы любимые родственники готовились к моему возвращению. Морально, конечно, а не кидались устраивать генеральную уборку в гостиных. Надеюсь, они уже обнаружили сюрприз.

— Зря Парнас попросил тебя приехать. Не стоило переживать, я не чувствую себя незваной гостьей.

— Он не просил, — коротко произнес Кaleb. — За девять лет город сильно изменился.

— И что, извозчики забыли дорогу в Истван?

Между нами повисло молчание. Прозрачно-льדיстые глаза Калеба продолжали оставаться прозрачными и льдистыми. Потрясающее постоянство. И у меня вырвался громкий издевательский смешок.

— Ты всегда такой серьезный? Идем, мне не терпится оказаться дома.

Легкий дорожный саквояж плюхнулся на пол, а я грациозно зашагала в сторону выхода. Кaleb остался на месте, словно с рассвета пустил корни и врос в каменный пол. С некоторым недоумением он смотрел на кожаную сумку.

— Что ты его изучаешь? Он не заколдован, — подогнала я. — Бери и пойдем.

— Разве ты не должна попросить о помощи? — изогнул Кaleb брови.

— Разве? — Я кивнула: — Помоги.

— Пожалуйста, — добавил он.

— Забыла, как это слово произносится на сартарском языке, — улыбнулась я. — К слову, у тебя прекрасные манеры. Научился у супруги?

Он одарил меня выразительным взглядом, подхватил саквояж и кивнул:

— Идем.

— Ты, выходит, не женат? — догадалась я, не пытаясь подстроиться под его поступь уверенным широким шагом. Пусть сам подстраивается.

— Никогда не был, — сухо бросил он.

— Сожалеешь?

— Нет.

— Тогда почему такой скорбный вид? Тебя бросили у алтаря?

Он быстро огляделся, словно боялся, что на нас будут коситься люди.

— Темные маги всегда бесцеремонные?

— Да ты сноб, светлый чародей Калев Грэм, — издевательски ухмыльнулась. — Мы не виделись девять лет, я просто поддерживаю дружескую беседу. Хотя мы же друзьями не были, да?

— Смотрю, у тебя хорошая память, — хмыкнул он.

— Верно. Память у меня превосходная. — Я рассматривала колышущиеся от сквозняка красные королевские стяги под высоченным потолком магического вокзала. — Прекрасно помню людей, которые мне не нравятся.

— Я тебе не нравился?

Неужели в его голосе прозвучала насмешка? Почти с восхищением я повернулась к Калебу.

— Нет, но ты красивый. Арветта была права.

Он подавился на вздохе и, кашлянув в кулак, тихо спросил:

— Твои прямолинейные комплименты восхищают.

Я глянула на него с искренним недоумением:

— Ты всегда восхищаешься констатацией фактов? Ты красивый. Ты мне не нравишься. Мы молчим.

— Последнее — тоже констатация факта?

— Да.

Пожалуй, этот разговор был самым длинным из тех, что мы вели с момента знакомства. Я посчитала дань хорошим манерам полностью отданной и свернула «дружескую» беседу. Ступить на родную землю впервые за девять лет можно было только один раз. Второго я точно не планировала, поэтому не стоило тратить драгоценные моменты единения на полузабытых врагов.

Надо отдать Калебу должное, он погрузился в чудное молчание и талантливо исполнял роль носильщика саквояжа без лишних обсуждений цвета сумочной кожи, удобства ручки и веса содержимого.

Карета с гербом семьи Истван, знаменитой на все королевство, дожидалась нас напротив раскрытых ворот вокзала. Здание представляло собой уныло-серую башню с длинным шпилем, вокруг которого закручивалась спираль из свинцовых густых облаков. От этой тучи свет на улице был сизым и потухшим, словно в середине, в общем-то, ясного дня народились предгрозовые сумерки.

Прежде чем забраться в карету, я прикрыла глаза и, на секунду затаив дыхание, прислушалась к внутренним ощущениям. Холт говорил, что, ступив на родную землю, темные ощущали прилив сил. Понятно, что темным магам даже темные маги не верят, но вдруг...

Воздух вдруг затрещал, от открытой дверцы кареты ударило осязательным разрядом, под ногами загудела брусчатка. Я сердито задрала голову и с сощурилась на дурацкий шпиль вокзала, из острия которого в черную воронку бил серебристый луч. Чье-то перемещение перехватило бесхозные магические потоки! Жаль, вокзал нельзя проклясть. Нет, конечно, можно, если очень хочется. Кто мне запретит? Но ведь загребут в застенки, объявят сумасшедшей и лишат силы.

И я просто забралась в экипаж, проигнорировав протянутую для помощи руку Калеба. Не ради демонстрации независимости и не из гордости — я не страдала подобными глупостями — обычно темным ведьмам старались не подавать руки и вынуждали проявлять самостоятельность. В общем, привычка взяла свое, и рыцарство осталось незамеченным. В отличие от перстня со знаком рода Истван, выгравированном на крупном квадратном рубине.

— Почему ты так на меня посмотрела? — усаживаясь напротив, спросил Калев.

— Как? — сухо уточнила я, расплавляя на коленях платье.

— Нехорошо. Как только что смотрела на башню перемещений.

— Вы очень похожи.

— Она тоже красивая?

— Кaleb, напомни, какая у тебя была специализация в магии? — ответила вопросом на вопрос. Обычно во время перепалок терпение у меня заканчивалось быстрее аргументов, и в ход шло какое-нибудь мелкое незаметное проклятие. Но проклинать бывшего врага с порога, даже — так сказать — не попив кофейку, не хотелось.

— Я окончил академию семь лет назад, Эннари, — мягко отбрил он.

— То есть ты уже не помнишь?

— Защитные чары от черной магии, — не лукавя, внес он ясность, что и с памятью у него все хорошо, и со смелостью. Защитные заклятия не забыл, а темных чародеев — не боялся.

— Чудно, — с пресной миной буркнула и отвернулась к окну.

Экипаж тронулся и покатился по каменным столичным улицам. Стоило отъехать подальше от вокзала, как день прояснился, небо очистилось, и появилось предзакатное солнце, медленно оседающее за двускатные черепичные крыши.

Перемещаться в пространстве разрешали только за городской стеной, и экипажу, опутанному порталным заклятием, приходилось без магии преодолевать заторы. Я в полной мере успела оценить незаметные изменения: девять лет назад здания не помечали магическими знаками светлых или темных. Все жили вперемешку, без разделений, а колдовские лавки ведьм и дворики темных алхимиков соседствовали со знахарскими приемными и ателье светлых артефакторов. Не сказать, чтобы я сильно взволновалась — в королевстве, приютившем меня на девять долгих лет, ведьмаки и чародеи даже селились в разных городах и следили за соблюдением границ.

Когда мы наконец выехали на широкий торговый тракт, воздух вновь затрещал, и карета с сильным толчком переместилась на дорогу к замку, распугав стаю окрестных ворон. Те, в свою очередь, подняли негодующий галдеж. Я сама была готова закаркать от возмущения и вцепилась в сиденье, чтобы не слететь под ноги Калеба. Зато сразу стало ясно, почему он уселся спиной по ходу экипажа.

Не сдержавшись, я все-таки выругалась:

— Что за безрукая скотина накладывала заклятие?

— Парнас.

— Кхм, — глубокомысленно промычала я и, стряхивая с рукава колючие искорки чужой магии, пробормотала себе под нос: — Старее дед.

— Сейчас самое время, — вдруг произнес Кaleb и подсказал, видимо, не углядев в моем лице понимания, которого в нем, конечно же, не было: — Для вопроса, что происходит в замке.

Знаю я вас, светлых! Сначала с участливым видом предлагаете помощь на грош, а потом выставляете счет на мешок золотых и искренне удивляетесь, почему вас от души проклинают.

— В смысле, в Истване происходит что-то еще, кроме моего возвращения? — изогнула я брови.

— Ты главное событие, — согласился Кaleb.

— Значит, с остальным разберусь на месте.

Я снова отвернулась к окну, но долгожданный и трепетный момент был упущен: замок, тяжеловесный гигант из серого камня, нависающий над озером Истван и отраженный в нем, как в чистейшем зеркале, уже появился в поле зрения. А так хотелось проследить за его величественным появлением из-за холма!

Карета остановилась напротив парадного входа. Кaleb помог мне выбраться из салона. Ерепениться не стала — спускаться со ступеньки на высоких каблуках то ещё удовольствие. Никто из домашних встречать меня не вышел. Конечно, я не рассчитывала, что ликующие родственники выстроятся на парадной лестнице стройной шеренгой, но ведь даже к окнам не потрудились сволочи припасть! Специально проверила: не дрогнет ли какая-нибудь, хоть бы замусоленная, занавеска? Все портьеры и тюли продолжали уныло свисать и оставались безжизненно-неподвижными.

Пока я осматривалась, на улицу высыпали слуги. Знакомых лиц не было, но меня все равно обходили по дуге и поглядывали исподтишка. Казалось, все ждали, что *та самая Эннари*, не заходя в дом и не переодевая дорожного платья, снова уничтожит учебную башню.

К слову, ее, башню, отремонтировали. Девять лет назад на третьем этаже вместо окон зияли провалы, а стена была закопченной — мой дар открывался с огоньком, в прямом смысле слова. С тех пор окна вернули на место, а черный след побледнел, но не исчез окончательно. Он нахально напоминал о том удивительном дне, когда выяснилось, что мой отец — темный маг, а кузины умеют споро бегать и очень громко визжать. Образ улепетывающей Эбигейл, задравшей до коленок юбки, почти полгода грел мне душу в школе при академии Деймран.

— Добро пожаловать домой, Энни. Наконец-то ты вернулась, — не сдержала я торжествующей улыбки и поднялась по лестнице к парадным дверям.

Холл по-прежнему был торжественно пуст, мрачен и холоден. В общем, похож на склеп, притом не самый лучший, а за время учебы склепов разной паршивости я повидала немало. Поселили меня в гостевую башню. Никто не рассчитывал занять — ладно, не лучшую — хотя бы прежнюю комнату, но непрозрачный намек, чтобы я не задерживалась в замке, поднял настроение. Всегда приятно представить, как вытянутся физиономии у родственников от понимания, что жить по священному правилу четырех «Н» больше не удастся. Правило это гласило: никогда, ни при каких обстоятельствах не вспоминайте о незаконнорожденной Эннари.

В покои меня провожала молоденькая горничная в благопристойном чепце, задорно съехавшем на затылок. Кaleb следовал конвоем, не отставая ни на шаг. Он словно хотел лично удостовериться, что башня не пострадает, служанка вернется в людские на своих двоих, а я не займу чью-нибудь чужую спальню.

У горничной к изнанке платья был приколот крошечный амулетик от сглаза, способный защитить разве что нервы владельца, но не самого владельца.

— Амулет делала тетка Мириам? — поинтересовалась я.

— А?

Девушка испуганно оглянулась и невольно схватилась за сердце, словно проверяя, на месте ли талисман, а заодно и само сердце.

Вообще, момент для вопроса оказался неудачный. Мы поднимались по лестнице, и горничная чуть не потеряла равновесие. Конечно, не поймала бы я — подхватил Кaleb. Нас обеих, безусловно. Зря, что ли, молчаливым стражем топал следом. Но девушка устояла, и трагедии удалось избежать. Вот ударила бы она коленку и обвинила меня в нападении. Темных всегда обвиняют просто так, заранее. Сразу хочется сотворить какое-нибудь мелкое проклятие, вроде икоты на пару часиков. Пусть уж ругают за дело.

— Амулет сделала госпожа Эбигейл, — призналась девушка, все ещё оглаживая платье в том месте, где с изнанки приколола булавку.

— Печально, — покачала я головой. Ведь правда ужасно печально для внучки пресветлого Парнаса так плохо соображать в светлых чарах! Просто сартарский стыд.

— Нравится кошмарить народ? — проворчал в спину Кaleb.

— Предлагаешь притворяться слепой и глухонемой? — бросила через плечо недовольный взгляд.

— У тебя на лице написано, что ты готова меня проклясть.

— Не переживай, у меня есть принцип никого не проклинать по воскресеньям, — уверила я.

— Сегодня четверг, — напомнил он.

— Не сvezло.

Горничная зачатила по лестнице, словно пытаясь сбежать. Я чуть не полегла, а она даже не запыхалась. В общем, прислуга в замке была нервная, но выносливая. Мы догнали ее на третьем этаже — двигаться дальше было некуда, впереди только чердак, крыша и летучие мыши. К слову, против соседства с ними, в отличие от родственников Истванов, я ничего не имела.

Служанка отперла замок на одной из двух дверей и показала аккуратно убранную комнату, посреди которой стояли мои дорожные сундуки.

— Ваши покои, госпожа чародейка.

Калеб между тем толкнул соседнюю дверь. Тут-то до меня дошло, что он вовсе не конвоировал ведьму, а просто направлялся в собственную комнату, и нам оказалось по пути.

— Ты живешь в замке?

— Четыре года, — согласился он.

— Надеюсь, что между нашими комнатами нет смежной двери.

— Не беспокойся, нет.

— Да я не беспокоилась, но все равно чудная новость.

Отказывать себе в удовольствии захлопнуть дверь щелчком пальцев я не стала. От удара из замочной скважины выскочил ключ и со звоном слетел на каменный пол, появилась сквозная дырочка. Про ключ-то я и забыла, но высовываться в коридор после эффектного ухода не хотелось. Оставалось сделать вид, будто все так и задумывалось, и дожидаться, когда все свидетели конфуза разойдутся по замку, а потом ключ забрать. Но не успел растаять черный магический дымок, окутавший мою руку, как горничная осторожно заскреблась в дверь. Пришлось открыть. К счастью, Калеб все-таки спрятался в покоех и конфузец пропустил.

— Госпожа чародейка, вы уронили, — произнесла горничная, указывая пальцем на валяющийся ключ.

Я чуть не закатила глаза. Вообще, слушок, что из рук ведьмы ничего не стоило брать, вполне себе справедлив, но отдать-то можно! Видимо, я так красноречиво посмотрела на ключ, что горничная быстренько подняла его и протянула мне.

— Мы ждали, когда вы приедете, чтобы разобрать сундуки, — ещё объявила она.

Вспомнив, сколько разного лежало в багаже, я отказалась от помощи:

— Сама справлюсь. Лучше поесть принеси.

— Обед уже прошел, — объявила она.

— Еда исчезла подчистую? — уточнила я.

— Нет, но... чаю с пирожными?

Благодарю, но я девять лет прожила при академии и сейчас по расписанию у меня полноценный обед!

— Кофе с мясом и жареным картофелем, — подсказала я приличное меню.

Девушка не пыталась скрыть радость, что можно не заниматься распаковкой вещей, а сразу бежать подальше от новоявленного колдовского логова. Готова поспорить, что слуги будут вытаскивать длинную палочку, выбирая жертву, которая понесет в гостевую башню поднос с едой.

— А кофе черный? — уточнила она. — С бренди?

— С молоком и сладкой патокой, — призналась я в недостойной слабости.

Знаю-знаю, суровые черные ведьмы настолько суровы и черны, что пьют кофе цвета дегтя и такой же крепости, но ведь у каждого бывают маленькие секретчики. Зато я никогда не выдам большой тайны, что за ломтики яблочного зефира продам душу. В смысле, не свою, а соседа или — вон — «любимого» родственника. У меня сначала было общежитие отборных темных чародеев разной степени странности, а теперь замок кузин одинаковой степени подлости. Торгуй сколько влезет!

— А мясо с кровью? — продолжила она допытываться.

— Можно и с кровью, — согласилась я, — но лучше с солью и перцем. Хорошенько прожаренное.

— Насколько хорошо?

— Достаточно хорошо! Я ведь не похожа на умертвие?

— Пока нет, — уверила горничная, но тут же испуганно оговорила: — В смысле, совсем нет. Вообще, ни капельки... Я пойду на кухню и передам распоряжения повару насчет мяса.

— Иди, — с ласковой улыбкой согласилась я. — Хотя подожди!

— Вы передумали есть?

В ее голосе прозвучало столько незамутненной надежды, словно уговорить повара накормить человека после обеда было настоящим подвигом. Из вредности сразу захотелось придумать какой-нибудь гастрономический каприз и заставить выполнять. Но, как назло, в еде я была совершенно непритязательная, ничего не смыслила в изысках и в тайне ото всех обожала плебейскую похлебку из квашеной капусты.

— Поменьше радости в голосе, — фыркнула. — Еду никто не отменял.

— Простите, — покаялась она.

— Может, ты слышала: когда дед вернется?

— Пресветлый чародей должен быть к ужину, — подсказала она.

— А остальные?

— Так ведь все в замке, — удивленно заморгала служанка рыжеватыми ресницами. — Они никуда не уезжали.

Отправив горничную в кухню, я прикрыла дверь и наконец проверила выделенные мне покои. Комнаты убрали. Украшенный золотыми кисточками балдахин над кроватью и занавески хорошенько перетрясли. В углах не обнаружилось паутины, а в камине — золы. В банной комнате стояла медная ванна и стыдливо спрятанный за деревянной ширмой ватерклозет. Да и виды из окон оказались живописными: на семейное кладбище из спальни и учебную башню из гостиной. И это лучше, чем на стену соседнего здания, как было в Деймране, или на птичий двор, как в моей прежней комнате.

Один из дорожных сундуков все-таки пытались вскрыть и закономерно нарвались на проклятие. Надеюсь, чернильной узор любимые родственники сумели оценить. Я очень старалась подойти к метке с фантазией: заклятие окрашивало кожу под божью коровку и почти не вытравливалось магией, исключительно едким щелоком и временем. В общем, кто-то по замку ходил пятнистый. Мелочь, но как же приятно!

Одежды у меня было немного. В сундуках в основном лежали книги и разные магические штуки. Я вытащила ящичек с ароматными мыльными пастами, прихватила чистое платье и с наслаждением приняла ванну с розовыми пузырьками, сладко пахнущими пионовым благовонием. Чистая до скрипа, на ходу подсушивая волосы полотенцем, я вернулась в спальню.

— С легким паром, — прозвучал в тишине совершенно незнакомый мужской голос.

В кулаке мгновенно сгустился дымок парализующих чар. Я резко оглянулась. На кровати возлежал смутно знакомый мужик и листал один из черных гримуаров, нахально вытащенный из дорожного сундука.

К счастью, мужик был одет. Притом одет настолько, что даже обут, и на кровать вскарабкался в сапогах.

— Привет, кузина, — перевел изучающий взгляд с раскрытой страницы на меня.

И ещё он был Вайроном. Проклятие!

В смысле, пришлось спрятать за спину руку и аккуратно потушить проклятие, зажатое в кулаке. Магия закономерно тушиться не хотела, кусала пальцы, щипала кожу и желала парализовать придурка, посмевшего плюхнуться в кровать. В обуви! Да даже в общежитии сокурсники предпочитали разуваться в коридоре и после входили в мою комнату.

Мы разглядывали друг друга с открытым любопытством и в обоюдном молчании, все-таки девять лет прошло с последней встречи. Он отрастил до плеч волосы, начал бриться и расстегивать три верхние пуговицы на рубашке.

— Давно не виделись. — Кузен захлопнул гримуар и отбросил его на покрывало. — Как добралась?

— Твоими молитвами, — кивнула я.

— Я не молюсь, — произнес он с усмешкой.

— Значит, не твоими. Зачем пришел?

— Хотел поздороваться, — неопределенно кивнул он. — И принес поднос с едой.

Хотя бы что-то полезное сделал! Любопытно: родственники решили каждый по очереди меня приветствовать или просто отправили на разведку самого бесполезного мага в коммуне, кем было

не жалко пожертвовать?

— Куда еду поставил? — уточнила я, аккуратно развешивая полотенце на деревянную вешалку для мужских пиджаков.

— На стол перед камином, — по инерции ответил Вайрон.

— Благодарю, — завязывая на ходу черные волосы в пристойный пучок, я направилась в гостиную, готовая, так сказать, оценить кулинарные умения местного повара.

— Ты куда? — опешил кузен, с дурацким видом приподнимаясь на подушке.

— Обедать, — оглянулась я.

— Что?

— В смысле, что? Что ты принес, — кивнула в сторону открытых двустворчатых дверей в гостиную. — Кстати, за какие грехи тебя заставили прислуживать?

— Меня?! — искренне возмущился Вайрон самой мыслью, будто кто-то мог обязать его носиться по коридорам с подносом и по утрам подливать маменьке Мириам теплое молоко в черный чай.

— То есть ты по велению души вместо горничной принес поднос? Никогда такого не видела! — не слишком умело восхитилась я. — Наверное, слуги тебя обожают, да?

Пока он действительно не надумал ответить на вопрос, не требующий ответа, я спокойно скрылась в гостиной. Накрытая серебряным колпаком еда стояла на кофейном столике перед креслом с высокой спинкой. Оно оказалось жестким и очень неудобным.

Прежде чем обалдевший кузен появился в дверях, по давней привычке я успела проверить угощение на заклятия и искренне поверить, что ни в остывший кофе, ни в тарелку никто не плюнул. Ни то, ни другое времени много не заняло, а повар приготовил все, как я просила, и чуточку больше — положил поверх большой отбивной веточку лавра. Разумеется, не ради красивой подачи. В народе ходило поверье, будто лавр отпугивал злых духов.

Вайрон вывалился из спальни, мотнул головой, поправляя растрепанные лохмы, и ошалело остолбенел, не веря своим глазам:

— Ты правда села есть?

— Хочешь присоединиться? — напряглась я, не желая ни с кем делиться добытым куском мяса.

— Кажется, ты что-то недопонимаешь, Энни...

Неожиданно он полностью преобразился: спрятал руки в карманы брюк, поднял подбородок, изобразил нахальную усмешку и начал приближаться к столу. В общем, постарался начисто стереть первое неудачное впечатление. Я резала мясо и с любопытством следила за его выступлением, в смысле, наступлением. Наконец Вайрон уперся ладонями в край кофейного столика, оказавшегося на редкость устойчивым, и склонил голову.

Мой взгляд неизбежно остановился на впалой мужской груди и птичьих ключицах, вылезающих из прорехи между расстегнутыми пуговицами. Некоторым Вайронам было буквально противопоказано демонстрировать прелести, потому как прелестей не имелось! В жизни не подумала бы, что взрослый кузен окажется высок, худ и обликом похож на оглоблю, способную напугать разве что мышей в замковом коридоре, но не темную чародейку. Хотя, конечно, он так пока не думал.

— Зачем ты вернулась, Энни? — тихо спросил он.

— Соскучилась, — отозвалась я, мысленно смиряясь, что пока не выставлю незваного гостя из покоев, спокойно поесть не удастся.

— Лучше уезжай туда, где ты обитала последние девять лет. Тебе здесь не рады, — склонился он ещё ниже.

— Обещаю, я не буду расстраиваться, — хмыкнула я и указала вилкой в сторону высокого кофейника с длинным носиком: — Плесни мне кофейку, все равно стоишь без дела.

Наблюдать вблизи, как у Вайрона вытягивается лицо, абсолютно бесценный опыт. Клянусь, в Истван стоило вернуться хотя бы ради этого момента! Впрочем, кузен был не причем. Девять лет назад дед сказал, что для него цвет дара не имеет значения, самое главное — умение владеть магией. Я должна стать лучшей и занять место, когда-то принадлежавшее моей матери. Демоны знают, сколько я вкалывала, чтобы быть достойной знаменитой фамилии! Сейчас в опечатанной

шкатулке лежал черный диплом с отличием и дедовские поздравительные карточки, собранные за девять лет, а я была готова принять материнский знак семьи.

— Смотрю, трусишка Энни стала очень смелой? — ухмыльнулся Вайрон, справившись с замешательством.

— Это был вопрос? — уточнила я.

Спокойно, Эннари, помни, что у тебя есть принцип никого не проклинать во время трапезы. Забыла? Колдовать во время еды не просто неприлично, а по-настоящему непристойно... Но какого демона?! Приличные люди без стука не вламываются, в сапожищах в кроватях не валяются и не нависают, когда у девушки в руках вилка, а внутри голод и скоропортящееся настроение. В общем, он первый начал!

— Дорогой кузен, отодвинься, — вкрадчиво попросила я, аккуратно откладывая приборы.

— Не хочу, — ухмыльнулся он.

— Лучше захоти и поскорее.

— Попытаешься заставить?

— Ты сам предложил.

Я похлопала его по плечу. От каждого касания в воздух вылетал полупрозрачный черный дымок, словно из рубашки вырывались облака пыли. Оказалось, что Вайрон не озадачился защитными заклятиями. Удивительно беспечность! Я такой не встречала лет... да вообще никогда. Сразу видно, что светлые чародеи в замке пока непуганые и действительно считают меня девчонкой, залезающей в шкаф порыдать.

— Ты что делаешь? — тихо спросил кузен.

— Помогаю тебе застегнуться. Не выношу неопрятных мужчин.

Едва я убрала руку, как его рубашка ожила. Ворот сам собой сошелся, ткань срослась, скрыв голую грудь. От неожиданности кузен отпрянул от стола, резко выпрямился и по лицу прошла болезненная судорога. Похоже, у него что-то защемило в спине. Без магии.

— Ты рехнулась?! — охнул он. — Спина не разгибается!

— В отличие от хозяина, твоя спина явно понимает, когда начинаются неприятности, — покачала я головой.

— Ты меня прокляла! — изумленно охнул он.

— Много чести.

Честное слово! Я прокляла не кузена, а его сапоги. Из гостевой башни он ещё спуститься успеет, но потом подошва растает... И придется Вайрону ковылять до своих покоев, стуча по каменному полу голыми пятками.

— В общем, Эннари! — раздувая ноздри, как бык перед красной тряпкой, процедил он, ещё не догадываясь, какой сюрприз его ожидал. — Я тебя предупредил.

Топай уже, болезный.

— Закроешь дверь, когда выйдешь? — с улыбкой уточнила я, вновь берясь за приборы. — Спасибо, что принес еду.

Он засопел, потоптался, не замечая, что на паркете уже появляются подозрительные следы от подошвы, и все-таки убрался восвояси. Щелчком пальцев я заставила ключ три раза провернуться в замочной скважине и начала есть. Приветствие Вайрона вызвало такой зверский аппетит, что вместе с мясом тарелку бы слопала!

Разбирать все вещи не имело смысла. Жить в гостевых покоях я не планировала, даже несмотря на отличный вид из окна. Места для мастерской здесь не было, поэтому все сундуки с магическим приданым, накопленным за время учебы, я надумала переселить в гардеробную, а пока занялась одеждой. Платья, шурша тканью, сами собой развешивались на деревянные плечики. Аккуратные стопки исподнего перемещались со дна дорожного сундука в выдвинутую полку комода. Сложив руки на груди, я стояла посреди одежного хаоса и с интересом изучала зеркало в полный рост, прислоненное к стене. На него было наложено хитрое заклятие.

Только-только я протянула руку, чтобы проверить, каким именно колдовством воспользовались, как с другой стороны зеркала закашляли. Я щелкнула пальцами, выбив черный дымок, шуршащая одежда замерла в воздухе. В тишине из перевернутого плаща, готового забраться на вешалку, посыпались монетки. Шпион догадался, что его раскрыли, и прокаркал ужасно недовольным голосом тетки Мириам, который я легко узнала даже через девять лет:

— В темных академиях совсем уважению не учат? Первым делом молодые чародеи приходят и здороваются со старшими, а не сундуки разбирают!

Мое отражение подернулось рябью и появилась невысокая, полнотелая женщина, упирающая руки в кружевных перчатках в крутые бока. Она почти полностью собой закрывала вид на комнату, но знакомую голубую ткань на стенах ее личных покоев при должном внимании заметить можно было.

— Здравствуйте, тетя Мириам, — поприветствовала я мать Вайрона и Люсиль. Они оба пошли цветом волос в родительницу, яркую представительницу Истванов, чистокровную, я бы сказала. Кузену ещё и материнский склочный характер достался.

— Лично! — Она недовольно указала в мою сторону пальцем. — Ты должна была прийти лично и поприветствовать нас с тетей Летти!

— Я думала, что вас с тетей Летисией нет в замке, — с невинным видом соврала я. — Кстати, ко мне уже заходил Вайрон. Он оказался очень мил и принес из кухни поднос с едой.

— Вайрон? — недоверчиво сощурилась тетка.

— Да, — кротко улыбнулась я. — Мы очень мило поболтали.

— О чем?

— О том, о сем... в основном он говорил, — неопределенно помахала рукой. — Я к вам сейчас загляну?

— Не утруждайся! — фыркнула она, освобождая меня от неприятной обязанности. — Встретимся за ужином. В этом доме ужинают в восемь!

— Я помню.

— Не опаздывай! — проворчала она.

Зеркало прояснилось. В отражении вновь появилась изящная девушка с бледной кожей, черными волосами и голубыми глазами, одетая в неброское платье с аккуратным белым воротничком. Ни одной родовой черты Истванов во мне не было, абсолютно все взяла от отца. Даже дар.

Неожиданно фигура вновь поплыла, и появилась знакомые голубые стены и вычурная мебель, обитая синим бархатом, из гостиной тетки Мириам. В кресле сидела Летисия, на диванчике примостилась кузина Люсиль. Рыжая, кудрявая, с отбеленной до фарфорового цвета кожей.

— Такая же нахалка, какой была ее мать! — фыркнула Мириам, демонстрирующая мне объемные «тылы».

— Но выросла красивой, — вздохнула тетушка Летти.

— Ты ослепла? Вороненок дорос до взрослой вороны! В кого ей быть красивой? Вспомни ее мать.

— Риэллу всегда считали красавицей, — действительно припомнила Летисия.

— У тебя явно проблемы с памятью. Попей травок! Девчонка наверняка прицепила маскирующую маску!

Мириам указала пальцем через плечо, намекая на зеркало, в котором я по-прежнему светила своим во всех отношениях натуральным лицом, и собеседницы невольно повернули головы в заданном направлении.

— Ой, Энни! — Люсиль помахала мне рукой. — Давно не виделись! Как дела?

Тетушка обернулась. Надо отдать должное, у нее на лице не дрогнул ни единый мускул.

— Здравствуйте, тетушка Мири. Я все ещё с вами, — улыбнулась я. — Но ничего, не стесняйтесь. Хотите я сама потушу магию?

Тетка резко стянула с руки перчатку, демонстрируя ярко-красный окрас с умильными черными горошками, и ткнула пальцем в зеркальную поверхность. Блеснула яркая вспышка. Перед глазами

пошли световые круги. Зеркало снова отразило меня. Теперь слегка перекошенную.

— Как думаете, Энни сделает такую же маску мне? — сладкий, как медовая патока, голос Люсиль по-прежнему был слышан так четко, будто про меня сплетничали не на другом конце замка, а в тесной гардеробной с застывшими в воздухе вещами.

— Люсиль, почему ты всегда открываешь рот, чтобы изрыгнуть какую-нибудь глупость?! — немедленно обругала дочь Мириам. — Ты хороша и свежа безо всякой пошлой магии. Мужчины любят естественность. Спроси у старшего брата, он подтвердит.

— Ветта носила маску и уже вышла замуж, — проговорила кузина. — Правда, она сказала, что приходится даже спать в маске, но, как мне кажется, это совершеннейшие мелочи. Все говорят, что маски не портят кожу...

— Арветта носит маску? — перебила размышления воинственная тетка, видимо, обращаясь к матери грешницы, поправшей принцип натуральности во внешности.

— Мириам, ничего плохого в косметической магии нет, — встала на защиту старшей дочери тетушка Летти.

— Не хочу показаться навязчивой, но я вас по-прежнему прекрасно слышу, — заметила я.

По другую сторону зеркала воцарилось молчание, а тишина отдавала возмущением, словно следящее заклятие было моей, а не теткиной идеей. От очередной магической вспышки светляк под стеклянным колпаком на стене обиженно распался на крошечные светящиеся точки и резко слипся обратно. Чары сгорели, а вместе с ним и темная магия: застывшие в воздухе вещи сорвались на пол, и мне по макушке едва не ткнули деревянные плечи с металлическим крюком.

— Проклятие! — пробормотала я, вжимая голову в плечи, и проворчала: — Дом, милый дом...

Наконец с вещами было покончено. Опустевший дорожный сундук, стуча дощечками, послушно сложился до размера небольшого ящичка и спрятал сам себя под комод. Кое-какие книги, шурша страницами, аккуратно легли на прикроватный столик возле лампы. Закрытый багаж с трудом уместился в гардеробную, остался только узенький проход к зеркалу, которым я планировала пользоваться по прямому назначению. В смысле, не красоваться в однотонных платьях, а со вкусом бесить тетку Мириам, ведь она лично превратила зеркало в следящий артефакт. Двусторонний! Ни один вменяемый темный чародей не проигнорировал бы столь щедрое приглашение.

Времени до возвращения деда оставалось много, и я устроила себе экскурсию по замку. Истван был монументальным, людным и пропитанным светлыми заклятиями. Помимо самого семейства он являлся домом для прислуги, учеников в магии и таких дальних родственников, что — уверена — даже дед Парнас вспоминал их имена, лишь полистав родовую книгу. Именно ради нее я заглянула в библиотеку.

Дух-хранитель, по сути нечисть, живущая среди книг и обязанная защищать семейное литературное наследие, прилетел не сразу, для начала присмотрелся. Я успела добраться до мощной «одноногой» подставки с родовым гримуаром, стоящей между письменным столом и магическим глобусом, по которому в детстве меня заставляли зубрить названия континентов и магических тварей, их населяющих. Резкий порыв ветра раздул мне юбку и взлохматил волосы, заставив прикрыть глаза.

— Развею, — вкрадчиво пригрозила бессловесному безобразнику.

Привидение рисковать не захотело, видимо, осознавало, что ни один светлый гримуар не стоит загробной жизни, и забилося под полку.

— Нечисть, раньше ты такой послушной не была, — хмыкнула я, вытаскивая из испорченного пучка две длинные костяные шпильки.

— Раньше ты ее и развеять не могла, — в глухой, сдавленной книжными стеллажами тишине прозвучал ироничный смешок Калеба.

Я давно перестала дергаться от неожиданности, скорее уж сразу била проклятием, но руки оказались заняты. Одна шпилька, вдруг приобретя подвижность, выскочила из пальцев и упала на потемневший от времени паркет. Тяжелые, еще влажные волосы непослушной волной рассыпались по плечам.

Калеб возник откуда-то из-за книжных шкафов, наклонился за украшением и протянул мне:

— Держи. Кажется, ты случайно уронила.

— Благодарю, любитель подкрадываться со спины. Я уронила не случайно, а от неожиданности, — повторила я насмешливый тон и, подчеркнуто проигнорировав, с каким вниманием он наблюдал за моими руками, вновь собрала волосы в пучок.

С прической было покончено, Калев по-прежнему стоял рядом и смотрел.

— Если ты закончил меня разглядывать, то открой родовой гримуар, — кивнула я на тяжелую книгу с окованными серебряным «кружевом» уголками.

— Истван здесь ты, — напомнил он, растягивая губы в улыбке и неожиданно являя мне, библиотечной нечисти и вообще белому свету ямочку на левой щеке.

— То есть тебя не усыновили, а просто колечко задарили, — протянула я, мысленно удивляясь тому факту, что родовой знак дед щедрой рукой отсыпал, а фамилию дать пожадничал.

— Заметила перстень? — усмехнулся Калев.

— Ты же его не прячешь, — дернула я плечом и осторожно кончиком указательного потянулась к гербу в центре кожаной обложки.

— Страшно, темная чародейка? — конечно, не пропустил мужчина опасливый жест.

— Разумеется, нет.

Да, святые демоны! Думала, что меня куснет магией так, что волосы встанут дыбом, и шпильки разлетятся по библиотеке, но обошлось. Гримуар чуточку уколол, скорее из вредности, нежели из желания спугнуть. Серебряное кружево, обрамляющее герб, завертелось, ожило, и книга сама собой раскрылась, выплеснув в сумрачный воздух поток голубоватого света. Видимо, для родовой книги Истван и с темным даром по-прежнему оставался Истваном. В отличие от всяких самозванцев.

С благоговением и трепетом я начала переворачивать плотные сероватые страницы с портретами, именами и главными событиями в жизни предков. Книга эта, как живая, наращивала новые листы, когда в семье рождались дети. В общем, родовой магии было плевать с высокой учебной башни, кого жители замка считали приبلудышем.

— Увидимся, Калев. Хорошо тебе добраться до покоев, — бросила я, не поднимая головы.

— Это какое-то проклятие? — уточнил он.

Я с неохотой перевела взгляд от портрета прабабки Агаты Истван. Если слухи не врал, она обладала таким крутым нравом и взрывным темпераментом, что снесла злосчастную учебную башню и в наказание была отправлена отцом в глухую провинцию на другой конец королевства.

— Пока нет, но всегда готова... — намекнула я, что Калев Грэм в край меня достал своим присутствием. — Никуда не торопиться?

Он усмехнулся и действительно, подхватив с письменного стола какую-то книжечку, направился к выходу. Я пропустила несколько поколений, описанных на паре сотне страниц, и раскрыла разворот с рожей... портретом Вайрона. Было любопытно узнать, почему кузен застрял в замке, а не проводил время в столице, как все нормальные чародеи его возраста.

— Кстати, ты что же, успела проклясть Вайрона? — проговорил Калев.

А новости-то по замку по-прежнему разлетаются со скоростью черной чумы!

— С чего бы мне проклинать дражайшего кузена? — передернула я плечами. — Он у меня в единственном экземпляре. Я проклала его сапоги.

— Разве это не одно и то же?

— Что за тон судейского обвинителя? — проворчала я, крайне недовольная этим поборником нравственности. — Не путай меня с какой-нибудь зачуханной ведьмой. Заколдовать Вайрона было вопросом выживания, а не каприза.

— Да неужели? — Калев не пытался скрыть иронию.

— Если бы он съел мой обед, я умерла бы от голода. Не для того я столько лет училась, чтобы так бесславно отбыть на тот свет. Даже завещания не успела написать.

— Эннари, ты надо мной издеваешься? — тихо спросил он.

— Тебя какой больше ответ устроит? — фыркнула я. — Удачи, Кaleb.

Святые демоны, он наконец отчалил!

— Я все-таки обязан спросить...

Отчалил, но доплыл недалеко.

— Спроси, раз обязан, — ласково позволила я тем самым тоном, который означал, что дальше в ход пойдут проклятия и плевать, что передо мной бывший специалист по защите от темных чар.

— Зачем тебе завещание? — вдруг огорошил они и вновь бессовестно продемонстрировал милую ямочку на левой щеке.

— Сразу видно, что ты бесповоротно светлый! — закатила я глаза. — Если решишь умереть без завещания, то потом не обижайся, когда обнаружишь себя воскрешенным умертвием. Темные чародеи должны уйти на тот свет, не оставив ни одному паршивому некроманту шанса обзавестись новым домашним питомцем. Об этом даже дети знают.

— У нас дети о таком не знают, — заметил он, не пытаясь скрыть веселья.

— Именно поэтому в основном воскрешают светлых чародеев, — улыбнулась я. — Но предупрежден, значит, вооружен. Хороший повод прямо сейчас написать завещание, если его у тебя нет.

Думала, что откровенный намек свалить из библиотеки Кaleb решит вновь не услышать, но то ли у него закончилось время, то ли проснулась совесть, он вроде собрался уходить...

— Эннари!

— Да что?! — рыкнула я, теряя терпение.

Дух-хранитель испуганно пронесся по библиотеке, взлохматил Калебу волосы, разметал по столу бумаги, рассыпал писчие перья и забился в полку с книгами, свалив на пол пару толстых томиков. В отличие от него бесящий мужик не испугался, а только шире улыбнулся.

— Ты забавная, когда злишься.

— Это все, что ты хотел сказать? — сквозь зубы процедила я, чувствуя, что нахожусь в одном щелчке пальцев от заклятия лицевого паралича.

— Почитай в книге о себе, — посоветовал он.

— Вряд ли я найду в родовом гримуаре что-то новое, чего сама о себе не знаю.

Мы вдруг встретились глазами. Из его взгляда исчез смех, зато вновь появился пронизывающий лед.

— В таком случае, встретимся за ужином, Эннари.

Когда за ним наконец закрылась дверь, а пространство вновь наполнилось благоговейной тишиной, я позвала несчастное привидение:

— Нечисть, иди сюда! Поможешь страницы переворачивать.

Дух-хранитель с такой радостью бросился помогать, что снова растрепал мне пучок.

Через полчаса я знала почти все, что происходило с кузенами и кузинами в последние годы. «Почти» исключительно потому, что наше с магической книгой понятие о главных вехах в жизни людей не совпадало, и разбирать мелкие литеры на старомagическом из-за ерунды было лень.

Как выяснилось, Эбигейл с пафосом привесила на стену золотой диплом светлой академии и надумала открыть магическую школу для девочек в северном крыле замка. Арветта три года назад вышла замуж и переехала к супругу. Вайрон гулял и наслаждался жизнью, пока прошлой весной дед не посадил его под домашний арест. Люсиль не доучилась, но получила десяток предложений руки и сердца, безжалостно отвернутых теткой Мириам. Теперь обе ждали, когда на хорошенькую Люси свалится принц. Желательно настоящий, можно без колдовского дара.

Я практически закрыла книгу, но внезапно перед мысленным взором появилось серьезное, сосредоточенное лицо Калеба. Ведь на что-то он намекал, предлагая проверить мое жизнеописание... Ради спокойствия я отыскала разворот с собственным портретом. До тридцати лет изображение в книге менялось, и сейчас со страниц на меня смотрела двадцатилетняя девушка с едва заметной, буквально спрятанной в уголках губ ухмылкой. Ничего нового или необычного в

описании не обнаружилось: дата рождения, имя матери, тщательно затертое ею же имя отца.

Только я хотела перевернуть страницу и проверить следующий разворот, как буквально перед моим носом вспыхнул язычок пламени. Он быстро разгорался, стремительно выплетая только-только сожженный где-то на другом конце замка лист писчей бумаги. Послание полностью развернулось, в разные стороны разлетелись искры, и огонь растаял.

Посреди висящей в воздухе страницы была строчка, написанная мелким дедовским почерком. Пресветлый Парнас, как обычно, не жалел бумаги, но был краток и чрезвычайно скуп на слова, словно отрывал их от сердца. Или за каждый написанный чернильный знак платил деньги. Он просто дал знать, что уже вернулся в Истван и ждет меня в кабинете. Никаких тебе «добро пожаловать домой, дорогая внучка» или «надеюсь, ты уже выбрала комнату под мастерскую и если хочешь выселить Эбигейл в коридор, то не стесняйся и ни в чем себе не отказывай». Щелчком пальцев я заставила листок сложиться в несколько раз, спрятала его в карман и спустилась со ступеньки. Родовую книгу услужливо закрыл дух-хранитель. Все-таки темных чародеев нечисть любила больше, чем светлых.

К деду я с собой прихватила деревянную шкатулку с лакричной карамелью, которую варили в городке возле замка Деймран. Пресветлый Парнас, один из самых влиятельных магов королевства, испытывал необъяснимую слабость к этим несъедобным, даже на мой непритязательный вкус, конфетам. Последние семь лет в каждом письме просил выслать по пригоршне. И ни разу не прислал на них денег. Старый скупердяй!

Вместе с дедом в южной башне жили тишина, резкий запах магии перемещений и свет. Очень много света. За окном только-только подходил к концу предпоследний день позднего лета, вокруг Иствана едва начало смеркаться, а на лестнице уже сами собой загорались магические огни. Они вспыхивали разрозненными мухами, стремительно слетались в один светящийся клубок и гасли, стоило оставить за спиной очередной виток ступенек.

Только занесла кулак, чтобы вежливо постучаться в тяжелую дверь, как она открылась сама собой. Я зашла. За девять лет в кабинете не изменилось ровным счетом ничего: ни атмосфера, но подчеркнута строгая обстановка, ни сам хозяин кабинета, словно каждое утро принимавший по пять капель эликсира от старения. К массивному письменному столу нужно было подниматься по ступенькам. Пока меня не позвали, приходилось задира́ть голову.

Почти три секунды мы с дедом внимательно рассматривали друг друга. Взгляд у него остался прежним: пронизывающим.

— Здравствуйте, господин пресветлый чародей, — поздоровалась я, не испытывая ровным счетом никакой неловкости. — Я вернулась.

— Добро пожаловать домой, Эннари, — произнес он. — Как добралась?

— Благодарю, дорога была легкой, — вежливо ответила я. — Возле ворот меня встречал Калев.

Дед даже бровью не повел и указал рукой на одно из глубоких кресел, повернутых спинками к резной ширме, за которой скрывался камин:

— Проходи.

В разговорах пресветлый Парнас тоже придерживался принципа словесной скупости.

Пока я поднималась по ступенькам, он вышел из-за стола и фактически встретил меня на полдороге к креслу. Я протянула шкатулку с лакричной карамелью, на вкус похожей на сироп от кашля, и прокомментировала:

— Ваши любимые конфеты.

Он забрал подарок, но на мгновение замер, почувствовав наложенные темные чары. И промолчал. Я никогда не решилась бы проклясть деда или наложить какое-нибудь шпионское заклятие, позволяющее подслушивать или подсматривать, но на всякий случай пояснила:

— Чтобы конфеты не таяли.

Шкатулка заняла почетное место на столе между тяжелой хрустальной чернильницей и ящичком для перьев.

Я опустилась в кресло, отозвавшееся протяжным недовольным скрипом.

— Мы ждали тебя в начале лета, — усаживаясь напротив проговорил дед.

— Я гостила у друга.

— В поместье у Холта Реграма, — выказывая ожидаемую осведомленность, произнес он.

— Вы правы, дедушка, именно у него, — кивнула я, следя за тем, как дед, сам того не замечая, выстукивает пальцами по подлокотнику кресла.

Характерный жест лучше тысячи слов говорил накопленном за три месяца раздражении.

— В семье ведьмаков? — Тон тоже был исключительно неодобрительный.

Святые демоны, какой снобизм при темной-то внучке!

— В семье очень уважаемых темных чародеев, — поправила я с серьезным видом.

О том, что летом эта исключительно уважаемая семья предпочитала отдыхать на побережье, подальше от северных красот, ледяных склепов и мрачных святилищ, стоило промолчать.

Если он волновался о моем реноме или вообще семейной чести Истванов, то напрасно. Холт безусловно был хорош и даже больше, но он не испытывал ко мне ровным счетом никаких нежных чувств, а я напротив испытывала страшнейшую изжогу при мысли о безответной любви к лучшему другу.

— Родители Реграма были в поместье? — прищурился дед, словно надеясь меня испугать пронизывающим взглядом.

— Конечно, — с честным видом соврала я.

Он пожевал губами, но промолчал и позвонил в маленький колокольчик. Думала, что сейчас колдовской сигнал заставит в кабинет ворваться толпу слуг, но, по всей видимости, толпа принялась суетиться где-то на другом конце замка. Пока ничего не происходило, мы обменялись выразительными взглядами. Наконец на круглом столике, стоящем между кресел, появился поднос с чайными парами, розеткой с медом, пузатым чайником, выпускающим из носика ароматный дымок, и серебряной конфетницей, наполненной крошечными разноцветными зефирками. Теми самими, за которые я была готова продать душу соседа!

Хотя было очевидно, что дед и пальцем не пошевелит, чтобы угоститься, я предложила:

— Позвольте мне.

Ромашковый чай пах корицей и кусочками яблока, очевидно плавающими в чайнике. Один такой изнутри перекрывл носик, так что пришлось посудину взболтать.

Дед следил за мной и явно пытался подавить желание высказаться насчет дурных манер, компаний и вообще всего дурного. В ответ я не стала уточнять, кто имелся в виду под загадочным «мы», все лето ожидавших моего появления в замке, — претендентов не наблюдалось. Возможно, эти самые претенденты просто не успели организованно доскакать до парадных дверей и всучить ключи от покоев с четырьмя комнатами, чтобы прямо в них устроить мастерскую. Или просто-напросто пресветлый Парнас начал называть себя во множественном числе. Странно, конечно, но говорят, что к старости у сильных чародеев маленько «сбивался компас».

Некоторое время мы обсуждали мелочи: замечательную погоду летом, отвратительные морозы зимой, сложную сдачу диплома, его цвет и даже форму. К планам на будущее дед что-то не торопился переходить, зато внимательно, почти неотрывно смотрел на чашку в моих руках. Оборвавшись на полуслове, я опустила взгляд. При привычке серебряная ложка сама собой размешивала в чашке мед, из вершины вылетал черный магический дымок. Быстро сжав ложку в кулаке, я остановила верчение и проговорила:

— Я хочу устроить мастерскую, а ещё подумываю связаться с местным кланом темных чародеев. Кстати, как у вас с ними отношения?

— Холодные, — сухо отозвался дед, следя за тем, как я осторожно пристраиваю укрощенную ложку на блюде.

— Отлично! — с энтузиазмом кивнула. — В смысле, плохо, но я планирую наладить связь. Как думаете?

— Выходи замуж, — вдруг огорошил дед.

— Когда? — вырвалось у меня, хотя стоило бы спросить «зачем».

— Осенью. — Парнас резанул меня серьезным, холодным взглядом.

Я тут мир вообще-то собралась захватить, на кой мне сдался муж? Начнет мешаться под ногами, у

меня сдадут нервы, я его прокляну на смерть, а потом придется воскрешать, чтобы никто не догадался. В общем, супруг мне решительно был не нужен ни в каком виде: ни в живом, ни тем более в мертвом. Столько возни!

— За кого? — спросила я из чистого любопытства.

— За Калеба, — коротко отвечивал дед.

Глядя в его непроницаемое лицо, я в полной мере осознала, как прав был Холт, когда утверждал, что стоит придумать запасной план. Вдруг жизнь в Истване не сложится? Я тогда разозлилась и ответила, что он полный кретин.

ГЛАВА 2. Запасной план злодейки

— Почему именно за него? — с легкой улыбкой, скрывающей нарастающую бурю негодования, уточнила я и превеликой осторожностью отхлебнула чай.

Он был чудовищным на вкус: никакого успокаивающего запаха ромашки, сплошная бесящая корица. Официально заявляю, что с этой минуты корица на втором месте в длинном списке вещей, которые я ненавижу. На первом — разговоры о женитьбе с Калемом Грэмом.

— В Сартаре у Калеба превосходная репутация, — заговорил дед. — Никто не посмеет даже подумать о том, что его супруга не достойна уважения. За сильным мужем тебе не придется стесняться происхождения.

Как он сказал? Стесняться? Я с трудом сдержала издевательский смешок.

— Он тоже считает, что ему выгодно жениться на незаконнорожденной темной чародейке? — уточнила я и кашлянула. Поперек горла встал ком, не позволяющий пить отвратительную коричневую бурду и любезно говорить, разве что шипеть проклятия.

— Этот брак выгоден абсолютно всем! — отрезал дед. — Калек войдет в ковен Истванов и не потеряет право наследовать состояние семьи Грэм.

Зато теперь понятно, отчего великий Парнас так и не сподобился официально усыновить осиротевшее чадо своего любимого ученика, погибшего от когтей демонического создания.

— У тебя еще две незамужние внучки, — напомнила я о существовании Люсиль и Эбигейл. — Почему именно мне выпала такая... великая честь?

— Ты единственная нуждаешься в помощи. Я обязан позаботиться о твоём благополучии.

— Калек в курсе свадебных планов? — сдержанно спросила я, и видят демоны сдержанность далась мне нечеловеческим усилием. Даже не подозревала, что способна проявлять волю, потрясающую даже мое воображение.

— Естественно, — кивнул дед.

Я отставила чашку с почти нетронутым чаем и нахально заявила:

— Благодарю за выгодное предложение, но нет. Замужество с Калемом Грэмом могло привидеться мне только в очень страшном сне, как в принципе любое замужество. К счастью, я сплю без сновидений.

— Это был не совет, Эннари, — перебил меня дед. — Брачное соглашение подписано. Выбери дату, чтобы официально объявить о помолвке и обменяться родовыми символами.

— Какое ещё соглашение? — к собственному стыду, я так опешила, что чуть не забыла закрыть рот.

На письменном столе хлопнула крышка шкатулки. Стремительно рассекая воздух, к нам прилетел свернутый трубочкой свиток. По приказу деда он резко развернулся и повис на уровне глаз перед моим лицом. Пришлось щелкнуть по свитку ногтем, заставляя его отлететь подальше. А то тычут носом, как нашкодившего щенка!

Черным по белому, вернее, синим по серому в соглашении было написано, что дед безвозвратно — полагаю, это ключевое слово договора — вручает свою внучку Эннари Истван, обладающую темным даром, в руки Калеба Грэма, мужчины с отбитым чувством самосохранения. Видимо, других претендентов превратить семейного приبلудыша в честную чародейку не нашлось. Или совсем не искали. Зачем далеко ходить, если в замке счастливо живет ничейный, буквально бесхозный жених?

— Нет! — коротко вынесла я вердикт, хотя очевидно, что мнение будущей невесты никто учитывать не планировал.

Главное, не разозлиться! Злятся только слабаки, а я сильная и независимая чародейка! А что свет в кабинете померк и густились тени, так просто за окном давно не полдень — за вечерело.

— Дело решенное, Эннари, — припечатал дед.

Что ж, даже у сильных и независимых чародейек иногда сдают нервы... От уголка свитка потек черный полупрозрачный дымок. Секунду погодя он вспыхнул, как факел. Вокруг вытянулись изломанные контрастные тени. Сквозь пламя мы с дедом буравили друг друга пристальным взглядом. Узкие губы Парнаса дернулись в едва заметной усмешке.

Когда в воздухе остался висеть обгоревший клочок с чудом сохранившимся хвостиком от подписи Калеба, свиток начал выплетаться заново. Первоначальный вид он возвращал эффектнее и гораздо быстрее. В моей голове ещё не укоренилась мысль, что эти двое скрепили соглашение магически, а бумага уже в целостности и сохранности висела в воздухе. Родовая печать Истванов нахально поблескивала в сгустившемся полумраке.

Любой маг, даже самый плохенький, знал, что проигнорировать эту самую печать — чистой воды самоубийство, обязательно начнется черная полоса. Длинною в жизнь. Не исключая, что и после смерти тоже сильно не повезет. Возможно, потеряется завещание, и какой-нибудь ушлый некромант превратит меня в домашнего питомца... А я окажусь настолько неудачливым умертвием, что не сумею оставить ему шрамы от когтей. Как подумаю о таком печальном исходе, так мурашки по спине бегут. Табуном!

Судя по каменной физиономии, уважаемый дед разрывать сделку не собирался и планировал отправить меня под венец, даже если придется отвесить пинок для ускорения и решимости. Но ведь родовая печать Грэмов тоже стоит на бумаге...

— Хорошо, — поднимаясь с кресла, произнесла я таким тоном, чтобы не оставалось сомнений, что это «хорошо» буквально означает «еще посмотрим». — Думаю, нам есть что обсудить с женихом. Поздравить... друг друга. Дату помолвки опять-таки назначить. Пойду, если вы, дедушка, не против.

Я сорвала замерший в воздухе свиток, словно тряпицу, подвешенную на прищепку.

— Встретимся за ужином, Эннари, — намекнул Парнас, что семейные посиделки нельзя пропускать. И даже убийство жениха вообще не повод.

— Приятного чаепития, дедушка.

Из кабинета я вышла с гордо поднятой головой, расправленными плечами и прямой спиной. Просто внутри поселилось странное ощущение, будто разговор встал колом, а теперь этот кол не давал ссутулиться. И только шлейф из темноты, несущийся следом за мной, да мигающие лампы тонко намекали, что чародейка немножечко, буквально самую-самую малость раздражена.

Лишь бы освещение потом не пришлось менять... По совершенно необъяснимой причине, когда я была самую малость раздражена, обязательно издыхали магические светляки. Очень нервные создания! Чуть что, безвозвратно гаснут.

На третий этаж гостевой башни я не поднялась, а буквально взлетела. Даже не запыхалась, словно несущиеся следом тени выплелись в крылья и придали нужное ускорение. Постучала в дверь. Три раза. Негромко. Думала, придется ждать или дожидаться, что ещё хуже — ненавижу караулить, но дверь открылась без бесящих пауз.

Калек успел переодеться в рубашку и широкие штаны. Из пучка выбились пряди, спадали на шею и уши. Завязал бы волосы, что ли, в приличный хвост, а то выглядел непозволительно, по-домашнему. Не для судьбоносного разговора.

— Это я должна была обнаружить в родовом гримуаре? Оригинальный способ делать предложение! Встать на колени и попросить — каменеют суставы и язык?

Кстати, я же проклятие похожее знаю! Надо записать в рабочий гримуар, чтобы не забыть использовать. Ни разу не практиковала на людях, отчего бы не сейчас? Можно на женихе. Что он стоит ничем не проклятый, здоровенький и страшно бесящий.

Не отводя взгляда, недрогнувшей рукой я припечатала свиток к крепкой груди мужчины:

— Разорви.

Только собралась гордо удалиться, как в спину прилетел возмутительно-спокойный отказ:

— Нет.

Я обернулась недоверчиво и очень медленно, все еще полагая, будто ослышалась. Прозрачно-голубые глаза Калеба походили на ледышки. В них было невозможно увидеть мысли, но совершенно точно читалось любопытство. И он не думал ловить злосчастное соглашение, более того спрятал руки в карманы. Заметно измятый листок валялся на полу между нами, куда, по всей видимости, отлетел.

— Что ты сказал? — вкрадчиво уточнила я.

— Назови хотя бы одну причину, почему мне не взять в жены привлекательную, невинную наследницу знаменитого рода Истван, за которой дают очень приличное приданое? — изогнул он

левую бровь.

Ничего себе неожиданность! Мысленно я представляла, что Калеба фактически насильно принудили скрепить брачное обязательство, но, похоже, ошиблась.

Мы оба были обязаны деду. Калебу он дал защиту и дом, мне оплатил учебу и достойное содержание. Конечно, от матери я получила кое-какое наследство, но на девять лет безбедной жизни этих денег не хватило бы, а стипендия подданным соседних королевств не полагалась.

— Мы не торгуемся, — с предупреждением в голосе вымолвила я. — Разорви соглашение.

Он бросил на меня взгляд из-под ресниц и начал наступать. Я гадала: поднимет ли Калев магический документ или перешагнет и когда вообще остановится. Не задумываясь, он наступил на свиток, словно тот совершенно ничего не значил.

— Ты специально идешь поближе, чтобы лучше меня слышать? — с иронией уточнила я. — Замри, иначе я ударю магией.

— Не ударишь, если предупреждаешь.

Он остановился на расстоянии в полшага, не забываясь тем, что действительно может схлопотать какое-нибудь проклятие.

— Не пойму, ты просто смирился, что дед попросил отдать долги, или правда хочешь жениться?

— В моем возрасте самое время завести семью, — напомнил он, что вообще-то старше меня почти на восемь лет.

— Зато в моем рановато.

— Риэлла Истван в двадцать лет уже качала дитя, — бесцеремонно напомнил Калев, как рано мать сбежала из замка, чтобы вернуться одинокой и с дочерью на руках.

— И я прекрасно помню, как печально для нас обеих это закончилось, — усмехнулась я, подавив дурацкий порыв скрестить руки на груди и отгородиться от новоприобретенного жениха. — Если у тебя проблема с деньгами, то выбери любую из моих кузин. Уверена, за них тоже неплохо приплатят.

— Твоих кузин мне не предлагали.

— А ты спрашивал о них?

— Зачем? — Он открыто издевался.

— За тем, что я не выйду за тебя замуж. Более того, мы даже до обряда брачных обещаний не дойдем.

— Если верить соглашению, Эннари, то дойдем. Сейчас я понимаю, почему Парнас настоял на родовой печати. Ты крепкий орешек.

— Вообще-то, я темная чародейка.

— И ты это старательно подчеркиваешь, — с нахальной ухмылкой он разглядывал мои губы, словно напоминая, что они покрыты алой краской, кричащей о том, что девушка непроста, как может показаться с первого взгляда. — Разве не очевидно, что мне плевать на цвет магии.

Кому очевидно? До меня только-только доходит, что ты, дорогой жених, не похож на жертву шантажа.

— И я способна превратить твою жизнь в ад. Что непременно и сделаю, — пообещала я.

Тут меня посетило озарение: проблема Калеба Грэма вовсе не в атрофированном инстинкте самосохранения, а в тугоухости! Он просто-напросто не слышал угроз даже на ничтожном расстоянии, на каком чужие люди имели право стоять исключительно в набитой битком театральной галерке.

— Буду ждать с нетерпением, — согласно кивнул он. — В конечном итоге самые послушные и преданные жены получают из маленьких своевольных ведьм.

— Кажется, ты чего-то не знаешь о ведьмах.

— Теперь мне еще сильнее хочется проверить.

Он меня открыто дразнил, а я так старательно пыталась не поддаваться на провокацию и держать непроницаемое лицо, что от усилий нижнее веко начало тихонечко подрагивать. До этого момента я и не подозревала, что оно обладало такой неестественной подвижностью.

— Раз ты всерьез намерен жениться, то должен знать, что с невинностью тоже имеется заминка, — чутьчку улыбнулась для эффекта. — Я не девственница.

Я нахально соврала, но проверить-то он все равно не сможет. Никогда, ни при каких обстоятельствах и даже под угрозой смертельного проклятия!

Тишина стала вдруг такой глубокой, что можно было расслышать, как курлычут голуби, облепившие каменный выступ за окном. Левая бровь Калеба поползла вверх. В глазах появилось странное выражение, уголки рта дернулись в бесстыжей улыбке.

— Хорошо, — произнес он.

К собственному стыду я чуть не поперхнулась на вздохе.

— Хо-ро-шо? — пришлось говорить распевно, чтобы справиться с неожиданным заиканием.

— Люблю опытных женщин. С ними весело в спальне: они не стесняются, не жмутся и знают, что хотят. Опять-таки учить ничему не надо...

Задела, называется, мужское самолюбие! Он насмехался, а я как любая девственница была готова самовоспламениться от нечеловеческой неловкости. Но Кaleb пошел дальше и с убийственной иронией уточнил:

— Почему ты смутилась, Эннари? Ты сама начала обсуждать животрепещущую тему супружеского долга.

Ничего я не собиралась обсуждать! Соврала, чтобы усть подлца. Кто же знал, что он обнаружит свободные взгляды не только на цвет магии!

— Другими словами, тебя все устраивает и разрывать соглашение ты не собираешься? — Я даже нашла в себе силы говорить небрежно.

— Обещаю, быть добрым мужем и тратить приданое с умом, — с иронией ответил он.

— Ладно, женись.

— Когда?

— Не знаю. Главное, не на мне.

Я собралась покинуть поле боя с высоко задранной носом.

— Маленькая ведьма! — со смехом в голосе окликнул Кaleb. — Уверен, ты не настолько коварна и опасна, насколько себя мнишь.

— Дорогой жених, кажется, вы перепутали банальную вежливость со слабостью, — бросила я через плечо и вошла в комнату.

За спиной сердито хлопнула дверь. От косяка вырвался черный дымок, выказывающий, насколько хозяйка поклевала злом. Сам собой в замочной скважине провернулся ключ. Я застыла посреди гостиной и начала перебирать в уме заклятия, способные выбить из Калеба возмутительную спесь. Как всегда, на десятом меня попустило, на пятнадцатом вернулось самообладание.

Пока меня не было, из комнаты исчез поднос с грязной посудой и появился графин с водой. Шпионское заклятие на зеркале не трогали. Я специально его проверила, когда доставала из дорожного сундука завернутый в плотную ткань живой гримуар.

Устроившись на широком подоконнике, я аккуратно развернула мешковину и любовно огладила кожаный переплет с коваными уголками. Редкую книгу мне подарила деканесса Брунгильда Торстен, потрясающая женщина, в присутствии которой даже мухи предпочитали не жужжать, а притворяться мертвыми. Студенты притворяться мертвыми, конечно, не смели, но голос лишнего раз подавать не рисковали.

В общем-то, гримуар и Холт Реграм появились в моей жизни одновременно. Представитель древней магической фамилии на спор с приятелями стащил колдовскую книгу из кабинета госпожи декана и подкинул мне. Тоже на спор. Я так сильно разозлилась, что заклала всю компашку проклятием честности. Слышала, что они каялись даже в детских проделках, пока Брунгильда не сжалилась и не погасила колдовство.

Пару месяцев я гордо носила корону самой злобной ведьмы академии Деймран, перехватив престижный статус у деканессы, за что она торжественно подарила мне возвращенный гримуар. Холта же отчаянно веселило, что его прокляла внучка светлого чародея. И пусть я не разделяла мнение друга, будто к магии надо относиться легко, мы умудрились сойтись характерами.

— Брунгильда, просыпайся! — похлопала я в ладоши над книгой.

Безусловно, живой гримуар звали по-другому. Пафосно, благородно и почти не переводимо на сартарский язык... Короче, я не запомнила и дала имя бывшей хозяйки. Книге не нравилось, может, воспоминания о деканессе Торстен были невеселые, или она редко обращалась к этому «кладезу магической мудрости», но кладезь под дурное настроение вредничал.

— Немедленно!

Из символа темной магии, выдавленного в центре кожаного шероховатого переплета, вырвалось облако жиденького дымка, словно книга-старушка для начала решила прокашляться. Знак вспыхнул, застежка раскрылась.

— Начадила-то, — недовольно поморщилась я, ладонью развеивая слезоточивый дым. — Брунгильда, как разорвать свадебное соглашение с родовой печатью?

Книга сама собой раскрылась, зашелестели страницы. Ближе к середине толстого тома поиск завершился. На предложенном развороте был заголовок: «Как навести порчу».

— Брунгильда, как разорвать свадебное соглашение без черной магии? — уточнила я.

Страница открылась немедленно. «Ядовитая волчья ягода» было написано в заголовке.

— Ты мне предлагаешь выпить яду и напоить остальных? Не выпалась, что ли? — с раздражением спросила я у безмолвной книги. — Брунгильда, как разорвать магическое соглашение, никого не убивая?

Гримуар принялся листать страницы. Туда-сюда, вперед-назад. Через минуту отчаянного шуршания стало ясно: способа, чтобы все оставались — ладно, здоровы — хотя бы живы, в книге с темными заклетами и магическими советами не находилось. Она печально закрылась и выпустила от страниц черный дымок. Мол, пощади, хозяйка, я выдохлась.

— Брунгильда, как избавиться от жениха за три... хорошо, за семь дней? — печально вздохнула я, поняла, что книжка нацелилась на разворот с порчей, и быстро уточнила: — Не убивая его с помощью черной магии!

Страницы зашуршали к разделу, где подробно рассказывали, как правильно прикапывать умертвие.

— Чтобы он остался жив! — начала выходить из себя я.

Опять порча... Не книга, а какой-то сборник инструкций для серийного маньяка! Раньше я не замечала за ней подобной кровожадности.

— Жив и здоров! — рыкнула я. — Как бык!

Гримуар заторопился в обратную сторону, ближе к концу, где описывали любовную магию, и странички имели нежно розовый цвет.

— Что это? — нахмурилась я, не понимая, к чему ведет магический артефакт.

Он вел к разделу «Привороты мужчины к женщине». Другими словами, мы друг друга так и не поняли.

— Брунгильда, ты сегодня большая дура! — резюмировала я в сердцах.

Книга захлопнулась, застежка закрылась, печать потухла. Мало что кровожадная, так ещё и обидчивая! Посоветовала, называется, как избавиться от гадского соглашения.

Время ужина наступило незаметно. Есть ещё не хотелось, не появиться в столовой я не могла. Пусть в замке меня не жаловали, но поприветствовать семью все-таки следовало. Заодно всем подпортить аппетит цветущим видом.

Ради такой важной миссии я наредила губы красной помадой и нанесла на запястья пионовые благовония. Все по канону: темные ведьмы всегда цветут и пахнут сладкими ароматами.

Я решительно направилась к двери, но где-то на середине пути перед мысленным взором мелькнул странный образ, будто снаружи меня поджидает новоявленный жених. В воображении он стоял,

прислонившись к стене и спрятав руки в карманы. Волосы почему-то были подстрижены, и в свете магической лампы вновь хищно поблескивала сережка. В общем, богатая фантазия меня подвела, и решимости убавилось, сама не знаю отчего. Прежде чем выйти, я приоткрыла дверь и в щелку проверила свободен ли проход к лестнице. Естественно снаружи никого не было.

— Да демоны всех дери! Что я делаю? — разозлилась сама на себя, на Калеба за то, что пробуждал желание осторожничать, а заодно на богатую фантазию. Что она, предательница, подкидывает нервирующие образы?!

И все равно постаралась поскорее уйти из гостевой башни. Но напрасно торопилась, рискуя поломать на лестнице каблуки или свернуть шею, дверь в покои Калеба Грэма не скрипела, не хлопала и оставалась неподвижной, а потенциальный претендент на несчастливый брак за мной не гнался. Хотелось верить, что он решил поужинать в одиночестве и в тишине подумать, на кой демон ему сдалась жена темная чародейка, и с какой скоростью начнет портиться его жизнь после свадьбы.

Эбигейл я увидела издалека. Призрак прошлого, стремительный и стройный, приближался из противоположного конца коридора. Длинное платье из темно-синей материи красиво льнуло к ногам. У кузины изменилась походка и цвет волос. Рыжевато-русый, истинно ишванский, уступил место холодному блонду. Но кое-что осталось прежним: за плечом, как бывало в детстве, преданным библиотечным духом трусил Вайрон.

Ему удалось справиться с темным заклятием: к ужину он переоделся, переобулся и даже выглядел, как нормальный человек, а не как — ну — послеобеденный Вайрон, завалившийся ко мне в комнату. Любо-дорого посмотреть! Возможно, он просто не рисковал мелькать торсом перед дедом и застегнулся на все пуговицы, но я по-прежнему свято верила в воспитательный эффект одежно-обувного проклятия.

Историческая встреча с главной злодейкой моего детства произошла напротив столовой. Даже показалось, что Эбигейл специально прибавила ходу, лишь бы не дать мне завернуть первой. Могла не торопиться, я все равно их подождала бы.

— Добро пожаловать домой, Энни, — произнесла она мягким голосом.

Мы были одного роста. Я за счет каблуков.

— Благодарю, — кивнула я и обратилась к Вайрону, указывая на начищенную обувь: — Красивые сапоги. Новые?

В глазах кузена вспыхнула плохо сдерживаемая злость, а на скулах появились красные пятна.

— Ты испортила мои любимые сапоги и рубашку! — прошипел он сдавленным голосом, видимо, не желая, что бы в столовой услышали о магическом конфузе.

— Они же были не последними. Ты расстроился? — невинно уточнила я и добавила, как бывало в детстве говорил он, когда еще казалось, что если пожаловаться взрослым, то обидчиков непременно накажут: — Я же просто пошутила.

— Пошутила?! — крикнул он. — Ты меня прокляла!

— Другими словами, шутка не удалась, — резюмировала я.

— Это было не смешно! — прошипел он.

— Ой, да брось, Ронни! — неожиданно поддержала меня Эбигейл. — Это было реально смешно. У тебя сапоги на ногах расплавились, а ты не сразу понял. В жизни так не смеялась!

Буркнув что-то злобное, но неразборчивое, сердитый кузен ринулся в столовую. Видимо, решил, что стоит уйти, пока от ярости не расплавился следом за любимыми сапогами. Эбби проводила его внимательным взглядом и осуждающе покачала головой:

— Теперь есть повод набраться за ужином. Вообще никакого чувства юмора.

— И что вы застыли в дверях, как умертвия перед святым распятием? — рявкнула тетка Мириам, незаметно возникшая у меня за спиной.

Я поспешно уступила дорогу и улыбнулась:

— Еще раз здравствуйте, тетушка. У вас очень, очень красивые перчатки. Я их ещё в зеркале заметила, но не успела сказать...

Тетку без преувеличений перекосило. Видимо, она уже отчаялась отмыть черные горошинки и эти

красивые перчатки надоели ей хуже горькой редьки. Она прошла мимо, но все-таки бросила через плечо:

— Поторопиться не желаете, юные леди?

Эбби закатила глаза и едва слышно пробормотала, делая вид, будто мы старые подружки:

— Вечно вопит на весь замок, как припадочная. — Она мило улыбнулась и с видом хозяйки бала кивнула: — Идем, Энни?

К счастью, ей хватило здравого смысла просто поехидничать, но не брать меня под локоть.

Мы двинули следом за теткой в зал с огромным камином, затянутыми тканью стенами и портретом основателя ковена Иврона Иствана. Картина была обновлена магическими красками, отчего казалось, будто взгляд у предка живой и пронзительный.

Парнас сидел во главе накрытого по всем правилам этикета стола. На обычном месте, по правую руку от деда, обнаружился мой неожиданный жених. Жаль, что он не пожелал остаться в гостевой башне и за одинокой трапезой подумать о плюсах холостяцкой жизни перед несчастливым браком! Незаметно он перехватил мой взгляд. Наверное, со стороны казалось, будто я за ним наблюдала.

Дед властным жестом руки указал на пустующий стул рядом с Калемом, хотя я по старинке нацелилась на привычное место, куда обычно усаживали самых бесполезных членов ковена. Что характерно, сейчас один из таких «почетных» стульев занимал Вайрон. Похоже, счастливчика не просто посадили под домашний арест, но и отправили в застольную ссылку подальше от Парнаса. Вообще, завидно. На «галерке», как ни странно, всегда было больше еды, но меньше внимания.

Прежде чем усесться, я громко поздоровалась со всеми родственниками сразу:

— Приветствую!

— Добро пожаловать домой, Эннари, — кивнул дед.

Решив, что приличия соблюдены, он позволил мне сесть и жестом приказал слугам подавать еду. Столовая наполнилась разговорами и звоном посуды.

— Как успехи? — склонившись, тихо спросил Калев.

— На ниве... — попросила я уточнений, а то говорит, знаете ли, шарадами.

— Разве ты не искала способ разорвать соглашение?

Он тоже спрятал в покоях следящий артефакт, а я пропустила? Вряд ли, конечно. В конце концов, главная шпионка в замке — это тетушка Мириам, но углы и занавески надо бы проверить.

— Я гадала на картах, — пришлось сочинять на ходу, но у меня не возникало проблем с экспромтом. — Спрашивала, как лучше поступить: испортить тебе жизнь сейчас или все-таки выйти замуж, а потом начать портить с полным правом.

— Что они посоветовали? — не скрывая улыбки, спросил он.

— Не откладывать на завтра то, что можно проклясть сегодня.

— Планируешь заколдовать мои сапоги? — предположил Калев.

— А удастся? — оживилась я.

— Нет, — покачал он головой. — Не теряй время на обувь и придумай что-нибудь неожиданное.

— У меня принцип никого не проклинять во время еды.

— Серьезно?

— Но ещё я верю в гибкость принципов, — добавила я и попыталась прикоснуться к нему пальцем с дымящимся на самом кончике заклятием онемения.

Калев так ловко сжал мою руку в большой ладони, что оставалось только удивленно моргнуть. Удивиться было чему: и неожиданному ощущению чужого тепла, и молниеносной реакции противника, и — это главное! — очень подозрительному шипению, словно кто-то плеснул воду на тлеющую головешку. Я быстро вырвала руку из кокона его ладони и проверила палец, но ничего подозрительного не обнаружила.

— Извини, рефлекс, — с сожалением поморщился Калев.

— У тебя рефлекс хватать девушек за пальцы?! — прошипела я возмущенно, но тихо, что бы не догадался, что мы вообще-то скандалили.

— Он ещё может дымить? Или все: погас с концами? — выпытывал он, а в его тарелке между тем завертелась бульонная воронка, обнажившая фарфоровое дно. От нее шел черный дымок, намекающий, что невеста успела наколдовать бурю. Юшка нахально выплеснулась через край, выпали на скатерть кусочки овощей. Наконец в тарелке наступил полный штиль, но остался столь же полный хаос.

— Да, он все еще может дымить, — сухо прокомментировала я.

От кулинарно-магической перепалки нас отвлекло сдержанное покашливание деда. Оказалось, что половина длинного стола не спускала глаз с нашего угла.

— А что, правду говорят, будто по академии Деймран разгуливают умертвия, а призраков прячут в стеклянные бутылки? — вдруг спросила Люсиль, заставив всех, кто сидел рядом, с интересом прислушаться.

Немедленно вспоминался парад воскрешенных мертвецов в день защиты дипломов на отделении некромантии и зеленые бутылки с полупрозрачным дымком, закупоренные заговоренные пробками, в кабинете темной магии. Я согласно кивнула:

— Правда.

— И тебе не было страшно? — округлила глаза Люсиль.

— Да что их бояться? Они ведь уже мертвые, от магии точно не издохнут... — заметив, как болезненно, словно прикусила язык, сморщилась тетушка Мириам, я осеклась и добавила: — В смысле, их всегда можно остановить.

— Девочки, зачем за столом обсуждать такие странные вещи? — шикнула Летисия, которая путем распила тщательно умертвляла один тоненький салатный листик. — Поговорить совсем не о чем? Эннари, ты, к слову, чудесно выглядишь.

— Благодарю, тетушка, — кивнула я.

— Раскроешь имя мастера, которые делал магическую маску? — страшно оживилась Люсиль, словно на рассвете собиралась прыгнуть в порталные ворота, чтобы к открытию оказаться у дверей косметической лавки.

Только я собиралась изящно съехидничать, как Мириам в лоб спросила:

— И надолго ты к нам, Эннари?

Подозреваю, что она выставила бы меня с вещичками прямо в ночь, да и я после дедовского выпада с замужеством предпочла бы творить добрые дела во имя Истванов где-нибудь подальше от Истванов. Но разве можно доставить столько удовольствия тетке, в детстве называвшей меня противной, неблагодарной девчонкой?

— Навсегда, — не моргнув глазом, соврала я.

— Навсегда — это насколько? — зашептала Люсиль. — Это надолго? Видимо, не на неделю, как все говорили...

— Значит, ты решила обосноваться в замке? — не обращая внимания на лепет дочери, резюмировала Мириам. — Уже знаешь, чем будешь заниматься? Не уверена, что мы найдем место под мастерскую для темной чародейки. Этой осенью Эбигейл открывает магическую школу, как понимаешь, вряд ли такое соседство понравится родителям воспитанников.

— И много воспитанников? — искренне заинтересовалась я.

— Пока идет набор, — нервно дернув плечом, ответила кузина.

— Безусловно, место под мастерскую найдется, — веско перебил обсуждения дед.

Видимо, чувствовал, что я почти приколдовывала багажу крылья и собралась улететь в сторону заката.

— Конечно! — заторопилась согласиться Эбигейл. — У нас же тьма пустующих хозяйственных построек. Правда, дядюшка Эсмаил?

Упитанный, лысоватый смотритель замка, сидящий по соседству с Вайроном, спокойно прихлебывал

супчик и, не ожидая такой пакости от племянницы, поперхнулся. Видимо, считал, что ведьмы, как мыши: сначала заводилась одна, а потом ниоткуда появлялся целый шабаш. Громко кашлянув, он обвел стол озабоченным взглядом и пробормотал:

— Разумеется. Въезжай и колдуй, сколько душе угодно.

Очаровательная идея переселить меня поближе к конюшням или, что ещё зазорнее, к псарне! Хорошо, что в Истване не было скотного двора, продукты в замок доставляли местные торговцы и фермеры, иначе отправили бы в свинарник.

— Подземелье опять-таки пусто, — подхватила я.

— Верно, — с энтузиазмом махнула вилок Эбигейл. — Я совершенно забыла о подземелье!

— Одно плохо: если что-нибудь в мастерской взорвется, то весь замок рухнет, — с иронией добавил Кaleb, и улыбка Эбби как-то разом подувала.

— Или всегда можно выселить привратника, — нахально предложила я. — У него отличный домик. Очень крепкий!

Тут в разговор вновь вмешался дед, видимо, убоявшийся, что наши рассуждения приведут дядьку Эсмаила к остановке сердца, и ужин закончится трагедией.

— Не рановато думаешь о мастерской, Эннари? Разве у тебя сейчас не мало забот?

Истинная правда: проблем и забот полный дорожный сундук! И вы их, дорогой дед, создали.

— Дедушка, мы просто обязаны устроить прием в честь возвращения Эннари! — с энтузиазмом предложила Эбигейл. — Можно приурочить к празднику урожая.

Главное, не заставляйте меня наряжаться феей осени с венком из опавших кленовых листьев на башке.

— Лучше к помолвке, — поправил он.

— К чьей? — удивился народ.

У невесты вновь задержалось нижнее веко, и только жених оставался спокойным, как деревянный божок. Прихлебывал себе вино и не выказывал ровным счетом никакого волнения.

— Не вижу смысла и дальше скрывать, — повернулся к нам дед, и веко у меня задержалось ещё сильнее, совсем как у припадочной. — Дело уже решенное: Эннари и Кaleb поженятся, когда ляжет снег. Мы должны провести ритуал обручения до сезона золотой листвы.

Из руки Эбби выпала вилка и со звоном ударилась о край фарфоровой тарелки, а тетушка Мириам бросила на меня такой взгляд, словно с наслаждением представила отбивной, которую требовалось отходить поварским топориком или вообще порубить на бифштекс. Зато остальные пришли в страшнейшее возбуждение, а тетушка Люсиль от удивления проглотила хлеб вместо салатного листика.

— Какая чудесная новость! Поздравляю! — воскликнула она, потянувшись за добавкой к хлебной корзинке.

— Прекрасный исход! — с облегчением согласился дядька Эсмаил. — От души вас поздравляю, молодые люди!

Наверняка свадьбе единственной дочери, сорокалетней старой девы, сидящей здесь же, за столом, смотритель обрадовался бы меньше. Видимо, он считал, что я окажусь слишком занята подготовкой к многочисленным свадебным обрядам, что бы заводить в Истване собственный шабаш, и теперь его ненаглядным хозяйственным постройкам ровным счетом ничего не угрожает. Никаких кровавых обрядов черной магии и разудалых плясок с ночи до утра под звуки дьявольской лютни и хоровое пение.

— Энни, вы с Калемом отлично смотрите! — зачирикала Люсиль. — Уверена, у вас будут очень красивые детки!

Жених не сдержал смешка, у меня поползли на лоб брови, по лицу Эбигейл прошла болезненная судорога.

— Считаешь? — спросил Кaleb очень странным голосом, больше похожим на веселый, чем на ироничный.

По-моему, только Люси не очевидно, что брак договорной. Конечно, она и в детстве была на редкость бесхитростной, но я-то по наивности полагала, будто замок Истван и его обитатели способны из кого угодно вытравить незамутненное простодушие.

— Ни капельки не сомневаюсь! — с жаром уверила она и вдруг охнула: — Эбби, зачем ты отдавила мне ногу под столом? У меня атласные туфли!

— Просто держи... ноги при себе, — вспыхнула та и принялась сосредоточенно нарезать в тарелке еду.

Тут на меня и снизошло озарение! Эбигейл была влюблена в моего жениха! Однозначно, что безответно и, похоже, абсолютно безнадежно. Разговоры о свадьбе и прочей брачной чепухе встали ей костью в горле... Как и тетушке Мириам. Почти уверена, что мать Люсиль вынашивала планы отдать дочь в надежные, сильные руки приличного холостяка с хорошей магической родословной и наследством семьи Грэм.

— У тебя кровожадная улыбка, — щекоча дыханием, промурлыкал мне на ухо Калев. — Надумала, кого проклянешь следующим?

— Тебя, — чистосердечно призналась я. Все равно ведь не поверит.

— Уже можно бояться или еще подождать? — Он отхлебнул вина.

— Как хочешь. Кстати, очень красивый пиджак, — мило улыбнулась я и аккуратно стряхнула с его плеча несуществующую пылинку.

Калев многозначительно посмотрел на мои пальчики. Кашлянув, я быстро убрала руку, но даже этого краткого, почти невесомого прикосновения хватило, что бы по ткани невидимой змейкой юркнуло заклятие и цепко опутало спинку его стула.

Пришло время прощаться. Громко извинившись перед семьей, я соврала, что из-за разницы во времени готова уснуть лицом в тарелке с салатом, и поднялась из-за стола.

— Я провожу Эннари, — объявил Калев к огромному дедовскому удовольствию.

Он попытался встать. Тут-то его и ждал сюрприз! Замечательный, красивый пиджак, ладно облегающий широкие плечи владельца, намертво прирос к обивке стула. Вообще не оторвешь! В прошлый раз Холт потерпел фиаско, пришлось рубашку срезать ножницами. Что сказать? Высший бал по преобразованию материалов мне поставили не за красивые глаза.

— Какого... — дернулся Калев, понимая, что вряд ли проводит невесту в гостевую башню.

— Ты же сказал не тратить время на сапоги, — склонившись, прошептала я ему на ухо. — Если не дотянешься до спины сам, то попроси кого-нибудь убрать чары. Ну... вдруг удастся?

Он резко схватил меня за руку, не позволив выпрямиться, и тихо, но настойчиво велел:

— Эннари, просто сними заклятие.

Если бы в его глазах не плескался смех, я восприняла бы слова всерьез.

— Просто сними пиджак. Или оставить пиджак болтаться на стуле унизительно?

— Послушай, маленькая ведьма, ты напрасно меня дразнишь...

— Ох, уж эти многозначительные паузы. Мне уже можно бояться? — ответила его же фразой и вновь обратилась к родственникам, делающим вид, будто им совершенно безразлично, что мы творим в своем углу стола. — Спокойной ночи всем и приятного аппетита.

Уверена, что после сегодняшнего ужина у большей части замка случится несварение.

— Боже мой, Калев, какие же вы все-таки милые, — догнал меня вздох тетушки Летисии.

Я топала по коридору и больше не пыталась сдерживать издевательскую ухмылку. Все-таки живой гримуар умел подкидывать отличные идеи, только зря обругала. Своего жениха я собиралась торжественно вручить Люсиль. Пусть Эбигейл кусает локти от ревности!

Складывался забавный четырехугольник: две кузины-подружки, будущая теща Мириам, знающая толк в том, как довести человека до трясучки, и один наглый тип, ни с того ни с сего решивший, будто из темных чародеек выходят послушные супруги. Просто блеск! Уже предвкушаю, какая начнется грызня. Жаль, буду очень далеко и не узнаю, чем закончится битва. Впрочем, по привычке соврала. Совершенно не жаль!

Добравшись до комнаты, я закрылась на замок и снова разложила колдовскую книгу.

— Брунгильда, пробудись.

Брунгильда, что совершенно не удивляло, была обижена. В отличие от людей, живые гримуары продолжали злиться, пока у них не попросишь прощения.

— Ты давала прекрасные советы, а я отказывалась прислушиваться. Прости.

В смысле, пока от всей души не попросишь прощения.

— Прости, что обозвала тебя душой. Я была не права.

Немножечко самоунижения в общении с обидчивыми книгами тоже не помешает.

— Сегодня из нас двоих я глупее.

Последовала пауза. Гримуар словно некоторое время раздумывал, а потом выплюнул мне в лицо облако черного дыма. В этом магическом жесте буквально звучало: я благородный гримуар, знающий, как завоевать мир, а не паршивая гадалая книга.

— Итак, Брунгильда, — проглотив ворчание, обратилась я, — как приворожить светлого мага?

Книга зашелестела страницами, открылась на розоватом развороте.

— Благодарю, — вежливо ответила я.

Любовный дурман из чародеев выветривался даже быстрее алкоголя. Действие проходило, появлялся похмельный, злющий маг, обалдевший от осознания, что его опоили, и готовый за этот подвиг смелую ведьму придушить голыми руками. Смерть от удушения, впрочем, как любая другая, в мои планы в ближайшие лет сто двадцать не входила, поэтому зелье я искала особенное, добротное и долгоиграющее. Чтобы хватило и на разрыв соглашения, и на новую свадьбу, и на вручение знака семьи, когда-то принадлежавшего моей матери, и на отъезд. В живом гримуаре оно нашлось, но по мере чтения мои глаза кругтели. Больше и больше...

Мало что от меня требовали спрятать в кровати Калеба какую-нибудь личную вещь Люсиль, отданную ею добровольно, так она лично должна была напоить будущего влюбленного приворотом. Я понятия не имела, как собрать их вместе: кузину, жениха, приворот и еще без въедливой, внимательной тетки Мириам. Да пока такая возможность подвернется, я окажусь замужней госпожой Грэм!

— Брунгильда, ты вообще ополоумела?! Это что, любовная отравка или наивысшая магия?! Может, мне ещё — демоны дери! — голой на кладбище станцевать, что бы этот приворот сработал?!

Гримуар немедленно попытался захлопнуться, мол, не хочешь, ищи в какой-нибудь паршивой кулинарной книге, я ловко подставила палец, который немедленно зажалось между страниц. К слову, больно.

— Брунгильда, не обижайся. Я поняла: танцевать не надо, а то с кладбища все призраки разбегутся. Дашь переписать состав зелья?

Она стиснула мой палец еще сильнее.

— Пожалуйста.

Норовистый гримуар сжалился и раскрылся. Я потрясла освобожденной рукой. Какое счастье, что у него не отрастают клыки, иначе давно лишалась бы трети пальцев. Зубастые книги тоже бывают! В библиотеке семьи Реграм хранится черная злая книга. Когда она пробуждается, на обложке появляется ехидная рожа, отдаленно напоминающая человеческую, и пасть. Такая страхолюдина, слов нет!

Получив от гримуара список необходимых ингредиентов, я решила немедленно проверить привезенные запасы. Пришлось вытащить из гардеробной дорожные сундуки и перевернуть кучу шкапулок и ящичков. Гостиная погрузилась в хаос, запах стоял соответственный. Оказалось, что один флакон с валерьяновой настойкой разбился, и если бы сейчас в комнате оказался кот, то он потерял бы сознание от счастья.

Устроившись на ковре, я по третьему разу перечитала состав любовного зелья и снова проверила на свет отобранные флаконы. От пристрастного изучения ни рецепт, ни скудость бутылочек не менялись. Заковыристых ингредиентов по-прежнему оставалось много, а запасов столько, что приснопамятный кот, придя в себя от обморока, наверное, наплачет больше.

Любовное зелье предстояло сварить с первой и единственной попытки. Никакого права на ошибку! Если что-то пойдет не так, а как показала жизнь, пойти не так может что угодно, придется придумывать очередной запасной план.

Я вытащила пробку из флакона с пионовой настойкой, мрачно принялась и скривилась. Пахли остатки настойки, как останки... Хуже смердела разве что одинокая жабы лапка, такая жалкая, засушенная и худенькая, что ее искренне хотелось похоронить, а не сварить. Видимо, поэтому она и осталась забытой в холщовом мешочке. И только кровь невинной девицы, у нормальных-то ведьм самого трудно добываемого ингредиента, у меня имелась в достатке. И даже в избытке.

— Эннари, ты спишь?.. — раздался над ухом четкий голос Калеба.

От неожиданности рука дернулась, и флакон со злосчастной пионовой настойкой едва не кувыркнулся на пол. Чуть сердце не остановилось, а по спине побежала капля пота. Я для чего-то оглядела разгромленную комнату, распотрошенные дорожные сундуки. Приоткрытое окно тихонечко постукивало по подставленной шкатулке.

Надо же, как меня пробрало! До варки зелья ещё не дошла, ведьмовской котелок не купила, только ингредиенты вместе собрала, а уже цепляет, и голос начинает мерещиться... От греха подальше я поставила флакон на столик, что бы случайно не разбить.

— Эннари, я должен сказать важную вещь... — вновь произнес этот самый голос.

Пары пионовой настойки были вообще не причем! Этот, с позволения сказать, маг посмел бросить зов, которым ловцы выкуривали умертвий из логова! Мне, темной чародейке с высшим образованием и принципами! Страх потерял?!

Я поднялась с ковра с такой проворностью, что в коленке что-то нехорошо хрустнуло, а правую ногу страшно закололо. Прихрамывая, доковыляла до двери и раскрыла. Кaleb в целехоньком пиджаке, скрестив руки на груди, с беспечным видом стоял возле своей комнаты. Страх он, похоже, не потерял, а забыл, что его следует испытывать.

— Отправить темной чародейке зов?! — рыкнула я. — Стучаться у нас уже не принято?

— А ты открыла бы? — искренне заинтересовался он.

— Нет! — так же искренне призналась я. — Но зов для умертвий?! У тебя, по-моему, есть запасная жизнь!

— Больше всего меня удивило, что ты его услышала и откликнулась, — с не иссякающей иронией продолжил дразнить он, явно нарываясь на очередное заклятие.

— Приличные чародеи способны различать зовы, — процедила я, начиная злиться. — И если ты его не слышал, то поздравляю: чародей из тебя паршивый, зря тратил деньги на учебу.

За спиной от сквозняка громко захлопало окно, с подоконника что-то грохнулось. Надеюсь, не шкатулка. В ней хранились серебряные булавки с черными жемчужинами для проклятых кукол, ради шутки подаренные Холтом. Пару раз этими булавками я подкалывала разорвавшийся подол, а как ими пользоваться по прямому назначению понятия не имела и не особенно интересовалась, но приятель любил делать очень странные подарки.

— Что хотел? — спросила я.

— Хотел предупредить, что бы ты поставила полог тишины вокруг кровати, — неопределенно кивнул он.

— Ты так громко храпишь по ночам, что надумал меня разбудить и посоветовать наколдовать полог? — фыркнула я. — Очень мило. Не в курсе, что спящий соседского храпа не слышит?

— Ты все равно не спала. Что у тебя происходит? — Кaleb разглядел разгром за моей спиной и, похоже, немало ему удивился.

— Ищу какую книжку почитать на ночь, — хмыкнула я. — У тебя все?

— Послушай доброго совета и поставь полог. В замке идет ремонт. Поверь, завтра утром ты будешь мне очень, очень благодарна, — невпопад ответил он. — Или тебе нужна помощь с пологом?

Так я тебя и пустила в свое царство хаоса.

— Справлюсь, — хмыкнула в ответ.

— Спокойной ночи, Эннари.

— Ты вызывал меня зовом для мертвецов и все еще рассчитываешь на спокойную ночь? Да ты оптимист, — покачала я головой.

— Придешь меня разбудить? — В его глазах сверкнул веселый огонек.

— Мучайся от любопытства, — хмыкнула, скрываясь в своей комнате.

К тому времени, как с проверкой запасов, вычислением рецептуры и прочей мелкой подготовкой было покончено, замок Истван накрыла глубокая ночь. В окно струилась прохлада, стояла первозданная тишина. Я захлопнула рабочий гримуар, размяла ноющую шею и оглядела царящий хаос. Убираться не возникало никакого желания, но просыпаться утром в бардаке хотелось ещё меньше. Терпеть не могу спать в захламленных помещениях!

По комнате закружились многочисленные магические предметы, складывались на дно сундуков шкатулки, вставляли в ящички флаконы с эликсирами. Крышки закрывались с деликатным стуком, щелкали застёжки и скрипели замки. Мне в лоб чуть не прилетела запоздавшая бутылочка со змеиным ядом. Еле успела увернуться и от греха подальше убралась в ванную комнату. К тому времени, как я умылась и переоделась ко сну, вещи себя собрали сами, послушные сундуки вернулись в гардеробную. О царившем полчаса назад хаосе напоминал лишь слабый запах валерьянки.

Наступили самые темные и тихие ночные часы. Луна мерцала особенно ярко, и ее свет заглушал деликатное подмигивание звезд. Сон жителей замка был самым глубоким, спокойным. И коль я наконец собралась спать, то была обязана пожелать сладких снов жениху.

— Калек... — позвала, вкладывая в голос магический зов, который был способен преодолеть любой полог тишины.

Тут-то в голую пятку и вонзилась какая-то колючая дрянь. Взвизгнув, я едва не рухнула на пол.

— Святые демоны, помогите!

От всплеска магии в лампах истерично замигали нервные светляки. Половина немедленно издохла от страха, вторая едва-едва затеплилась. Комната мигом погрузилась в грозный полумрак. Матерясь, как портовый грузчик, я запрыгала на одной ноге, кое-как извернулась и вытащила впившуюся колючку, видимо, выпавшую из какого-то мешочка во время хаотичной уборки.

— Гадость-то какая!

Внезапно раздался страшный треск разломанного косяка. Чудом не слетевшая с петель дверь бронзовой ручкой с грохотом выбила из каменной кладки песок. Я не впервые поминала всуе демонов, притом всем bestiарием, не выбирая выражений, но впервые они откликнулись. Да ещё на какую-то паршивую колючку в пятке. Умеют же рогатые удивлять!

Но в дверной проем вошел вовсе не демон, а с полоумным видом ворвался взлохмаченный, босой Калек в пижамных штанах, буквально слепящий крепким обнаженным торсом. На кончиках пальцев трещало какое-то заклятие. Оно отбрасывало голубоватый свет, окрашивая руку, тело и лицо резкими тенями, поднимало с пола щепки.

— Эннари!

При виде меня, остолбеневшую от изумления, он резко остановился, словно налетел на невидимую стену. Грозные искры боевого заклятия растаяли с едва заметным белесым дымком.

— Ты в порядке, — резюмировал он, буравя меня характерным ледяным взглядом.

— Почему я должна быть в беспорядке? — не в силах справиться с ехидной улыбкой, уточнила я.

— Ты отправила призыв о помощи, — тихо произнес он.

— Ох...

Наконец до меня дошло, что магический зов не просто разбудил жениха-соседа, но и принес крик о помощи. Вопила-то я знатно, пока скакала на одной ноге и пыталась вытащить колючку.

— И что, ты правда кинулся меня спасать?

— Да, — резко и очень серьезно бросил он.

Повисла пауза. Мысль, что кому-то пришлось в голову защищать ведьму, вообще-то, от которой обычно все пытаются защититься, показалась ужасно забавной. У меня вырвался громкий издевательский смешок, прозвучавший — должна признать — кошунственно в напряженной

тишине.

Лицо Калеба окаменело. Он сорвался с места, стремительно уменьшая расстояние между нами. Если на ковре или полу еще валялись колючки, то от ярости он их не заметил.

ГЛАВА 3. Охотница за привидением

На меня надвигался полуобнаженный взбешенный мужчина, и вдруг стало чуточку невесело. У него был отличный торс со всеми нужными кубиками и убегающими под завязку штанов косыми мышцами. Безусловно, на практических занятиях по темной магии я видела мужские торсы и порельефнее — однокурсники чуть что сразу скидывали рубашки, но ни один из этих парней всерьез не хотел свернуть мне шею. Да они боялись подходить ближе, чем на три шага! Во многом безопасной дистанции (или зоны отчуждения?) способствовал Холт, умеющий так проникновенно посмотреть на приятелей, что мысль подкатить ко мне с какой бы то ни было стороны в них издыхала быстрее, чем успевала родиться.

Но Холта в Истване не было, а Кaleb был и плевать хотел на благопристойные расстояния. К слову, надо записать в рабочий гримуар ценное наблюдение, что сразу после пробуждения у него напрочь отсутствует чувство юмора, и потом этим знанием обязательно воспользоваться раз пятьдесят.

— Замри, Кaleb Грэм!

— Не в этот раз... — отрывисто бросил он и ворвался в мое личное пространство.

На кончиках пальцев закружилось заклятие. Я занесла руку, но выпустить магию не успела — противник крепко сжал запястье, без колебаний воспользовавшись физическим превосходством. Зато новый удар пропустил. Не исключая, что не по рассеянности, а просто дал мне фору.

Я мазнула кончиками пальцев прежде, чем он перехватил и вторую руку, удерживая без особых сантиментов и скидок на женственность. По мужскому плечу, ключице и горлу с резко сократившимся кадыком разлетелась снежная порошка. Половина лица, ресницы на левом глазу и бровь побелели. Волосы покрылись снегом.

Магический холод успел куснуть жертву, но не прокусить, и темные чары погасли прежде, чем пришла отрезвляющая боль. Кaleb даже не поморщился. Как все нормальные светлые чародеи, в отличие от Вайрона, он использовал защиту.

Схватка закончилась ничьей: он меня пленил, а я обожгла ему плечо.

— Ты знаешь сказку о мальчике и волке, маленькая Энни? — хриловатым голосом тихо спросил Кaleb, не сводя взгляда с моих губ. На его груди и ключицах дрожали капли влаги, с растаявших волос капала вода. Прозрачно-льדיстые глаза потемнели. Возможно, это было простой игрой тени и света.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — процедила я, хотя догадывалась, к чему клонился разговор.

— Мальчик так жаждал внимания взрослых, что соврал о нападении волка, а потом его съели.

— Волка?

— Мальчика.

— Какой грустный конец нравоучительной истории.

— Никогда больше так не поступай! Не глупи, как тот мальчик.

Он дышал злостью и был совершенно не восприимчив к витающему в воздухе успокаивающему запаху валерьянового корня. Никакого толка от разбитого флакона. Видимо, у настойки закончился срок годности.

— Отпусти, — потребовала я, страшно задетая его словами.

Кaleb разжал горячие пальцы, но не отошел. Мы стояли так близко, что я практически касалась обнаженного мужского торса грудью, прикрытой лишь тонкой материей. Кому-то следовало отступить. В этот раз шаг назад первым сделал он.

— По-моему, ты ошибаешься на мой счет, — быстро проговорила я, не понимая, как шутка могла перерасти в серьезную потасовку, какая пружинка распрямилась внутри Калеба, что его, фигурально выражаясь, подбросило. — Ты действительно думаешь, что кто-то сможет меня съесть? Ты сам вытащил ведьму из шкафа.

— Я считал, что помогал тебе прийти в чувство и перестать изображать жертву, но ты застряла в том шкафу на девять лет, Эннари. Вылези и попытайся повзрослеть.

Скользким движением он убрал с лица спутанные мокрые волосы и в гробовом молчании вышел

из моих покоев. Через разломанный дверной проем я наблюдала, как он скрылся в комнате, подчеркнуто тихо прикрыв дверь. Я своей шарахнула бы, но была лишена такой привилегии: мою-то дверь он выбил, когда бросился спасать ведьму, которой вообще спасения не требовалось. Говорю, никакого чувства юмора!

Через час запас юмора закончился и у меня. За окном постепенно серело небо, комната медленно куталась в седые предрассветные сумерки. Должно быть, где-то далеко к горизонту подступало солнце, готовое осветить финальный день лета. Я не спала ни минуты, а входная дверь по-прежнему держалась на честном слове. Проклятиями, мертвенными зовами и доведением мужиков до бешенства я владела лучше, чем бытовой магией. Увы и ах... Плюнув на выбитый замок, я заколдовала дверной проем и, упав на кровать, заснула лицом в подушку.

Грохот был душераздирающий, зубодробильный, адский! Казалось, кто-то огромный и безжалостный крушил каменные стены. Я резко села на кровати, не понимая, где нахожусь, почему над головой не побеленный потолок, а фиолетовая тряпка. Диковатым взглядом обвела комнату, не сразу признавая обстановку. Не без труда удалось собрать мысли и припомнить, что накануне я вернулась в Истван, поселилась в гостевой башне, и знакомого потолка из общежитской каморки или даже лепнины из шикарного загородного дома семьи Реграм здесь просто не было. Зато грохота имелось сколько душевника захочет. Хоть рассовывай его по бутылкам, как отловленных призраков, и продавай за пару медных монет на рыночной площади, чтобы любой желающий имел возможность этим ужасающим шумом известить ненавистных соседей.

На улице страшно бабахнуло. Я слетела с кровати с такой проворностью, словно в матрасе распрямилась пружина и острым концом ужалила меня в нежный филей. Едва не снеся с подоконника злосчастную шкатулку с булавками и даже готовая эти булавки применить по прямому назначению, я высунулась в открытое окно гостиной. Кaleb не соврал: в учебной башне полным холодом шел ремонт.

— Эй вы там, на третьем этаже учебной башни! — добавив голосу мощности с помощью нехитрого заклятия, проорала я. — Вы ее рушите, что ли? Тогда свалите, я сама ее разрушу! Быстро и очень тихо!

В башне наступила гробовая тишина, да и вообще окрестности замка светлых чародеев подозрительно притихли. Абсолютно все, даже ветер.

— Темная хозяйка, не гневайся! — высунулся из башенного окна, пока еще похожего на сквозную дыру, бородатый мастер-каменщик (или кем он там был). — Солнце уже высоко, работать пора.

Солнце встало, но, справедливо говоря, приличные люди ещё лежали в кроватях и досматривали благопристойные сны, окружив себя пологом бесшумности. И только кое-кто — на себя пальцем не показывают — проигнорировал, как оказалось, дельный совет...

Втянувшись обратно в комнату, я закутала окна заклятием бесшумности и затемнила стекла от солнца. Теперь и грохот стих, и свет потерял пронзительную яркость. Спи — не хочу! Вот я и не хотела — по обыкновению колдовство с утра пораньше и на гудящую голову напрочь отбило сон. Оставалось подавить зевоту, привести себя в порядок и отправиться в соседний городок за ведьмовским котелком. Приворот сам себя не сварит, чародей сам собой в правильную кухню не влюбится, а готовить зелье было решительно не в чем. Обычная кастрюля приворотную смесь не выдержит и прохудится ещё до закипания, а брать магический котел у теток не возникало желания.

Когда Эбби по-дедовски пафосно прислала записку, я практически собралась и напоследок, глядя в зеркало с длинной ручкой, красила губы алым цветом. В воздухе блеснула вспышка, занялся огонек, и из пламени выплелось послание, написанное на половинке листа дорогой бархатистой бумаги с личным вензелем Эбигейл Истван.

«Почему бы нам не позавтракать вместе?» — задавалась очень странным вопросом кузина.

— Потому что у меня закончились порошки от изжоги и несварения, — честно ответила я в пустоту и одним касанием спалила приглашение. От листочка даже пепла не осталось.

«У меня планы в городе», — отправила огненное послание, но подумала и добавила следующую записку: «Но спасибо за приглашение».

Быстренько пристегнув к поясу кожаный кошелек, я дернула на выход. Отчего-то казалось, что новая дружелюбная Эбби, словно призрак, выйдет из зеркала в гардеробной, подхватит меня за руку и утащит к себе в логово завтракать пирожными.

Сняв с дверей защитное заклятие, я вышла из комнаты. Мигом стало слышно, как за пределами башни колотили, ругались и что-то ломали. Наверное, прорубали еще один выход.

Пару минут пришлось потратить на чары. Дверь затянула непрозрачная, липкая паутина, такая

красивая, что увидеть ее настоящий паук, зашелся бы в аплодисментах. Конечно, если бы пауки были разумны и умели хлопать. Зато теперь любой Вайрон, не понимающий намеков, что посторонним в покои вход воспрещен, будет вынужден или бороться с ловушкой, или ждать моего возвращения, изображая плененную муху. Страхнув с рук остатки магии, я развернулась и обнаружила Калеба, с непроницаемым видом наблюдавшего за превращением обычной двери в паучье логово.

— Это не для красоты, — пояснила я. — Ты вчера разломал дверь, пришлось опечатать. Здорово получилось?

Он бросил последний убийственный взгляд на заколдованную дверь, видимо, тем самым выразив все, что думает по поводу художественной ценности паутины, и молчком начал спускаться по лестнице. Я зашагала следом. Каблуки стучали в такт грохоту, доносящемуся из учебной башни.

— Как спалось? — спросила у вихрастого мужского затылка.

Калеб так резко развернулся, что от неожиданности я шатнулась туда-сюда и схватилась за перила, стараясь не свалиться ему на грудь.

— Святые демоны? Ты чего по утрам такой внезапный?!

Нас разделило расстояние в пару ступенек, стирающее разницу в росте. От жениха пахло мыльной пеной для бритья и по-мужски холодным благовонием, ужасно ему подходящим. Если присмотреться, а я с интересом присматривалась, от виска до подбородка и ниже, под жесткий воротничок крахмальной белой рубашки, убежал белесый след от вчерашнего заклатья.

Не поднимая взгляд от моих накрашенных губ, Калеб произнес бесстрастным голосом:

— Прости меня. Очень жаль. Поступок был глупый и неосмотрительный.

— Что-то я не очень понимаю, — нервно улыбнулась я.

Может, магический холод успел не просто куснуть, а вгрызться в плоть, и теперь у Калеба чуточку шалило сознание?

— У тебя лихорадка? — Я даже потянулась, чтобы потрогать лоб, но под гнетом тяжелого взгляда прозрачно-ледяных глаз задушила порыв в зародыше и от греха подальше спрятала руку за спину.

— Не стоило кричать среди ночи и звать на помощь ради шутки, — продолжил извиняться он. — Но темные никогда не извиняются. Так, Эннари?

До меня наконец дошло, что товарищ-жених вовсе не помутился рассудком от колдовства, а заделался в преподаватели по этикету.

— Почему я должна просить прощения за то, что ты не понимаешь шуток?

— Дурацкая шутка, и ты сама об этом знаешь, — спокойно парировал он.

— У нас точно разные понятия о веселье, — покачала я головой. — Калеб, отзови родовую печать и разорви соглашение, пока не поздно. Очевидно, что мы не сживемся и друг друга поубиваем... Возьми, Эбигейл. Она влюблена в тебя.

— Знаю, — не повел он даже бровью.

— Святые демоны, ты такая скотина! — искренне восхитилась я потрясающим самомнением.

— Я просто не слепой, Эннари, — спокойно парировал он. — И да, мне не все равно, на какой кухне жениться.

— Тогда почему я? — изогнула бровь.

Его взгляд скользнул по моему лицу и вновь остановился на губах, словно они не давали ему покоя или притягивали, как магнитом.

— Вряд ли ты осознаешь, как красива, когда искренне смеешься, — ответил он. — Завораживающее зрелище.

Он сумел удивить меня настолько, что на целых две секунды я потеряла дар речи, а когда все-таки его отыскала на задворках сознания, то смогла лишь спросить:

— Ты приезжал в Деймран? Когда?

— Когда ты была с тем парнем, — согласился Кaleb, развернулся и начал спускаться, скользя ладонью по перилам.

— Он чародей, — вырвалось у меня.

— Я уже в курсе...

Для поездки в соседний город я специально попросила открытую коляску, что бы вытравить из головы образ нахального жениха, умеющего шокировать девушек почище выскочившего из-за угла умертвия. На последнего хоть понятно, как реагировать: печать усмирения в рожу и в саркофаг. Как воспринимать слова Калеба, было неясно, и я решила подумать об этом когда-нибудь потом, под дурное настроение.

В окрестностях замка угасало лето. Последний день августа ласкал мягким, ненавязчивым теплом, но в потоках воздуха, омывающих лицо, уже ощущалось прохладное дыхание осени. Я любила это угрюмое время года, мы гармонировали. Особенно нравилось, когда уставшая от цветения природа выгорала дотла и в дурном расположении духа впадала в зимнюю спячку. Удивительные дни, спокойные и неотвратимые.

Коляска вкатилась в городские ворота, миновала здание почты, заменяющее междугородний вокзал, и побежала по улицам. Строения вокруг были невысокие, в один-два этажа, с серыми черепичными крышами и торчащими трубами каминов. На подоконниках стояли цветы в горшках, на узких балкончиках сушилось белье. Перед мэрией тяжело стоял бронзовый отец-основатель, повернутый к главному зданию города задом, а к улицам передом. На башке у него и на плечах сидели голуби.

Сговорившись с кучером, что вернусь через пару часов, я зашагала в сторону торговых рядов. Взгляд невольно искал вокруг магические символы, щедро рассыпанные на входных дверях и вывесках торговых лавок. Многие жители были тесно связаны с замком, о чем не забывали напоминать соседям, прохожим и конкурентам. Рядом со знаками торговых гильдий и родовых мет, на каждом третьем магазинчике гордо поблескивал герб Истванов. Только на таверне не было никаких знаков, а из открытых окон плыл умопомрачительный запах пирога с требухой, жареной капусты и чего-то еще, несомненного вкусного.

Все знают, что покупки лучше делать на сытый желудок — так они приносят больше радости. Да и вряд ли в посудную лавку резко нагрянет шабаш ведьм, скупит все подчистую чугунную котелки и оставит меня ни с чем, в смысле, с пламенным желанием сварить приворот и с какой-нибудь паршивой сковородой...

Предвкушая сытный завтрак, нечета тем, что подавали в разных кондитерских, я пересекла улицу поперек и вошла в таверну. В нос ударила волна съедобных запахов и не очень съедобных. Последние я предпочла не заметить и, стуча высокими каблуками, перешагнула через порог.

Небольшой обеденный зал практически пустовал. На низком потолке тяжело крутил лопасти ветродув, разгоняющий насыщенный запахами воздух. Магия в нем уже почти иссякла, видимо, заговаривали пару лет назад. Я уселась за стол возле стены под полкой с толстыми оплывшими свечами.

Дородная подавальщица слету заявила:

— У нас только жареная капуста и пирог со свиной печенкой...

— Несите! — громко сглотнув, с придыханием согласилась я, но тут же добавила: — И мягкого козьего сыра с зеленью. Еще кусок хлеба с отрубями. Хотя постойте! Лучше несите сразу полбулки, все равно съем. И яичницу со шкварками, как у них!

Я указала в сторону почти пустой сковородки на соседнем столе. Парни, с энтузиазмом выскребывающие со дна яичницу, синхронно поперхнулись и схватились за стаканы.

— И кофе, — попросила на всякий случай, хотя не питала надежд отыскать здесь благородный напиток.

— Есть селегерский квас с хреном, — отозвалась несколько ошарашенная подавальщица. — Бочонок только открыли, хрен только натерли. Все свеженькое.

Невольно я повернула голову к винной стойке, за которой хозяин в фартуке разливал по глиняным кувшинам из бочонка нечто пенное.

— Яблочный взвар с медом, — решила я, что пить по утрам известное похмельное средство для приличной особы явный перебор. Конечно, яблочный взвар тоже часто употребляли на больную голову, но у девушек голова может болеть просто так, от переизбытка умных мыслей.

Угощение расставили на столе. От кружки со взваром пахло августовскими яблоками. Шкворчала на деревянной подставке чугунная сковородка с желтыми яичными глазками. Дымком исходил горячий пирог с луком и кусками печенки, одурительно пахла мелко нарубленная, жаренная в масле капуста. Я взялась за вилку, сняла пробу и с удовольствием запила взваром...

Вдруг со всего маха раскрылась дверь таверны, и внутрь ввалился взмыленный тип в торчащей из-под жилета рубашке, пыльных штанах и нарукавниках, дотянутых до локтей. Тяжело дыша, словно неся галопом от самого замка, он замер на пороге, оглядел зал и бросился к моему столу. Не спрашивая разрешения, выхватил у меня из рук чашку со взваром и сделал несколько жадных глотков.

— Что вы делаете? — возмутилась я.

Он выставил указательный палец, давая понять, что девицам за столом следует молча и с благоговением следить, как он заглатывает их напиток. Скрестив руки на груди, я наблюдала за грабежом и искала три веские причины, почему не стоит проклинать нахала.

— Здрасьте, госпожа чародейка! — объявил наконец тип, стукнув опустевшей кружкой о стол.

— У меня на лбу написано, что я чародейка?

— Нет, мне сказали, что из замка приехала коляска.

Взмахом руки отправив подавальщицу обратно за стойку, он уселся за мой стол и с облегчением проговорил:

— Какое счастье, что наш призыв был наконец услышан! Знаешь, прошлый чародей, которого прислали, ничегошеньки не умеет! Вообще ничего! Я раньше тебя не видел. Давно приехала в замок?

Он схватился за кусок хлеба и принялся тыкать им в яичницу на сковородке.

— Вчера, — ответила я, мысленно гадая, что закончится быстрее: наглость незнакомого типа, пожирающего мой божественный завтрак, или яичница.

— Новенькая ученица пресветлого? — уточнил он.

— Быть точнее внучка, — кивнула я.

У странного типа вытянулось лицо. Дернув кадыком на худой шее, он сглотнул, осторожно отложил хлеб и вытер рот рукавом, вернее, нарукавником, прикрывающим рубашку.

— Темная Истван? — осторожно спросил он, словно опасался оказаться проклятым. — Эннари Истван?

Не пойму, он обрадовался или испугался? Может, моим именем местных детишек стращают, мол, не будешь слушаться, придет ведьма Энни и съест на обед, а я-то и не в курсе о грохочущей славе.

— А вы? — изогнула брови.

Типчик медленно поднялся из-за стола. Думала, что даст стрекача, но он вдруг дернул головой и отрапортовал:

— Добро пожаловать в Сартар, госпожа чародейка! Помощник мэра Боуз! — Он протянул через стол руку для рукопожатия, но быстро опустил. — Единственный и бессмертный!

Я удивленно изогнула брови.

— Ой! — побагровел помощник лицом. — Я хотел сказать: бессменный. Вообще бессменный и единственный. Не бессмертный...

— В общем, ясно, — перебила я.

Он кашлянул и спросил с большим пиететом:

— Можно присесть, госпожа чародейка?

— Вы уже присаживались.

— И то верно... — Он снова плюхнулся на лавку. — Так вы сможете нам помочь, да? Понимаете, говорят, что новый назначенный из столицы мэр крут характером. Он скоро появится, а мы ещё от старого не избавились.

— Хотите старого проклясть? — с искренним любопытством спросила я и невольно проследила, как нервные руки мэрского помощника потянулись к корзинке со столовыми приборами, притулившейся на краю стола, а потом извлеченная вилка потянулась к моей едва-едва пощипанной яичнице.

Ох, не зря он говорил. Точно бессмертный!

— Господь с вами, госпожа чародейка! — как будто испугался этот бессрочный секретарь. — Просто из здания мэрии выставить никак не можем. Понимаете, какое горе!

Он сделал резкий выпад вилкой к содержимому сковороды, но под действием неощутимого заклятья длинные зубцы остановились в ровнехонько возле еды, словно яичница их отталкивала, как однополярный магнит.

— А стражей не пытались привлечь?

Мы оба отвлеклись от занимательной борьбы вилки с магией и переглянулись.

— Стражи тут не помощники. — Боуз предпринял ещё одну резкую попытку напасть на еду, потерпел полное фиаско и с несчастным видом облизал чистые зубцы.

— Бывший мэр очень буйный? — предположила я.

— Что ж, и буйный, — вздохнул помощник, откладывая вилку. — И мертвый.

Я подавилась на вздохе.

— Запейте яблочным взваром, госпожа чародейка. Очень рекомендую, — спохватился Боуз и протянул мне кружку, но обнаружил, что она безнадежно пуста и позвал подавальщицу: — Фанни, дай, что ли, селегерского квасу!

— В каком смысле, мертвый? — наконец проговорила я, когда подавальщица поставила перед неожиданным нахлебником целый кувшин пенного напитка и чистый стакан.

— А какие тут ещё смыслы? — отозвался он. — Умер наша душенька мэр с месяц назад, а на тот свет никак не отбудет. Как вышел из портрета в кабинете, так никакими средствами не выкуривается.

Какая чудесная новость! Нет... то, что мэр дал дуба, ужасно печально. Скорбим и помним. В смысле, скорбят и помнят те, кто его знал при жизни. Но бесхозный, никому не нужный и никем не приголубленный призрак открывает такие головокружительные перспективы, что сейчас голова от наплыва фантазии лопнет!

— Госпожа чародейка, вы меня слушаете? — позвал Боуз, и я поймала себя на том, что мечтательно улыбаюсь, представляя, как переселю злого духа в дедовский кабинет. — Мы вызвали из замка ученика пресветлого, который нам в прошлом *годе* зачаровал статую отца основателя от, так сказать, голубиных неприятностей. Он три часа возле кабинета мэра колдовал, потом сказал, что сбегает в замок за какими-то артефактами на пять минуточек и вернется. Неделю уже ждем. Время то поджидает, а мэр наш бывший — уже поскорее бы царство ему небесное — никак бранный мир не покинет!

Помощник в отчаянье хлебнул кваса, скривился и с омерзением отодвинул стакан.

— Забористо, — пояснил сиплым голосом. — Угоститесь?

— Воздержусь, — отказалась я.

— Мы хотели позвать его супругу, чтобы она пришла и призвала мэра к совести, но госпожа сказала, что умерло, то умерло, и позавчера укатила в столицу. На постоянное место жительства. А мужа своего нам оставила! Такая оказалась безответственная дама!

— Сочувствую.

— Значит, поможете? Да? — Он заглянул мне в лицо. — Да?!

Естественно! Кто такой шанс подгадить деду упустит?

— Я смотрю вы в отчаянии, — покачала головой.

— Не поверите, госпожа чародейка, в таком отчаянии, что сегодня с утра уже три седых волоска выдрал! Скоро весь поседею!

Невольно я покосилась на рыжеватые кудри, аккуратно прилизанные пчелиным воском.

— Так и быть, помогу, — с недовольным видом, словно делала огромное одолжение, что в принципе так и было, согласилась я и кивнула на стол: — Оплатите еду.

— Я? — оторопел помощник мэра. — Но я ведь ничего не ел.

— Но вы же желаете бывшего начальника отправить в лучший мир?

— Да, но... — Он оглянулся через плечо, проверяя не подслушивают ли нас хозяин и немногочисленные посетители. — Не хотел затрагивать щекотливый вопрос, мы уже оплатили замку тридцать монет.

— Они не включали темную магию, — напомнила я. — Темной магии нужна оплата. Иначе призрак вернется обратно в кабинет, и вы точно поседаете, господин Боуз. Отдайте мелочевкой, иначе потом обойдется дороже.

— Почему? — тихо спросил он.

— Расценки вырастут.

— Ну, тогда мы дождемся, когда из замка пришлют светлого чародея. У вас же там чародеев много проживает, — попытался он меня шантажировать.

— Прекрасно, — мило улыбнулась я. — Дожидайтесь. Вечером я им напомню, что вы ждете. Всего доброго, господин помощник. Передавайте привет новому мэру и мое почтение старому...

Я взялась за вилку и с заинтересованным видом начала отскребать яичницу.

— С другой стороны, сколько еще ждать? — нервно улыбнулся Боуз и поднялся из-за стола. — Пойду с хозяином расплачусь.

— Идите, — с трудом сдерживая издевательскую ухмылку, благословила я на растрату.

Что-то бормоча под нос, он понуро потрусил к тавернщику, с интересом следящему за нашими переговорами. Особенно не прислушивалась, но, кажется, помощник мэра ловко уместил и связал в одном предложении аферистов, ведьм и славный род чародеев, живущий в замке в окрестностях города. Хотя, конечно, дураку было известно, что именно город стоял в окрестностях Иствана.

— Кстати, господин помощник, возьмите бутылку вина! — крикнула я ему в спину.

Бедняга Боун так резко обернулся, что едва не потерял равновесие.

— Прямо сейчас?! — В лице и в голосе читалось искреннее возмущение. — Утро на дворе!

— Не поверите, но я заметила, — издевательски прижала я руку к сердцу.

Онемев от возмущения, он пару раз открыл и закрыл рот, а потом все-таки вернулся с бутылкой вина, заткнутой пробкой.

— Я купил белое игристое, — буркнул помощник и снова уселся на лавку. — Подойдет?

— Да без разницы. Бутылка для господина мэра, — пожала я плечами, закусывая практически холодной яичницей.

— Он же бестелесный, — не понял Боуз.

— И что? — сощурилась я.

— Нет-нет, ничего! Он и при жизни весьма уважал белое игристое, — помахал помощник руками и не удержался: — Долго мы будем завтракать?

— А вы куда-то торопитесь? — отозвалась я, спокойно намазывая мягкий сыр на хлеб. — Поверьте издох... умерший мэр никуда не исчезнет.

— Я больше боюсь, что живой возникнет, — пробормотал Боуз и печально прихлебнул селегерского кваса. К середине кувшина он перестал морщиться и, кажется, даже подправил настроение. Покончив с едой, я вытерла руки о салфетку, засунула в рот мятную пластинку и объявила, что готова отлавливать призраков.

— Идемте! — решительно кивнул Боуз и стремительно зашагал к выходу.

— Господин помощник, бутылку возьмите, — позвала я.

— Ох, совсем голова чугунная, — фальшиво рассмеялся он, вернулся к столу и замялся: — Может,

превратите ее во что-нибудь?

— Во что? — удивилась я.

— В кастрюлю, бутылку с сиропом от кашля, молочный бидон, во что-нибудь еще.

Видимо, бессмертному Боузу было неловко с утра пораньше выходить из таверны в компании молоденькой девицы и бутылки игристого.

— Сколько заплатите? — отказалась я колдовать бесплатно больше, чем требовали обстоятельства.

— Да я просто поинтересовался...

Он обреченно схватил бутылку под мышку, но по дороге к двери попытался засунуть под пиджачный жилет, который немедленно оттопырился. И теперь даже слепой заметил бы, что Боуз прячет под одеждой винишко.

— Поверьте на слово, так ещё заметнее, — сухо прокомментировала я и, попрощавшись с тавернщиком, толкнула дверь.

Мы друг за другом вышли в солнечное утро на людную улицу. Как ни странно, коляска уже стояла у пешеходной мостовой.

— Как удачно. — Боуз предпочел сделать вид, будто не заставил моего кучера дежурить возле выхода в таверну и любезно открыл дверцу коляски: — Доедем?

— Куда ж мы денемся, — усаживаясь пробормотала я и аккуратно расправила юбку.

Помощник плюхнулся рядом, поерзал, усаживаясь удобнее, словно собирался в дорогу до самой столицы, а не на соседнюю площадь. Мы тронулись в сторону мэрии, доехали быстро и с ветерком. Бронзовый отец основатель с птичьей стаей, обосновавшейся на башке, грозно рассматривал соседние конторки, облепленные разноликими вывесками. Понятия не имею, кто из чародеев замка заговаривал статую, но в магии он явно не понимал ни шиша (разве что шиш). Даже городские голуби хохотали над этим самым чародеем, а заодно над мэрией, без претензий заплатившей бракоделу!

— Выходит, отношения у господина мэра с пресветлым были паршивые? — не без удовольствия предположила я. Другого объяснения, почему дед не побоялся за семейную репутацию, просто не нашлось.

— Что вы, госпожа чародейка! — с жаром заспорил помощник, словно дело касалось его лично, а не помершего начальника, превратившегося в злого потустороннего «сыча». — Самые преотличные! Пресветлый всегда отправлял к нам лучшего ученика. Вот как уважал господина мэра!

— Оно и заметно.

Если я думала, что по замку слухи разлетались быстро, то просто не представляла, с какой скоростью работает «голубиная почта» в маленьком городке. В скромном холле мэрии собралась толпа народа. Уверена, срочные прошения к новому мэру были не причем. Всем хотелось проследить собственными глазами, а потом рассказать соседям и знакомым, как молоденькая чародейка будет гонять по коридорам дух преставившегося градоправителя... Или же он ее, смотря, как дело повернется.

Стоило нам войти, как со ступенек, покрытых исхоженной дорожкой, вскочил патлатый старичок. Размахивая деревянной шваброй, он бросился в нашу сторону:

— Господин помощник, слава богу, вы пришли!

— Сторож? — тихо спросила я у помощника.

— Счетовод, — деликатным шепотом поправил он.

— Тоже бессмертный? — не удержалась я от шпильки, и помощник только обиженно засопел.

Бессменно бессмертный встал перед нами, загородив проход и отрапортовал, как дозорный боевым генералам:

— Я сидел на страже! Никто оттуда не вылетал, и никто туда не прорвался! — он указал шваброй в сторону лестницы, видимо, имея в виду второй этаж.

— Спасибо, господин Ходж, мы ценим вашу помощь, — торжественно объявил Боуз, и мы начали подниматься в приемную к мэру. Счетовод потрусил следом, стараясь не отставать ни на шаг.

Зрители провожали нас скептическими шепотками — очевидно вид «темной Истван» их совсем не впечатлил. Похоже, я была и ростом маловата, и округлостями бедновата, и по возрасту на серьезного мага не тянула.

Мы добрались до приемной. Внутри мебели было немного: стояли рядом стулья, громоздкий секретарский стол, конторские шкафы, заговоренные от сгорания. На подоконнике пылилась едва живая мухоловка. Дверь в кабинет мэра оказалась разрисована нечитабельными магическими символами, словно на ходу придуманными предыдущим ловцом.

— Господин чародей, сказал, что эти символы сдержат злой дух в кабинете, — пояснил Боуз.

— И дверь испортил! — с отчаянием воскликнул счетовод. — Из мореного, между прочим, дуба. Теперь придется новую заказывать!

— Вам уже десять раз сказали, скупердяй вы этакий: символы исчезнут, как только дух изыдет, — проворчал мэрский помощник, видимо, лично дававший разрешение на порчу. — Так ведь, госпожа чародейка?

— Вы точно не хотите слышать ответ, — покачала я головой, — лучше откройте бутылку вина и поскорее закончим.

Пробка с хлопком и дымком выскочила из бутылочного горлышка. В пыльном воздухе повеяло перебродившим виноградом. Я забрала из рук Боуза будущую «карету» для помершего мэра и уточнила, кивнув на мухоловку:

— Чей цветок?

— Бывшей супруги бывшего господина мэра, — доложил счетовод. — Все думаем, что же теперь с ним делать. Выбросить жалко, а не выбросить..

Я перевернула бутылку и начала выливать пенящийся напиток в иссохшую, растрескавшуюся землю под цветком.

— Что вы делаете?! — с ужасом вскричали клерки в два голоса.

— Выливаю вино, — удивленно оглянулась я. — А что?

— Вы же сказали, что оно нужно для мэра! — поперхнувшись, проскрипел помощник и разразился лающим кашлем.

— Я сказала, что мэру нужна бутылка, — напомнила я. — Про содержимое речи не шло.

— Так вы его, что ли, в бутылку собрались сажать?! — Боуз даже отдышаться не успел, как вскричал и снова едва не поперхнулся возмущением. — Как паршивого джинна?!

— Не хочу вас расстраивать, господа, но ваш бывший мэр сейчас хуже, чем паршивый джинн, — вздохнула я и только качнула бутылку, как культурные мужчины заорали:

— Не смейте!

— Святые демоны, да вы же все равно цветок хотели выкидывать! — охнула я.

— Вино пожалейте, страшная девица! — охнул счетовод. — Наплевать на цветок, но оно вам что сделало плохого?

— Зачем сразу в цветок?! — едва не схватился за сердце Боуз. — Давайте в графин!

Откуда ни возьмись появился пыльный графин, в котором воду держали ещё при жизни мэра, другими словами, очень давно. Вино, шипя и пенясь, добралось до серединки хрустальной пузатой посуды и было бережно прикрыто хрустальной же крышечкой. Должна сказать, что двое мужчин, один из них со шваброй, ревностно проследили, что бы ни одной капли не осталось на дне будущего мэрского саркофага.

Я решительно направилась к безобразно изрисованным дверям, но не успела схватиться за ручку, как сердобольный Боуз вдруг принялся нервничать:

— Госпожа чародейка, может, вам сначала переобуться?

— Почему вас взволновала моя обувь? — искренне заинтересовавшись, оглянулась я.

— А как же вы в туфельках-то будете за призраком гоняться? — развел он руками. — Прыгать, бегать, уворачиваться от разных предметов? Когда я говорил, что он буйный, ни капельки не

приукрашивал.

— Жуть, какой буйный! — с жаром подтвердил счетовод.

— У меня в шкафчике стоят домашние туфли, — прервал коллегу Боуз. — Они вам, конечно, размером будут великоваты, но зато почти не растоптанные, всего раза три надетые.

— Точь-в-точь, как новенькие! — поддакнул счетовод. — И швабру возьмите для защиты от злого духа! Очень рекомендую! У нее форма похожа на святой крест. Я в прошлый раз обнимал и чувствовал небесное благословение.

— Господа, мне приятно, что вы переживаете за мою шею, но не надо. В идеале мне даже шагать не придется за вашим мэром.

Я решительно дернула ручку, дверь оказалась запертой на замок.

— Ой! Сейчас ключики найдем... — засуетились мои работодатели.

Боуз полез в карман штанов за ключами, принялся звенеть мелочевкой.

— Не напрягайтесь, — вздохнула я, вскрывая замок колдовством, и ввалилась в кабинет. Вслед мне понеслось испуганное молчание. Видимо, мужчины засмотрелись на дымок, полетевший из замочной скважины.

В кабинете царил хаос. Казалось, будто предыдущей ночью почивший градоправитель тоже разбирал ящики в поисках нужных ингредиентов для сложного зелья. На полу валялись бумаги, стекла массивных книжных шкафов были побиты, а разодранные тома законов и королевских указов валялись на полу. В общем, призрак действительно развлекался и чудил.

Я поставила на письменный стол бутылку, прошлась по кабинету и остановилась напротив портрета градоправителя. На изображении он был сердитым, усатым и важным.

— Уважаемый господин мэр, предлагаю сделку...

Из портрета вырвался клуб черного дыма, который из себя представлял «уважаемый господин», и выстрелил мне в лицо. Звонко чихнув, я помахала перед носом ладошкой и попыталась снова вступить в цивилизованные переговоры:

— Господин мэр, я несколько разочарована...

Степень моего разочарования привидение, конечно, оценить было неспособно и с разоренного стола отправило мне в голову шкатулку. Резная вещица летела, хлопала крышкой, как пастью, и теряла по дороге именные мэские карточки. Пришлось взмахом руки отбросить ее к стенке. С грохотом она рассыпалась на кусочки, визитки закружились в воздухе и медленно опали на загаженный паркет.

— Значит так, нечисть... — процедила я, упирая руки в бока. — Не то чтобы я не могла засунуть тебя в бутылку силой, просто проявляю уважение к существу слабее. Выбирай: вечная смерть или жизнь в тихом месте с видом на озеро Истван и с единственным собственником?

Надо же, как красиво описала дедовский кабинет, что самой стало завидно и захотелось там поселиться! В общем, для меня выбор был очевиден, для бывшего мэра не совсем. Он некоторое время носился холодным сквозняком по помещению, колотил чудом сохранившиеся вещи, звенел стеклом на полу. В конечном итоге так разлетелся негодяй, что задрал мне юбку до коленей. Пока подол опадал, я успела обнаружить на остром носу почти новых туфель некрасивую царапину явно местного производства.

— Развею... — вкрадчиво пригрозила я и для острастки щелкнула пальцами, выстраивая непрошибаемую стену.

Призрак оказался не из самых ловких и догадливых, а может, при жизни мэр страдал дальновзоркостью, но раздался ясный звук от удара. По воздуху, как по водной глади, поплыли круги. Воображение живо дорисовало, как достопочтенный градоправитель с обширными формами, густыми усами и глазами на выкате карикатурно стекает вниз. Видимо, удар подействовал на него отрезвляюще, и мэр полез в бутылку. В этот раз в прямом смысле слова: в винной таре за клубился дымок.

— Вы сделали абсолютно правильный выбор, господин мэр. Согласитесь, приятно даже после смерти попортить нервы старому другу, — улыбнулась я, заткнула горлышко пробкой и немедленно поставила магическую печать, что бы господин мэр не передумал переезжать под бок к Парнасу. Нечисть бывает ужасно непостоянной. Не хотелось бы развеивать бесхозный призрак просто оттого,

что он дурен и не понимает моего... в смысле, собственного счастья.

С довольной улыбкой я толкнула дверь... Та оказалась надежно заперта. Магия на замок не действовала. Вернее, подействовала: закрыла его на три оборота, а потом открыла обратно потому, как только последний деби... очень неосторожный маг запрется в комнате с призраком, отрезав свободный путь к отступлению. И я понятия не имею, что за чудный человек забаррикадировал этот самый путь.

Страшно заинтригованная я налегла на дверь плечом, но она поддаваться не захотела.

— Смотри, призрак хочет выползти наружу! — шептались в приемной мои славные наниматели.

— Святые демоны, даже проклятия на вас, чудаки, жалко, — покачала я головой.

С помощью магии и бранного слова тяжелая дверь из мореного дуба эффектно, с треском и стуком, раскрылась, вмазавшись ручкой в стену. Наступило ошарашенное молчание. Из приемной на меня таранились двое опытных «ловцов на привидения», хорошенько помянувших мэра белым игристым. На полу валялась разломанная не две части священная швабра.

— Вы что, дверь шваброй подперли? — тихо спросила я.

— У вас там такой грохот стоял, что мы думали все... — выпалил счетовод Ходж, пожертвовавший священным оружием простив потусторонних сил.

— Что все? — уточнила я.

— Надо дверь замуровывать... — получив тычок от коллеги, он прикусил язык. И это не фигура речи.

— Но обошлось, — широко и фальшиво улыбнулся Боуз.

— И вы вышли на своих двоих, — поддакнул Ходж.

— По-прежнему в туфельках на каблуках, — попытался сгладить секретарь и быстро перевел тему: — Так господин мэр уже в бутылке?

Я продемонстрировала сосуд. Четкость зрения у соратников несколько пострадала под действием пузырьков в игристом. Они согнулись и приблизили носы, стараясь рассмотреть содержимое бутылки. Содержимое разлилось: завертелось, закружилось и попыталось сорвать пробку.

— Господи помоги, какой агрессивный! — охнул Боуз, отпрянув от греха подальше назад. — Так куда вы его теперь, госпожа чародейка?

— В тихое и уютное место, — туманно пояснила я.

— На кладбище, что ли?

— Вроде того. На кладбище девичьих надежд и амбиций, — фыркнула я. — Уверена, он прекрасно там приживется. Хозяин этого кладбища без сомнений будет удивлен.

— Напрасно вы надеетесь, после смерти характер мэра страшно испортился! — охнул секретарь и зачем-то принялся извиняться перед бутылкой: — Не поймите меня неправильно, господин мэр, но я чуть из-за вас не поседел!

— Боуз, он вас все равно не слышит, — уверила я.

— Счастье-то какое, — пробормотал он, вытащил из кармана носовой платок и промокнул взмокший лоб. — Так что, мы уже можем праздновать?

— А чем вы до этого занимались? — намекнула я на почти осушенный графин с игристым вином.

— Нервы лечили, госпожа темная феечка, — вздохнул счетовод и потер пальцем покрасневший глаз. — Знаете, как страшно за вас было, а успокоительную настойку выпили еще на прошлой неделе. Кстати, не хотите с нами подлечить нервическую систему? Очень душевно исцеляется.

— Когда-нибудь в другой раз, — не задумываясь, отказала я собутыльникам.

— В другой раз у нас не будет игристого белого за четыре монеты за бутылку, — вздохнул счетовод и на свет проверил графин, словно прикидывая, сколько снадобья от буйной неврастении еще осталось.

Они кинулись меня провожать. В смысле, провожать нас с мэром, сидящим в бутылке, но лучше бы

остались наводить порядок к встрече нового градоправителя. Идти с ними по-человечески было решительно невозможно. Просто сартарский стыд!

Счетовод, отдавший в жертву любимую швабру, теперь нежно обнимал хрустальный графин и пытался по пути заплутать. Перепутать маршрут даже было сложно — затертый, истоптанный ковер, как волшебная тропинка, четко вел к лестнице, а оттуда сбегал в холл. Но белое игристое погасило Ходжу сознание, и он тишком попытался выйти в запертый архив. Три раза. Зато у Боуза вино зажгло на лице светлую, счастливую улыбку. Или же он очень радовался переезду умершего градоправителя.

Холл оказался пуст. Зрительный зал, не увидев ничего любопытного, сам собой опустел. Меня довели до коляски и помогли усесться. Только я пристроила бутылку с мэром на сиденье, как к коляске подскочил патлатый мужик самого могучего телосложения и легким движением плеч раскидал моих проводников в разные стороны. Я почти решила, что он хочет отобрать бутылку с мэром, но услышала:

— Госпожа чародейка, помоги! Все разбежались, но я в тебя верю.

— И поэтому не сбежал, — договорила за него я, расправляя на коленях платье. — С чего такая честь?

— У меня теща в гробу вертится!

— Ты это видел лично? — сухо поинтересовалась я, пытаюсь прикинуть, как послать уважаемого без брани и проклятий.

— Она во сне ко мне ходит и говорит, что ей тесно. Нет, мы и впрямь ошиблись с размером, когда дело до погребения дошло...

— То есть ты предлагаешь мне взять лопату и расширить твоей дорогой матушке последнее пристанище? — изогнула я брови.

— Заговорить, зачаровать, заколдовать! Да что угодно! Только пусть она уже спит себе покойно, крепко и никого не тревожит.

— Не могу, — покачала я головой.

Совершенно бесчеловечно отправлять чародейку, приехавшую за котелком, на кладбище.

— Фея, господин мясник, очень хороший человек и добросовестный торговый партнер! — вступил в переговоры Боуз. — Он три раза в неделю привозит в замок мясо!

— Привозил, привожу и буду привозить! — сам того не понимая, начал торжественно заключать сделку с темной магией «добросовестный партнер» и даже ударил себя кулачищем по мощной груди, выбив каркающий кашель. — Клянусь, завтра же доставлю самый свежий говяжий окорок.

Почему со мной всегда пытаются рассчитаться натуральным продуктом, но никто не хочет платить деньги? Самые обычные монеты с благородным чеканным профилем нашего любимого короля. Пряма какая-то добычица пропитания на весь колдовской род, а не темная чародейка. Можно подумать, при виде окорока Истваны единодушно впадут в гастрономический экстаз и из благодарности немедленно вручат мне семейный знак. Особенно тетушка Летти, делающая вид, будто беспрерывно, в любое время года сидит на диете.

— Нет, — отказалась я от сделки.

— Фея! — погрозил пальцем хмельной счетовод, окончательно потерявший связь с реальностью. — Нельзя отказывать в добре хорошим людям.

— Не имею привычки лазать по кладбищам на высоких каблуках.

— Так у меня же есть отличные домашние туфли! — просиял Боуз, словно только и думал куда пристроить треклятые тапки. — Совершенно, абсолютно, ну разве что совсем чуть-чуть, растоптанные!

— Прокляну, — тихо пригрозила я...

Когда с колючками в волосах, тремя репьями на платье, обутая в разношенные домашние туфли Боуза, я вышла из ворот городского кладбища, в коляске вместе с мясником сидел очередной незнакомый тип. За заговор от воров он предложил деньги. Настоящие монеты и вообще никакой еды! Я не справилась с соблазном и согласилась.

Торговые ряды попросили охранное заклятье. Пять штук, быть точнее, в разных концах площади.

В библиотеке пришлось воевать за старинные рукописи с мышинной колонией.

Через несколько сумасшедших часов я обнаружила себя все в тех же растоптанных туфлях и с вопящим младенцем на руках посреди местного храма. Шло благословение горластого малыша на долгую и счастливую жизнь. Мы оба с ребенком были в абсолютном обалдении, что феей-крестной родители сделали темную чародейку. Я хлопала глазами и под песнопения храмовников пыталась припомнить, как оказалась в идиотской роли «чародейки на все руки». И главное, сколько мне обещали заплатить? Потом вспомнила, что благословения всегда даровались совершенно бесплатно. Увидел бы меня Холт, до конца жизни издевался бы! Из святилища я не уходила, а сбегала, не теряя достоинства, но теряя злосчастные тапки мэрского помощника.

Время уже клонилось к вечеру. Улица пахла теплой пылью. Возле храма толпился народ и юродивые. Пришлось опустить низко-низко голову, заскочить в коляску и, обняв бутылку с мэром, приказать кучеру:

— В замок!

Он не успел даже тронуться. Дверца коляски резко открылась. На сиденье плюхнулся взмыленный парень с саквояжем и, едва дыша, махнул рукой:

— Извозчик, едем же!

Кучер послушно дернул поводья, лошадка потащила коляску. Я смотрела на нежданного соседа с плохо скрываемой антипатией и понимала, что надо бы его проклясть, но колдовать вообще не хочется.

— Куда едем? — тихо спросила его.

— К зданию почты, — выдохнул он.

— И что у вас там?

— Да как же что?! Почтовая карета до столицы через десять минут отходит! — возмущенно объявил он. — На своих двоих не добегу! Опоздаю, придется три дня следующей ждать. Ты же не против попутчика? Заплатим извозчику пополам.

То есть под конец магического банкета мою коляску перепутали с кэбом... Спасибо вам, святые демоны!

— Не считайте медяшки, довезу бесплатно, — отказалась я и аккуратно расправила заметно запыленное платье.

На ткани, как раз в районе коленок, обнаружилась вопиюще заметная дыра. Видимо, клочок остался висеть на терновом кусте, посаженном добрым мясником на могиле любимой тещи, и я полдня носилась по городку с разодранной одежде. Дымящейся ладонью я аккуратно провела по платью, и прореха исчезла.

— Госпожа чародейка... — тихонечко позвал пассажир.

— Что бы ты сейчас, парень, ни попросил — нет.

— Даже амулет от сглаза? — У него самого глаза стали большие и печальные. — Слышал, что их делать раз, два и обчелся.

— Я темная.

— Есть какая-то разница? — не понял он.

— То есть ты просишь черную ведьму сделать амулет от нее самой, — терпеливо пояснила я.

— А так нельзя? — заметно расстроился парень.

— В принципе, можно.

— Да?! — просиял он.

— Но не сегодня. Сегодня я колдовала больше, чем во время всей экзаменационной декады вместе взятой.

— Так ты ещё студентка, — разочарованно протянул парень. — Так бы сразу и сказала, что еще не научилась.

— Перед тобой дипломированный темный маг...

Оскорбленно примолкнув, я мысленно вспомнила пять проклятий, которыми могла его немедленно одарить, и тут же нашла пять веских причин этого не делать. В конце концов я сотворила добра в таком количестве, что при мысли о причинение зла начинало мутить.

— Сколько дашь за амулет? — спросила после этой во всех отношениях благотворной медитации.

— А в качестве благотворительности? — уточнил он. — Мне ещё билет до столицы покупать.

— Никогда не заключал сделок с темными, скряга? — хмыкнула я, мол, а все туда же лезешь. — Или плати, чтобы колдовство подействовало, или ищи светлого чародея.

— Знаешь, где найти? — по-настоящему удивился этот жлоб.

— Недалеко живет целый замок, но ты до отбытия кареты не успеешь.

Он полез в карман за мелочевкой и протянул одну монетку.

— Сделайте, госпожа чародейка, за достойную плату.

— Тогда почему предлагаешь недостойную?

К первой монетке прибавилась вторая номиналом побольше. Не сказать, что бы я сильно обогатилась, но две монеты по-всякому лучше одной.

— Дай какую-нибудь вещь, — протянула я руку.

Парень принялся хлопать себя по карманам, вытащил наружу коробочку с курительным табаком и бумажками для самокруток, достал оторванную пиджачную пуговицу и растерянно спросил:

— Такое?

— Люди, как вы до своих лет-то доживаете? — закатила я глаза и вытащила из пучка одну из заговоренных костяных булавок с резными навершием. — Держи амулет.

Обмен произошел. Парень некоторое время разочарованно крутил в руках булавку, не догадываясь, что стоимость самого украшения дороже, чем весь его наряд вместе саквояжем и его содержимым.

— А куда мне ее засунуть?

Я хотела указать точное место, куда он мог засунуть острую булавку (и это не внутренний карман пиджака), но мы вывернули из переулка и оказались у здания почты. Возле массивной черной кареты, нагруженной мешками с корреспонденцией, суетились люди. На крышу карабкались пассажиры.

— Господи боже, успел! Чудо! Надо же, госпожа чародейка, а ваш амулет действует! — страшно обрадовался парень, вновь перейдя на уважительное обращение.

Чудо сотворил старый кучер, знающий городок как свои пять пальцев, а магия была вообще не причем, но я качнула головой:

— Хорошей дороги.

— Ага, и вам! — Парень прыгнул с подножки на пешеходную мостовую. — До встречи, госпожа чародейка!

— Не зарекайся, — посоветовала я и быстро приказала кучеру: — Дядюшка, скорее возвращаемся домой, пока больше никто не подсел.

Мы выехали из городских ворот, когда я вспомнила:

— Демоны проклятые! Котелок! Котелок-то не купила!

Мой злобный вопль перепугал воробьев, сидящих на кусте. Кучер опасливо оглянулся через плечо, выслушал еще десяток проклятий, обращенных в воздух, и понятиво развернул коляску обратно к городу.

К вечеру рыночная площадь практически опустела. Переносные прилавки собрали, уехали тележки и возки, а вместе с ними поредела толпа покупателей. Я без препятствий добралась до посудной лавки... и лучше бы прийти мне раньше. Часов этак на шесть.

— Что вы такое говорите? — Я смотрела на торговца и не верила собственным ушам. — Что значит:

возникли какие-то чародейки и скупили все котелки? Они у вас тут что, косяками из порталов выкатываются?!

— Нет-нет! Такого ещё не было.

— Тогда как вы определили, что они чародейки?

— О, милая хозяйюшка! У меня глаз на чародеек наметан, — сощурился этот зоркий человек. — Я их с порога определяю! Опыт, знаете ли.

— С порога, говорите? Они к вам на метлах, что ли, влетели?

— Ну, одна несла совсем новенькую метлу...

Значит, пока я творила в городе добрые дела, какие-то конкурентки ввалились в единственную посудную лавку, сгребли все чугунные посудыны и свалили в неизвестном направлении. То есть, как чувствовали, что одна темная чародейка готова броситься вдогонку и подраться за котелок!

— Может, все-таки присмотритесь к тому, что остался? — третий по счету раз предложил торговец и кивнул на гиганта, стоящего в центре зала.

В огромной посудине, достающей мне до груди, можно было сварить приворотное зелье на половину светлых магов королевства. Да я почти уверена, что даже торговую лавку строили вокруг этого кухонного монстра!

— У меня не такие масштабы... готовки.

— Знаю! — хлопнул себя по лбу торговец.

— Что именно? — насторожилась я, лихорадочно припоминая, не сошла ли с ума и не выдала секрет, для чего именно собиралась использовать котелок.

— Знаю, что вам предложить!

Он нырнул под прилавок, чем-то там истошно загремел, а потом гроыхнул на столешницу широкую чугунную сковороду с длинной-предлинной ручкой.

— Что это? — тихо спросила я, чувствуя, как ощутимо дергается нижнее веко.

— Сковорода! — просиял торговец, словно я сама была слепая и не видела, что мне предлагают вовсе не котелок и даже не кастрюлю.

Если подумать, мне бы уже сотейник сгодился! Но сковородка?! Это выше даже моего понимания о добре и зле, а оно у меня — должна признаться — имеет весьма условные границы.

— Смотрите сюда, милая хозяйюшка! — фонтанировал он неуместным оптимизмом. — Покрытие от пригорания, облегченный вес, деревянная ручка особой формы, чтобы сковороду было проще снимать с очага. Но самое главное, знаете что?

Что я готова тебя проклясть, олух? Предъявят претензии — скажу, что сам напросился.

— В наборе к этой сковородке идет совершенно бесплатная крышка! Просто я ее не смог найти, но она точно где-то здесь лежит, — гнул свое торговец, серьезно настроившись отпустить меня только с набором никому не нужных тяжелых посудин. — Ну, что скажете?

— А я должна что-то сказать?

— Понимаю, щедрое предложение заставило вас онеметь, — широко улыбнулся он.

— Вовсе нет, — покачала я головой, складывая руки на груди.

— Но и это ещё не все! — продолжил он, не замечая нависшей угрозы.

— Да неужели?

— Только сегодня, только для вас, госпожа, я дам скидку в целых пятьдесят медяшек на эту замечательную сковородку с бесплатной крышкой, особенной ручкой и специальным покрытием от пригорания! А теперь, что скажете?

Он сделал приглашающий жест рукой, словно ожидал, что госпожа хозяйюшка сейчас рухнет в обморок от счастья, потом придет в себя, соскребется с пола и немедленно купит всю партию чугунных сковородок с крышками. Чтобы хватило до конца жизни.

— Ты никогда не терял дар речи, гений торговли? — спросила я, разглядывая свои ногти.

— В каком смысле?

— В прямом, — изогнула я брови, следя за тем, как вокруг шеи торговца, скрывая выпирающий кадык, полупрозрачно-черным дымком завертелось проклятье, на пару часов отнимающее возможность говорить. Разве что мычать.

Нервирующий тип испугался, поменялся в лице и, в ужасе ощупывая горло, замычал. В несчастных глазах читался вопрос: «За что?»

— Я тут по заветам светлых магов целый день провела и что-то так утомилась быть доброй, сил никаких не осталось. Поэтому, зоркий глаз, умеющий распознавать чародеек, ты голос вернуть хочешь?

Он отчаянно выпучился и закивал головой.

— Тогда метнись в чулан и достань котелок.

Торговец сорвался с места и скрылся за обшарпанной дверью. До меня донесся звон битой посуды, грохот разлетевшихся кастрюль. Минуты не прошло, как он вернулся и бухнул передо мной новенький котелок с ручкой, оплетенной кожаными полосками.

— Вот почему надо сначала проклясть, чтобы потом все начали нормально работать? — покачала я головой и достала из кошелька деньги. — Держи.

Он замахал руками. Видимо, хотел отдать посудину в дар.

— Бери, бери, — настаивала я, пододвигая чеканную монетку. — Я же не грабительница какая-то, а честная темная чародейка.

Торговец пришел в страшное возбуждение. Мычал, пучил глаза, показывал три пальца и в общем-то всем видом что-то пытался до меня донести. Угадать никак не удавалось. Наконец отчаявшись, он вытащил из жестяной коробки под прилавком три монетки номиналом поменьше, рядком выложил на столешнице и пододвинул в мою сторону.

— Сдача! — догадалась я. — Можешь оставить себе.

Приступ жадности начался быстрее, чем успела договорить. Оставлять три монеты на чай из-за какого-то мелкого проклятия — страшное расточительство!

— Хотя лучше заберу, — под изумленным взглядом торговца я сгребла мелочевку с прилавка и ссыпала в кошелек. — Мне эти деньги нечеловеческим трудом достались. Я до конца жизни лимит добрых дел исчерпала. Благословляю на хорошую торговлю.

Он испуганно замычал и схватился за горло.

— Не переживай, это просто присказка и никакого добра не несет. Или ты о голосе? — догадалась я. — К ночи запоешь в церковном хоре.

Торговец икнул.

— Так ты не пел? Никогда не поздно начать, — усмехнулась я и вышла из торговой лавки.

Мы уже выехали с рыночной площади и бодро катили в сторону городских ворот, когда на дне котелка обнаружилась бумажка. Недоуменно нахмурившись, я вытащила этот неровно оторванный клочок.

«Три монеты», — было написано на нем.

— Все-таки ограбила... Ну, ладно.

Ценник был сжат в кулаке и превращен в пепел.

В Истван мне удалось вернуться раньше деда, и я не стала откладывать на завтра пакость, которую можно было совершить сегодня. Без зазрения совести взломав замок на двери, я вошла в его кабинет и вытащила из бутылки с призраком заговоренную пробку.

— Добро пожаловать в замок Истван, господин мэр. Желаю вам прекрасной посмертной жизни.

Пленный мэр вырвался на свободу злым сквозняком, заставив отодвинуть бутылку на расстояние вытянутой руки. Разнося по комнате запах кислого вина, он принялся туда-сюда метаться: то

взлохматит гардины, то зазвенит стеклами в книжном шкафу.

С чувством глубокого удовлетворения я поднялась в гостевую башню и вспомнила про паутину. Быть точнее, обнаружила паутину на двери и мгновенно вспомнила... Должна признать, если бы в королевстве проводили конкурс на лучший способ ограбления, то мне достался бы главный приз! В магической ловушке застряли мужской пиджак, сапог, прилипший подошвой и понуро повесивший голенище, лакейская ливрея, чья-то выдранная прядь волос и топор. Что здесь делал последний было страшно представить, оставалось надеяться, что никто этим суматошным днем не пострадал и не облысел.

Нагнувшись, я дернула паутину за уголок. Выпустив в воздух черный дым, липкая сетка мгновенно растаяла. Вещи рухнули на пол. Одежда была небрежно отброшена с порога легким движением ноги, сапог я мстительно пнула, а топор забрала. Ведь полезная в девичьем хозяйстве вещь!

Дед появился через пару часов. Я успела отмокнуть в ванной и заплетала косу, глядя в заговоренное зеркало. Отражение внезапно подернулось рябью, тесная гардеробная растаяла. Возник Парнас в полный рост, одетый по форме главы магического совета. В жизни бы не подумала, что он, пресветлый чародей, важно носящий белый плащ, воспользуется шпионскими чарами тетушки Мириам.

— Добрый вечер, дедушка, — вежливо поздоровалась я. — Как самочувствие? Вы выглядите взволнованным...

— Да как ты посмела, Эннари Истван?!

Он пришел ругаться из-за проклятого лавочника, злобного призрака в кабинете или из-за всего сразу?

ГЛАВА 4. Курс молодой невесты

От дедовского по истине грозного рычания, вырвавшегося из зеркала, с некоторых вешалок упали платья, и на комод зазвенели флаконы с цветочными благовониями. На стене заискрился единственный светильник, намекая, что светляки готовы очокуриться от страха и больше не стоит пугать нежных созданий.

— Это был риторический вопрос? — не испугавшись взбешенного родственника, спросила я.

— Нет!

— Тогда, дедушка, пожалуйста, уточните. Я сегодня столько всего посмела в городе сделать, что хотелось бы знать, за что именно меня отчитывают.

Вообще, теперь мне было доподлинно известно, почему Парнас не появлялся в соседнем городе и принимал просителей строго один раз в месяц. Непременно в тронном зале, где от торжественно-помпезной обстановки вешались даже мыши. Если уж меня хитрые жители умудрились гонять по улицам до самого вечера, что говорить про светлых чародеев, обязанных жить по законам добра, служения людям и радеть за мир во всем мире. Демоны не позволят соврать, лучше бы мне получить это бесценное знание с чужих слов!

— В моем кабинете летает покойный мэр Догер! — с возмущением объявил Парнас.

— Так вы уже встретились! — изобразила фальшивую радость. — Мне сказали, что вы были лучшими друзьями.

— Мы друг друга на дух не выносили! — ругался дед. — А теперь ты его вывезла из города и поселила в башне.

— То есть вы точно не сживетесь? Святые демоны, как неловко получилось! — продолжала я корчить дурочку и для пущего эффекта даже прикрыла рот ладошкой. — Что же теперь делать?

— Отзови сделку и развей этого паршивца! — велел дед, поубавив и ярость, и громкость. — Прежде чем заключать соглашения с нечистью и кого-то заводить в чужом доме, нужно спрашивать разрешение хозяина этого дома. Не понимаю, почему я должен объяснять элементарные вещи взрослому человеку!

— Дедушка, раз зашла речь о хороших манерах, хочу уточнить: к мужьям правило относится?

Парнас начал меняться в лице.

— Ну как же? — с невинным видом развела я руками. — Помнится, вы тоже заключили сделку, поставили родовую печать и без разрешения завели в моей жизни Калеба Грэма. Не сочтите за дерзость, просто в голову пришло...

Я спокойно встретила глазами с пресветлым. Казалось, что сейчас он выйдет из зеркала и отходит меня розгами, как маленькую хулиганку, по тому месту, на котором обычно послушные девицы сидят.

— Эннари Истван... ты что же, поселила призрака, что бы тыкнуть меня носом, как котенка? — с вкрадчивым восхищением уточнил он, и вдруг заметно дернул глазом.

— Я бы не посмела. Просто решила, что с мэром вы наверняка не заскучаете. Опять-таки всегда будет с кем поговорить, — клятвенно заверила я, даже руку к груди прижала. — Но должна признать, мне нравится ваша аналогия. На редкость точная.

— Нахалка! — резким взмахом руки Парнас погасил связь.

В зеркале появилось мое ухмыляющееся отражение, и откуда-то из глубины замка донеслось дедовское злобное восклицание:

— Нет, ты слышал эту девчонку? — обратился он к невидимому собеседнику. С мэром, что ли, уже принялся разговаривать? А говорил, что не сживется.

— Дедушка, боюсь, что я тоже вас слышу, — заметила я.

— Да как такое возможно?! — взбеленился он.

— Когда заклятье ставит тетушка Мириам, возможно все. Если мысль о нечисти в кабинете вам не выносима, то просто посадите господина мэра в бутылку. Кaleb с вами? Пусть лучше он ловит. Он относительно живуч и вряд ли свернет себе шею.

— Относительно кого? — взбесился Парнас.

— Относительно мэра, естественно. Догер-то уже помер, — развела я руками, хотя собеседник меня не видел.

— Нахалка!

— Вы повторяетесь, дедушка.

— Отлучу от дома! — серьезно пригрозил дед.

— Главное, при этом не забудьте разорвать свадебный договор, а то выйдет неловко.

По зеркальному полотну вдруг пробежала искра. С хлопком в разные стороны разлетелись голубоватые искры. Заклятие, наложенное теткой, было полностью уничтожено.

Ужин в теплой семейной компании мне пришлось пропустить. Для любовного зелья не хватало последнего ингредиента, который Брунгильда таинственно назвала «любая часть светлого мага», и его нужно было незаметно раздобыть. Я с большим удовольствием использовала бы какую-нибудь жизненно важную часть этого светлого мага, но была вынуждена поумерить кровожадность и успокоиться парой волосков с расчески.

Сытно и от души поев, я прислушалась к тишине в гостевой башни, потом проверила часы. В столовой сейчас подавали горячее, так что время для визита к соседу было отличное — Кaleb наверняка уплетал мясо и делал вид, будто не замечал алчных взглядов Эбби, украдкой отправленных в его сторону.

Я вышла из покоев. Ни пиджака, ни сапога, ни ливреи на полу не валялось, видимо, конфискованные паутиной вещи забрали слуги. С независимым видом, словно просто прогуливалась туда-сюда от одной двери к другой, я пересекла расстояние, разделяющее покои, и тихонечко постучалась. Так сказать, для проверки связи. В ответ донеслась тишина. Связи ожидаемо не было. Воровато проверив через плечо пустую лестницу, я в два счета взломала замок, скользнула в сумеречную комнату, озаренную приглушенными светляками, и тихонечко прикрыла за собой дверь...

Кaleb с расслабленным видом сидел в глубоком кресле, положив ногу на ногу. В руке он держал хрустальный бокал с крепким алкоголем. Закатанные рукава рубашки открывали красивые крепкие предплечья. Во взгляде, обращенном ко мне, светилось острое любопытство. Тишина в комнате стояла оглушительная, а я стояла в этой тишине возле двери и понимала, что пора что-то соврать.

— Я стучала, но ты не ответил.

— Поэтому взломала запертую дверь, — с усмешкой кивнул он и, не сводя с меня льдисто-прозрачных глаз, поднял к губам бокал.

— Решила, что ты не услышал, — нахально заявила я.

— Эннари, просто скажи, что ты хотела найти в моих покоях и, возможно, тебе это достанется, — предложил он.

Выглядел он, прямо сказать, утомленным. Похоже, не у меня одной сегодня выдался сумасшедший день. После такого дня очень хотелось сварить какую-нибудь часть светлого мага, притом не ради зелья, а просто так, из любви к искусству и для успокоения нервной системы.

На кофейном столике теснились тарелки, прикрытые серебряными колпаками. Видимо, Кaleb тоже решил пропустить трапезу с шумными, суетливыми родственниками.

— Вообще, ты не спустился в столовую, и я подумала, что киснешь тут один над ужином, — выкрутилась я.

— Продолжай... — выразительно изогнул он брови и качнул бокалом, явно заинтригованный, насколько складную ложь мне удастся сочинить. Святые демоны, этот светлый чародей со всеми его остро необходимыми для любовного зелья частями явно недооценивал мою фантазию!

— Но сейчас вижу, что ты прекрасно себя чувствуешь к компании... Что ты там пьешь? — сморщилась я. — Явно не селегерский квас.

— Бренди, — подсказал Кaleb, пряча в уголках губ улыбку.

— В компании бренди, — согласилась я. — Не буду вам мешать и пойду. Хорошего вечера, Кaleb.

Я взялась за ручку, и ладонь неприятно кольнуло светлой магией. Дверь закономерно оказалось

заблокированной. Плечо, к слову, тоже ощутимо цапнуло разрядом через ткань платья. Когда только успел запереть дверь? Да еще настолько кусачим заклятьем!

— Калев? — изобразив недоуменную улыбку, повернулась я.

— Поужинай со мной, раз все пришла украсть... скрасить одинокий вечер.

Он указал на второе кресло, стоящее с другой стороны столика. Если не хотелось совершенно, но только дура уйдет из покоев светлого мага, когда для любовного зелья все еще не хватало частички этого мага.

— Уговорил.

Пока я пересекала комнату и устраивалась в кресле, Калев снял серебряные колпаки с заметно остывших блюд. Удивительно, но и еды, и приборов было на двоих. Вряд ли он ждал невесту, у которой, к слову сказать, при виде большого куска мяса подступил к горлу ужин, в два счета проглоченный всего пятнадцать минут назад.

— Бренди тоже любит стейки? — с иронией уточнила я.

— Тебе стоит спросить у того, кто передавал мне в комнату еду, — отозвался он, берясь за приборы. — Так зачем ты появилась на ночь глядя?

— Увидела, что тебе несут ужин на двоих? — не удержалась я.

— Это был вопрос? — уточнил он.

— Как думаешь?

— Думаю, ты хотела что-нибудь забрать из моих покоев.

В таком случае, дорогой жених, может, не будешь меня мучить трапезой, отрежешь прядь волос и просто подаришь? Иначе твою невесту ждет несварение от переедания.

— Вообще-то, весь день между добрыми делами думала о том, что ты сказал этим утром, — не моргнув глазом, соврала я. — Извини меня. Вчерашняя шутка была неуместной.

Между нами повисла долгая пауза. Невольно я поймала себя на том, что рассматриваю рыжевато-русые, словно выгоревшие на солнце волосы Калеба. Несколько прядей, выбившихся из пучка, были небрежно заправлены за уши. Казалось бы, протяни руку и возьми столько волос, сколько нужно... Но вряд ли он обрадуется, если я вдруг сделаю по-змеиному резкий выпад и выдеру ему пару очень нужных в шевелюре вихров.

— Ты кого-то уколола и тебе нужна помощь? — тихо спросил он, мигом догадавшись, что ему просто заговаривают зубы.

— Если что, с мэром мы познакомились, когда он уже был в газообразном состоянии и прекрасно залезал в бутылку, — мигом открестилась я от причастности к кончине единственного знакомого мертвеца.

— Парнас в гневе из-за Догера. Ты действительно не собираешься отменять сделку?

— Ни в коем случае! Искренне верю, что домашние питомцы помогают снимать напряжение.

— Ты завела в его кабинете нечисть, — напомнил он.

— Вообще-то, я подумывала об умертвии, но мэра уже успели похоронить, — сочинила на ходу. — Правда я хорошая внучка?

— Даже комментировать не стану, — хмыкнул он.

— Между прочим, если тебе ещё не успели рассказать, то сегодня я весь день из себя строила добрую фею и никого даже вот настолько не прокляла! — Я показала сложенные щепоткой пальцы, и вдруг вспомнила про торговца. — Хотя постой... снова соврала.

— Снова? — с иронией переспросил Калев.

— Я лишила лавочника голоса, но, справедливо говоря, он сам напросился. Такой пронира!

— Обсчитал, когда давал сдачу?

— Пытался продать сковородку вместо котелка. Но со сдачей тоже вышло неловко.

Пришло время опрокинуть на себя тарелку с едой и попроситься в ванную комнату, где наверняка лежала расческа, но лицедействовать не пришлось. Кто-то тихо и деликатно постучался в дверь.

— Смотри-ка, а говоришь, никого не ждал, — ухмыльнулась я.

Осторожный стук повторился. Кaleb не потрудился встать.

— Кaleb, — донесся из-за двери голос Эбигейл, — можно войти?

— Так ты собирался уединиться с Эбби, но я пришла и испортила вечер? — протянула я, рассчитывая хорошенько его достать.

— Нет, — сухо отозвался он. Очевидно меня жених попросту не ждал, а компании другой Истван не жаждал и, несмотря на намек из двух стейков, не ответил на стук.

— Послушай, все нормально. Если ты надумал присмотреться к другой кухне, не буду тебе мешать. Но ты учти, что она влюблена, легкой интрижкой не обойдешься.

— Ты ошибаешься абсолютно во всем, — во взгляде и голосе Калеба появилось раздражение.

— То есть она часто к тебе заходит? — не скрывая ехидной улыбки, продолжила измываться я.

— Нет! — перебил он, сдобрив восклицание недобрым взглядом.

— Если что, я не осуждаю! Ты взрослый мужчина.

Он прикрыл глаза, видимо, пытаясь проглотить какое-то ругательство, и потер переносицу.

— Хочешь спрячусь в ванной? — охотно предложила я. — Честное слово, мне несложно.

— Не стоит.

— Кaleb, — снова позвала Эбби, — ты там?

— Проклятие! — ругнулся он, резко поднялся с кресла и направился к двери. Видимо, ему казалось проще впустить Эбигейл, чем доказывать, что они не любовники. Как будто мне действительно было до этого кого-то дело.

Запирющие чары спали пеленой, заметной даже невооруженным глазом. Кaleb широко открыл дверь, позволяя мне увидеть кухню в ярко-синем платье.

— Эбигейл? — произнес он этим своим особенным голосом, от которого даже монашка рухнула бы в обморок. Удивительно, как Эбби устояла на ногах.

— Ты не спустился к ужину, — начала она, — но я решила, что поесть-то все равно надо и прислала поднос тебе в покои.

— Благодарю, — сухо ответил он.

— Могу зайти? Там на двоих...

— Я не один, — не забывая о женских чувствах, прямо заявил он и специально открыл шире дверь, что бы продемонстрировать меня, во всей красе сидящую в кресле.

— Привет, — помахала я рукой, внимательно наблюдая за лицом кухни.

Надо отдать должное, она даже глазом не дернула, более того ответила фальшиво-милой улыбкой:

— Ну, конечно, вы вместе. Как я не подумала?

Вот уж правда: как не вспомнить о невесте? Поразительная забывчивость! Вообще, в этой идиотской ситуации с неожиданным замужеством имелась одна прелесть — можно сколько угодно измываться над влюбленной Эбигейл. Мелочь, конечно, но приятно!

— Заходи, — позвала я. — Мы все равно не обсуждали ничего особенного.

— Нет, не отвлекайтесь! — быстро отказалась кухня. — Лучше пойду... Кстати, Эннари, приглашение на завтрак все ещё в силе. Надеюсь, завтра ты заглянешь.

Я восхищалась тем, как эта новая Эбигейл делала вид, будто жаждет подружиться. С другой стороны, не зря умные люди говорят, что друзей следует держать близко, а врагов еще ближе.

— Постараюсь не проспать, — пообещала я и тут же предложила: — Кaleb тебя проводит в

хозяйское крыло.

— Не нужно! — нервно засмеялась Эбби. — Не буду вам мешать.

— Да ему несложно. Правда, Калев?

Судя по восхищению в льдистых глазах, он был готов рукоплескать моей изворотливости. Сама не ожидала, как ловко удастся выставить его из покоев.

— Конечно, Эннари, — с трудом сдерживая ухмылку, согласился он. — Прогуляешься после ужина с нами?

— Предпочитаю переваривать, сидя в кресле, — с улыбкой отозвалась я.

— Мы с Эбигейл настаиваем.

Эбигейл, честно говоря, выглядела по-дурачки и вообще ни на чем не настаивала.

— Обещаю, что дождусь тебя. Идите, — махнула я рукой и взялась за приборы, словно действительно собиралась впахнуть в себя второй стейк поверх первого.

До гостевого крыла быстрой походкой было добираться не меньше пяти минут. Уверена, Эбби будет тащиться, как черепаха. Может, предложит полюбоваться портретами предков Истванов в галерее.

Выждав некоторое время, я встала и первым делом направилась в ванную комнату. Покои Калеба в точности повторяли мои, походили на безликий номер в гостевом доме средней руки, но я въехала только вчера и не успела обжиться, а он поселился в башне несколько лет назад.

Копаться в вещах и обыскивать гардеробную или спальню не пришлось — расческа с натуральной щетиной лежала на мраморной столешнице. Решив, что Калев брезглив, что бы делиться вещами, я осторожно взяла несколько рыжеватых волосков и без спешки вернулась к себе.

Только опустила «добычу» в прозрачный флакон и аккуратно заткнула пробкой, как в покои постучались. Сломанная дверь толком не запиралась и отворялась от легкого толчка. Жених стоял на пороге, спрятав руки в карманы. Пауза затянулась.

— Нашла, что хотела? — наконец спросил он.

— Нельзя быть таким подозрительным, — неодобрительно поцокала я языком.

Калев понимающе улыбнулся.

— Меня гложет любопытство... Если бы сегодня я не был в комнате, а внезапно вернулся и нашел там тебя, как бы ты выкрутилась? Прокляла бы?

— Поцеловала, — без колебаний ответила я. — Внезапность сбивает с толка.

Глаза жениха смеялись. Похоже, его страшно забавляло, что вина была очевидна, но недоказуема, чем я бессовестно пользовалась.

— Не забудь поставить полог тишины, Эннари, — вымолвил он.

— Не вламывайся сегодня в мои покои, Калев, — попросила я. — Второй раз дверь не выдержит.

К варке зелья я приступила, когда время перешагнуло за полночь. Чуть отхваченная с краю луна на черном небе погасила соседние звезды и яркостью спорила с уличными фонарями. Жители замка спали, а от тех, кто не спал, под бутылочку энергетического эликсира я аккуратно запечатала дверь, надела фартук, по порядку расставила на столе флаконы. Вытянула сцепленные замком руки, размяла шею и торжественно объявила:

— Приступим...

А потом все пошло не по плану. Вернее, по плану, но точно по безнадежному. В моем идеальном мире камин не нагревал комнаты в процессе варки зелий. Да и сами зелья пахли благородным пионом, а не тем, чем смердело странное варево неопознанного цвета, булькающее так, словно собиралось гейзером ударить в каминную трубу.

Дымоход, к слову, вообще не спасал ни от чада, ни от зловония. Глаза слезились, из носа текло. Я все ждала, что сейчас объявят пожарную тревогу, а сосед попытается взломать опечатанную дверь, чтобы вынести невесту из смертоносного пламени.

Повязав на лицо платок, я бросилась открывать окна. Быть точнее, одно окно. Остальные напрочь

прикипели. Рамы было страшно трясти, чтобы те не вывалились наружу. Пришлось наколдовать сквозняк. В отместку портьера начала раздуваться парусом, а в итоге вылетела наружу и там билась в воздушных волнах, словно реющий над Истваном родовой стяг.

Стараясь не вдыхать глубоко, я помешала в котелке варево, не удержалась и чихнула. Громко, звонко и неожиданно даже для себя. Воздух вдруг взъерошился. Портьера с хрустом сорвалась с петель и вырвалась на свободу!

— Ничего себе чихнула! — вытаращилась я на оголенное слепое окно, в которое уходили клубы розового дыма.

К середине ночи я почти уверовала, что проще самой выйти замуж за Калеба Грэма, чем женить его на кухне Люсиль. Очевидным этот факт стал в тот страшный момент, когда светлые мужские волосы не упали в зелье, а принялись летать над котелком, подхваченные теплым воздухом. Чуть сердце не остановилось! Наконец «часть светлого мага» окунулась в варево. Приворот мигом просветлел, зазолотился и начал походить на прозрачный куриный бульон. Вернее, на четверть поварешки куриного бульона, оставшегося после мощного бурления.

Переливать было собственно нечего. Серебряной ложечкой я выскребла снадобье из глубокого котелка и каплю за каплей отправила во флакон. Под конец рука дрогнула, на столешницу выплеснулась лужица.

— Да пропади все пропадом! — выругалась я, с тоской посмотрев за окно, где уже занимался рассвет. В серых сумерках было видно, как сбежавшая занавеска уныло висела на шпилье учебной башни. Натянув рукав платья на ладонь, я протерла стол, заткнула флакончик пробкой и, наплевав на бардак, завалилась в постель прямо в одежде.

— Эннари Истван! — ворвался в сон без сновидений чей-то противный ревущий голос.

Я резко крутанулась на кровати и визгом рухнула на пол, уже с коврика обнаружив, что спала практически на краешке. Цепляясь за одеяло, вкарабкалась обратно на матрас, перевернулась на спину и раскинула руки. Голова гудела, как похмельная, во рту стояла сухость, в теле ломило каждую мышцу. До сегодняшнего дня я вообще не догадывалась, что у человека может болеть все и сразу. Обычно у меня болело что-то одно или вообще по очереди.

— Эннари! — откуда сверху бухнул возмущенный голос Парнаса. — Не смей спать в середине дня!

— Дедушка, вас Догер достал? — вслух поинтересовалась я у фиолетового балдахина над головой. — Он выпил ваш столетний виски?

— Спустись в холл!

— Бегу и теряю по дороге тапки...

Перевернувшись на бок, я подложила под щеку сложенные ладошки и блаженно закрыла глаза. Только-только начала качаться на волнах сладкой дремы, как в дверь заколотили. Громко, мощно, без жалости к старушке-двери и к хозяйке покоев. В общем, в плане сна в замке Истван царил настоящий ад.

Спотыкаясь и действительно теряя тапки, я зашаркала к двери, по дороге подивилась тому, как ещё вчера приличная, обезличенная гостиная превратилось в паршивое ведьмовское логово. Пахла она, к слову, соответственно. Человек снаружи громыхал, и дверь не выпадала плашмя исключительно за счет магической печати.

— Не сотрясайте! — крикнула я, снимая ту самую печать.

От очередного удара дверь стремительно распахнулась, едва не вдарив мне в лоб острым ребром. В коридоре улыбалась тетушка Летисия.

— Добрый день, Эннари, — улыбнулась она.

— Вы одна? — изумленно моргнула я и высунулась из комнаты, желая проверить, куда хрупкая чародейка спрятала могучего, пахучего, волосатого варвара, тараном выносившего дверь.

— Я умею будить людей. Арветта всегда поздно вставала, — коротко пояснила она, делая вид, будто моя ошарашенная, помятая физиономия ее вообще не смущает. — Тебе нужно спуститься в холл, в замок пришли люди.

— С вилами? — мрачно пошутила я.

— Вообще-то, с вещами, — поправила она.

— Уже?! — охнула я.

— А такое было?

— И не раз, — честно призналась я.

Что, простите? Честно?! Я?!

— Хорошо, не задерживайся, — кивнула тетушка. — Успеешь за пять минут, чтобы не злить деда?

— Конечно, только переоденусь в чистое и умоюсь, — проговорила я. — Вы не чувствуете? Кажется, от меня все ещё пахнет этим дурацким зельем.

— Каким зельем? — не поняла Летисия.

— Любовным, конечно, — ответила я и внутренне ужаснулась тому, как правда катастрофически легко, не задерживаясь ни в горле, ни за зубами, вылетела изо рта. Святые демоны, что за сногшибательная откровенность?!

— А я думаю, почему у тебя ночью из окон валил дым. Любовное зелье варила для Калеба?

— Да.

Кто ты, девица, ляпнувшая, что всю ночь колдовала над приворотом?! Если у меня поехала крыша, почему я не ощущаю себя сумасшедшей?

— Не то чтобы я следила... просто спускалась в кухню, а из окон видно гостевую башню, — нервно засмеялась Летисия. — Слуги напрасно сплетничают! По ночам я вовсе не граблю продуктовую кладовую. Просто пересчет сырных голов и копченых окороков помогает справиться с бессонницей.

— Угу, — с крепко сжатыми зубами, чтобы не выпалить лишнее слово, промычала я. Наверняка тетушка тоже почувствовала облегчение, когда нас снова разделила дверь.

Похоже, пары приворотного зелья имели побочный эффект. Во мне, умеющей соврать в любой непонятной ситуации, открылся буквально неконтролируемый и не затыкаемый фонтан честности! Лучше бы настигли банальные непристойные видения. Помню, как Холт с приятелями под действием проклятья честности искренне желали мне испытать его действие. Накаркали сволочи!

С этими мыслями, наскоро приведя себя в порядок, я спустилась в холл. Десяток потенциальных темных прислужников с вещами и надеждами сидели на плюшевых диванах перед огромным вычищенным камином, как в зале ожидания на столичном вокзале.

В голове прозвучал голос деканессы Торстен: «Не делай людям добра, не получишь на иждивение темных прислужников». Пресветлый Парнас с Брунгильдой Торстен знаком не был, но, судя по каменной физиономии, полностью разделял ее взгляды на жизнь. Проклятие, да я сама разделяла! Полностью. Столько лет причиняла людям добро маленькими порциями, а вчера не иначе как случилось помутнение рассудка. Или же на меня пагубно влияла смесь истванского воздуха и пресловутая бурлящая энергия родной земли, о которой пафосно рассказывал Холт.

— О, госпожа чародейка, появилась! — Просители заприметили меня вперед деда и принялись вскакивать с насиженных мест. Мое появление словно гарантировало, что никто не выкинет их из замка, а значит, за диваны можно было больше не цепляться.

Дед резко повернул голову, нехорошо сверкнул глазами (в прямом смысле этих слов). Пристукнув посохом, он обдал просителей потоком воздуха и оказался передо мной. Люди, изумленные простым чудом, заохали.

Парнас поставил полог тишины, отчего звуки стихли, а в ушах зазвенело, и принялся распекать нерадивое дитя:

— Эннари Истван, объяснись немедленно! Сначала ты завела в моем кабинете нечисть, а теперь решила завести темных прислужников в моем замке?

— Была бы счастлива вас взбесить, но нет, — правдиво ответила я. — Мне не на что содержать темных прислужников. Матушка оставила слишком скромное наследство, а вы вряд ли захотите растить в светлом замке темный клан.

— Тогда почему эти люди здесь?

— Потому что, как ни крути, я очень хороша в магии.

Кажется, Парнас несколько опешил от обезоруживающей откровенности.

— Смотрю, ты от скромности-то не страдаешь! — охнул он и зачем-то припечатал вопросом: — Так?

— По сравнению с Вайроном и Люсиль я вообще звезда, — проговорила я и искренне попросила: — Дедушка, у меня сегодня некоторые проблемы с дипломатичностью, поэтому вы можете утверждать, а не спрашивать?

— Ты издеваешься?

— Честность всегда звучит хуже издевки, а я вынуждена быть такой честной, что самой тошно, — обреченно призналась я.

— Мужа на тебя нет! — рявкнул дед.

— Видимо, поэтому вы заранее заключили брачное соглашение, чтобы муж на меня был побыстрее, — фыркнула я.

— Ты...

— Знаю. Нахалка. Вы вчера сказали, — быстро напомнила я и постаралась его выпроводить: — Вы куда-то собирались?

— И отмени сделку с Догером! — невпопад потребовал дед.

Стукнув посохом, он переместился в неизвестном направлении. Возможно, в свой кабинет, чтобы пожаловаться Догеру, что у него, пресветлого Парнаса Иствана, внука не просто темная, а натуральная ведьма.

От перемещения снова поднялся злой сквозняк, раздувший полы одежды и прически, кокон лопнул, и стали слышны возбужденные, испуганные шепотки.

— Итак, господа, чего вы здесь сидите на багаже? Почтовую карету ждете? — проговорила я громко, заставляя народ примолкнуть и подняться с диванов.

— Госпожа чародейка, — пробасил ядрено пахнувший, патлатый здоровяк, — так мы это... отдаться пришли.

— В жертву? — фыркнула я.

— В услужение! За исполнение трех желаний.

Конечно. Так и знала! Разве могут горожане просто прийти, чтобы хором выразить благодарность за вчерашнюю помощь и объяснить деду, как он не прав, выпихивая замуж такое сокровище? Просто магическую жемчужину среди стеклянных бусин. Им нужно только колдовство.

— Три желания? — нараспев повторила за ним. — Я похожа на джинна? Вы бутылку здесь где-нибудь видите?

Вся компания будущих проклятых повернулась к каминной полке, где возле оплавленных свечей, прилепленных прямо на гранит, красноречиво притулилась пустая бутылка из-под дорогого алкоголя.

— Кхм... — задумчиво кашлянула я и вспомнила ещё пять проклятий, которыми можно одарить идиота, оставившего пустую бутылку на самом видном месте. Уверена, его зовут Вайрон. Он вечно где ни попадя разбрасывает свои вещи: то сапог в моей двери оставит, то пустую бутылку из дедовских винных погребов на камине забудет.

— Возьмешь нас к себе, госпожа чародейка? — быстро спросил здоровяк.

Да что б тебя демоны ада сожрали, а косточки потом прожарили в котелке из посудной лавки будущего церковного тенора!

— Очень хочу, но не могу, — вздохнула я, отвечая с честностью восторженной идиотки. — Господа просящие, вас некуда селить и не на что содержать.

— А нас будут содержать?! — обрадовался кто-то из ожидающих очереди.

— Нет, — покачала я головой. — Никаких иждивенцев до свадьбы.

Проклятая честность! Даже не съехидничать и не подавить людей высокомерием.

— А когда госпожа чародейка выходит замуж?

— Точно не этой зимой! Всего доброго. Выход там!

Я была так любезна, что заставила с помощью магии распахнуться тяжелые входные двери. Путь на свободу был открыт. На парадной лестнице обнаружилась рогатая коза с колокольчиком и клетки с курицами. Похоже, переезжать в замок прислужники планировали всерьез и надолго. С семьями, вещами и скотным двором.

«Бери всех. Они пришли с приданым! — на задворках сознания требовала темная магия. — Пусть подпишут коллективный договор. Куриц и козу съедим!»

Похоже, мне было пора обедать. Да поплотнее.

— Легкой дороги, — кивнула я, предлагая визитерам потрусить на выход.

Что они и сделали: потянулись нестройной шеренгой, таща багаж.

— А говорили, она настоящая ведьма, — тихо бранились между собой двое. — Говорили, что темные чародеи договоры со всеми подряд подписывают, лишь бы к ним в услужение шли.

— Эй, недовольные! — позвала я, заставив всех одним махом развернуться. — Прокляну.

— Изыди! — охнул один.

— Дурак, соглашайся, пока предлагают! — задергал его за рукав второй. — Проси, чтобы прокляла немотой. Помычишь, а потом запоешь, как вчера ночью Мирн из посудной лавки. Прокашлялся да как заголосит. Чуть стаканы в таверне не полопались. Глядишь, в столичный театр устроишься...

Двое по виду приличных мужиков тут же представили себя лицедеями и с мечтательными минами обернулись в мою сторону. Я хмуро покачала головой, мол, исчезните все. Быстро! И придала им ускорение сквозняком. Последнего человека практически вытолкнуло через порог. Магия разом растаяла, тяжелые высокие створки захлопнулись.

Думала, что за триумфальным выдворением никто не наблюдает, но ошиблась. С балкона второго этажа, опершись ладонями о каменными перила, за холлом следил Вайрон. С улыбкой он поднял руки и беззвучно зааплодировал. Дураку было понятно, что не от восхищения. Сама того не ожидая, я показала ему язык и развернулась, чтобы отправиться в столовую и хорошенько пообедать, а заодно позавтракать.

— Ты куда? — всполошившись, крикнул он.

— В столовую, — честно ответила я на вопрос.

— Летисия зовет тебя.

Мигом вспомнилось, как с видом всклокоченной идиотки я охотно поделилась правдой о привороте, и осторожно спросила:

— Зачем?

— Я кто, посыльный, чтобы отвечать зачем и почему? — отозвался он.

Хотела сказать какую-нибудь гадость, но из открытого рта неконтролируемо вылетела правда:

— Ты мой кузен, которого дед посадил под домашний арест за пьянство.

— Кто сказал такую редкостную чушь? — рыкнул он.

— Родовая книга, — развела я руками. — Так зачем тетка хотела меня видеть?

— У родовой книги спроси! — огрызнулся он, как малое дитя, и исчез из поля зрения.

Должна признать, что у меня действительно возникала мысль отправиться в библиотеку и на каком-нибудь гримуаре погадать, не грозит ли случайная откровенность с теткой коварному плану по передаче жениха моей кузине. Книжки не задают вопросов в ответ на вопрос, им не нужна откровенность. Приходи и гадай, хоть под заклятьем честности, хоть под проклятьем непрерывной лжи... Но уже на середине лестницы на второй этаж я осознала несостоятельность идеи и на балконе повернула в сторону хозяйского крыла. Если я хотела узнать, что собиралась делать Летисия с тайным знанием о любовном зелье, то следовало спрашивать у нее, а не у гримуаров. Быстрее выйдет.

Тетушка жила в просторных покоях со сдержанным интерьером. На подоконниках и этажерках стояли алые амариллисы. Когда я вошла, Летисия отложила пальцы с вышиванием и указала на

аккуратный диванчик с цветочной обивкой.

— Ты умеешь вышивать?

— Никогда не пробовала, — призналась я, устраиваясь напротив и расправляя складки платья.

— Хочешь научиться?

— Нет!

Рукоделие — коварнейшее из проклятий. Только допустишь мысль о том, чтобы взять в руки иголку, как через неделю обнаруживаешь себя с пальцами в руках, вышивающей разноцветными нитками уродливый портрет будущего мужа!

— Хорошо успокаивает нервы, — заметила Летисия.

— У меня и так полный порядок с нервами, — уверила я, хотя со включенными волосами, не поддавшимися расческе, выглядела не лучше сумасшедшей. — Что вы хотели?

— Девичник, — призналась тетушка. — Мне одиноко в замке. Арветта уехала к мужу, Эбигейл... это просто Эбигейл. Составишь мне компанию?

— Куда же я денусь? — вырвалось у меня помимо воли. — Конечно, составлю, раз сегодня язык такой длинный.

— У кого? — не поняла тетка, не догадываясь, что сегодня из меня хлещет фонтан честности, которая иногда беспощадной, иногда нелепой, но всегда приносящей проблемы. Честным людям, как ни крути, очень тяжело жить. И я уже ощущала эту самую тяжесть.

— У меня, — обреченно вздохнула я. — Надеюсь, что у вас-то будет покороче.

— Выпьем цветочного чаю? — в некотором замешательстве спросила Летисия и указала на пузатый чайник. — Отличное средство для похудения.

— Мне бы позавтракать, — намекнула я, что уже испытываю на себе самое лучшее средство для стройности — голод.

— Могу предложить шпинатную вафлю. Можно съесть целую штуку, она совершенно не влияет на обхват талии.

По субботам у Летисии был разгрузочный день. Она заменяла три приема пищи (из трех) талой водой, привезенной в стеклянных бутылках прямиком с какого-то ледника. А еще ей «прямиком» доставляли разные косметические пасты с морскими водорослями и вулканический песок для чистки кожи на лице. Не с ледников, конечно, но тоже откуда-то издалека. Тетушка, как оказалось, вообще увлекалась заказами разных полезных, бесполезных и даже откровенно вредных вещей. В ее гостиной, помимо оранжереи из алых цветов амариллиса, было не меньше полсотни всевозможных торговых каталогов.

Она прихлебывала ту самую талую ледниковую воду и ревностно следила, как я жевала пресную вафлю зеленого цвета и запивала ее бледным несладким чаем. Лучшей приправой к «послеобеденному» завтраку оказался голод, придающий божественный вкус совершенно безвкусному угощению.

— Ты влюблена в Калеба Грэма, Энни? — ни с того ни с сего спросила тетушка, словно тоже страдала проклятием прямолинейности.

Меня позвали, чтобы поговорить... о мальчиках?

— Тетушка, я не видела его девять лет. Конечно, я не влюблена в Калеба Грэма.

Хорошо сказала! Очень честно!

— Но он тебе нравится? — уточнила она.

— Немного.

Эннари, что ты несешь?!

— Почему? — не унималась Летти.

— С ним нескучно.

Следовало признать, что сегодня я несла в мир гордую правду.

— И он хорош собой? — лукаво улыбнулась она.

Тетушка, заканчивайте с вопросами! Мне самой становится страшно от собственных признаний.

— Хорош, особенно с обнаженным торсом... — Я сунула в рот кусок вафли, чтобы наконец заткнуться и жевать. Когда человек жует, он не способен ничего говорить. Особенно разную ахинею.

— Милая, в твоём желании завоевать будущего мужа нет ничего неприличного. Мечтать о супружеском счастье не зазорно.

Летти ласково и жалостливо улыбнулась, честное слово, лучше бы она так улыбалась, когда я была обиженным ребенком и не умела защититься от ее дочери.

— Что-то, тетушка, я вас не очень понимаю, — осторожно заметила я.

— Уверена, в замке только Люсиль не догадывается, что ваш брак с Калемом Грэмом договорной. Но мы знаем, что сообразительность не главное достоинство дочери Мириам. Некоторым девушкам достаточно быть просто хорошенькими.

Она чуточку подалась вперед, пытаясь уменьшить между нами расстояние. Я от греха подальше отодвинулась, вжавшись лопатками в жесткую диванную спинку.

— Энни, такие вещи должны говорить дочерям матери, но Риэллы давно с ним нет, поэтому позволь сказать мне... В юности я тоже воображала, будто любовное зелье способно принести женское счастье.

Вот мы и подошли к сути, почему тетушка вдруг захотела накормить меня вафлями. Она решила, будто племянница, темная чародейка, надумала приворожить собственного жениха. Тоже хороший вариант. Мне нравилось, что в нем не фигурировали имена других кузин Истван.

— Влюбить мужчину можно и другими способами, после которых он проснется довольный жизнью, а не с желанием стать вдовцом.

Мы же не будем обсуждать *ту самую неприличную вещь*, о которой благородные дамы говорят исключительно полунамеками? Нет ведь?!

— Романтический ужин — беспроегрышный ход! — между тем заявила Летисия. — Деликатесы, приготовленные с любовью, свечи с мускусным ароматом, красивая женщина в смелом платье. Мужчины такое обожают. Знаешь, что подумает Калек?

— Что я решила его отравить и тут же отпраздновать поминки.

— Что он самый удачливый парень в Сартаре, раз ему досталась такая великолепная женщина. К тому же умеющая хорошо готовить, — отрезала тетка.

— Но я вообще-то не умею готовить, — призналась я, чтобы сразу, так сказать, прояснить вопросы кулинарии и прочего обольщения.

— Невелика наука! — с воодушевлением пообещала она. — Пару рецептов освоить совсем несложно. В замковой библиотеке целый стеллаж кулинарных гримуаров. Твоя бабушка их коллекционировала.

— Она знала кулинарную магию? — искренне удивилась. Бабу я помнила плохо. В сознании остался смутный образ властной худой женщины, отчего очень-очень похожей на Эбигейл и совершенно точно не знающей, чем тесак отличается от овощечистки.

— Нет, она только собирала книги.

— По-моему, проще попросить дедушкиного повара. Он точно приготовит вкусно и съедобно.

— Светлый боже, милая, тебя ещё учить и учить, — покачала головой тетушка, словно я действительно была совершенно безнадежна. — Энни, настоящие крепкие чувства достигаются только тяжелым трудом! Это работа! Когда завоевываешь будущего мужа нельзя лениться. Поработал сегодня, получил завтра. Сегодня вложился, завтра...

— Я уловила суть, — сухо остановила пламенную тираду, пока Летисия не вошла в ажиотаж.

— Всем давно известно, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Приправь еду романтикой, и он уже танцует под твою дудку.

Отчего мне представился Калек, выплясывающий под пронзительную флейту. В фантазии он был с

голым торсом.

— По-моему, с любовным зельем будет покороче и попроще.

— Я уже полчаса пытаюсь до тебя донести одну простую вещь, а ты все никак не можешь понять! Любовное зелье приведет тебя в прямо противоположное от сердца место!

Тетушка вытащила из кармана платья маленькие золотые часики, проверила время и торжественно объявила:

— Идем делать первый шаг к сердцу твоего мужчины!

— Откровенно сказать, тетушка, сегодня вообще неудачный день, чтобы шагать, — призналась я, с ужасом представив, что вновь начну выдавать порционную, но скандальную правду. — Лучший вариант, если я закроюсь в комнате в гордом одиночестве и по возможности не буду шевелиться.

— Но материал для первого урока уже привезли, — развела она руками. — И он обошелся твоему деду в кругленькую сумму.

Пришлось подчиниться. Мы пошли к сердцу Калеба Грэма и почему-то попали в замковую кухню. Оказалось, что учить меня готовить «парочку несложных блюд», призванных восхитить моего «сурового» жениха, она решила немедленно.

Морепродукты доставили какой-то особенной магической службой посыльных по заказу Летисии прямиком на кухню. Личный дедушкин повар уже изучал лежащие во льду деликатесы и хватался за сердце, словно оно было готово разорваться на тысячу маленьких кусочков. На всякий случай я принялась вспоминать воскрешающие заклятья, а когдаглянула в ящик, то воскрешающие заклятья чуть не понадобились мне самой.

— Что это? — указала на черную блестящую штуковину, явно выращенную в теплицах ада, но точно не в морских глубинах нашего славного Сартара.

— Морской огурец! — взвизгнул повар. — Наисвежайший!

— А выглядит так, как будто умер лет сто назад.

— Надо его непременно приготовить пресветлому! — причитал шеф. — Уверен, господину Иствану он придется по вкусу.

— Руки прочь от чужого ужина! — скомандовала тетушка Летисия, с такой властной интонацией, какой в ней никогда не заподозришь. — В возрасте пресветлого лучше думать о последних зубах, а не о других... частях тела. Перетри ему тыквенного супчика с имбирем, чтобы не пришлось жевать.

— Что вы, госпожа чародейка, все время хороните отца? — возмутился повар, по всей видимости, с теткой у них была давняя симпатия, которая проявлялась столь престранным образом. — Может, он ещё женится.

— Этого еще не хватало!

— Да что такого в этом морском огурце? Ну, кроме отвратного вида и цены, — не удержалась я. — Просто если мы говорим о гипотетическом ужине, я обязана знать, каким противоядием откачивать жениха, если он съест и прямо за столом попытается издохнуть.

— Милочка, от желания еще никто-никто не умирал, — хихикнул повар.

— Смотря от какого, — резонно заметила я. — От желания свернуть шею невесте иногда умирают невесты. Не то чтобы меня можно просто придушить, но хотелось бы точно знать, о каком именно желании идет речь.

— Морской огурец — лучшее средство для мужского здоровья и силы... — деликатно, но очень туманно пояснила тетушка.

— Силы духа? — уточнила я.

— Ну и духа тоже... Сугубо мужского...

Я с сомнением покосилась на подозрительное существо на льду, оно мне категорически не нравилось и желания, которые вызывало, тоже.

— Так это афродизиак, что ли?!

— Самый лучший, природный, очень полезный, — кивнула тетка.

И эта женщина осуждала меня за любовное зелье...

— Спрячьте этих морских чудовищ в кладовую, а потом скормите деду! У Калеба нет проблем с мужским здоровьем.

Парочка единодушно примолкла. На мне скрестились два выразительный взгляда.

— И нет, я не проверяла на практике! — уверила я. — Но, рассуждая логически, он ещё не успел достичь возраста пресветлого, а значит, есть надежда обойтись банальным стейком, так?

— Никому еще не помешало... — начал было повар.

— До свадьбы никаких огурцов! Ни морских, ни тепличных, ни грунтовых!

— Для грунтовых уже поздновато будет, — потер гладкий подбородок повар.

Через полтора часа интенсивного урока по кулинарной магии, двух порезанных пальцев и утопленного в кастрюле с соусом тонкого золотого колечка, подаренного Холтом, у меня возник закономерный вопрос. Если еда считалась самым простым путем к сердцу мужчины, то каков же тогда сложный? Представить было страшно. Лучше умереть одинокой черной ведьмой с приبلудной черной кошкой и непутевой приемницей, чем вот это все.

«Это все» между тем задорно булькало, густело, пропитывалось соусом и пахло вовсе не пионами. Ведь ещё по утру будущий урок обольщения спокойно плавал в глубинах южного моря и ведать не ведал, что его положат на алтарь обучения несмышленной невесты.

— Знаешь какой главный секрет в приготовлении еды? — помешивая в сковороде овощи, говорила Летисия.

— Заклятье темной магии «пряная штучка», — прямо ответила я.

— Готовить с большой любовью! — чарующе улыбнулась тетушка, словно получала истинное наслаждение от стояния в кухне над горячим очагом.

— Спорное утверждение. Раз нельзя использовать темную магию, тогда стоит просто следовать рецепту.

— Посмотри на Арветту, — посоветовала Летисия. — С ее мужем сработало. С третьего раза.

— То есть одного ужина недостаточно? — вздрогнула я. — Их еще и курсом надо проводить?!

Если я когда-нибудь действительно соберусь замуж, то выберу мужчину, который не будет испытывать ровным счетом никакого трепета перед едой. Мир большой, уверена, один такой найдется.

— Дегустируй. — Тетушка протянула мне вилку с насаженной креветкой.

Я послушно положила угощение в рот и принялась жевать.

— Что скажешь? — с интересом спросила она.

— Любовь явно не помогла, — призналась я, и повар, перетирающий тыквенный супчик, ехидно прыснул в кулак. — Но не вижу смысла расстраиваться. Мы будем так заняты пережевыванием ужина, что не придется вести светские беседы.

— Энни, во время романтического ужина девушка не должна жевать, — покачала головой тетушка. — Деликатесы для мужчины. Пока он расслабленно ест и не видит опасности, ты его очаровываешь!

— Зачем надрываться на кухне, если самой поесть нельзя?

— Мама, тетушка Мириам сказала, что ты готовишь, — раздался голос Эбигейл. Она стояла в проходе и буравила нас пристальным взглядом. При появлении светлой чародейки дедушкин повар как-то ловко ускользнул в холодильную кладовую, а повара, не без смеха следившие за кулинарным беспределом, разбрелись по углам или спрятались за кастрюлями.

— Ох, Эбби! Ты как раз вовремя! — обрадовалась Летисия. — Мы с Энни готовим романтический ужин.

На лице кузины на краткий миг отразился вопрос: «Какого демона?», но только бранными словами.

— Ужин? — переспросила она, глядя на меня. — Для кого?

— Тренируемся для моего жениха, — как на духу, ответила я и сама порадовалась, что сказала чистую правду, а все равно будто поиздевалась. — Как высшие курсы семейной жизни для молодой невесты.

— Вообще-то, предполагалось, что ужинать вы будете сегодня, — тихо заметила Летисия и на мой вопросительный взгляд ответила: — Сегодня полнолуние. Упускать такую возможность ни в коем случае нельзя. В полную луну мужчины особенно чувствительны и податливы женским чарам.

Главное, что в полнолуние чувствительный мужик ни в кого не превращался и не пытался сожрать невесту. Иначе романтика может случайно обернуться трагедией.

— Ну и кровати уже сварили, — медленно протянула я. — Не отдавать же пресветлому.

— Значит, романтический ужин, — в глазах Эбигейл вспыхнул нехороший огонек, губы дернулись, но улыбки все равно не вышло. — Дерзай, Энни! Уверена, у тебе все получится. В конце концов, никто не говорит, что договорной брак не может стать счастливым.

Почему мне показалось, что она сказала «терзай»? Терзать-то я уж точно умела.

Она развернулась на каблуках и с неестественно прямой спиной пошла к дверям.

— А что ты хотела-то? — остановила ее Летисия.

— Уже неважно, — отмахнулась Эбби.

Вчера она, по всей видимости, пыталась повторить успех старшей сестры, прислала в комнату Калеба вкусный ужин, но появилась я и разрушила план по соблазнению чужого жениха. Уверена, сегодня она ответит мне тем же. Обязательно появится на романтическом ужине и, возможно, притащит свиту.

Я готова помолиться святым демонам, чтобы Эбигейл меня не разочаровала. Люси собственными руками должна была опоить Калеба. Еще надо было спрятать в постели моего жениха вещь, принадлежащую кухне и отданную ею добровольно. За этот пункт я не беспокоилась, мелочь по сравнению с тем, как подлить зелье, вложить в руки Люсиль и подать ее будущему мужу.

Честное слово, эти светлые чародеи такие сложные. Вокруг них всегда приходится устраивать пляски с бубнами. Иногда в прямом смысле этих слов. А потом дед недоумевает, почему я не хочу светлого мужа. Да он приворожиться по-человечески, без реверансов и условий, не в состоянии!

— Теперь тебе пора превращаться в красавицу! — скомандовала Летисия.

— Да я и так на отражение в зеркале не жаловалась, — честно призналась я.

— Видимо, сегодня ты в него не заглядывала, — отрезала тетка. — Вчера мне прислали потрясающие омолаживающие пасты с морскими водорослями и вулканический песок для чистки лица. Мы просто обязаны все это испробовать!

Подозрительно, но на себе тетушка пробовать волшебные маски не захотела. Битый час терзала меня: терла, мазала, отдирала и снова терла то, отодрать не удалось. Но, оказалось, что результат стоил всех усилий. Когда застывшая корка, на ощупь похожая на влажный каучук, одним куском отвалилась от лица, брови оказались на месте, кожа сияла. Я выглядела такой свеженькой, словно не выплясывала всю ночь перед котелком с зельем и еще пару часов возле кухонного очага.

— Во время ужина следует быть остроумной, — наставляла меня Летисия по дороге в малую столовую, где слуги накрыли ужин. — Мужчины любят, когда с ними кокетничают, но не слишком. Умеешь вести светские беседы о погоде, о природе и философах прошлого столетия?

— Нет, — с трудом подавив зевок, ответила я, — но могу, если что, подправить погоду под разговор и прочесть пару заклятий прошлого столетия. Главное, не взбесится и никого не проклясть.

— Энни, ты чародейка или ведьма?

— Скорее ведьма, чем чародейка, — по-прежнему чистосердечно призналась я. — Но вы правы, тетушка, не стоит поступаться принципами ради мужчины. Когда я ем, я глух и нем и никого не проклинаю.

Комната, где по утрам Эбигейл собирала замковых подружек, была по-девичьи милой. С голубыми стенными тканями, белыми чехлами на стульях, рюшами на легких занавесках. В воздухе кружили серебристые круглые светлячки, и атмосфера казалась сказочной, а свет приглушенным, словно неземным. Стол был накрыт на две персоны. Между хрустальных бокалов горели толстые свечи, испускающие мускусный аромат.

Только я потянулась вилкой к закуске, как дверь стремительно отворилась. На пороге возник Калев.

— Слуги сказали, ты здесь...

Он замер, точно споткнувшись о невидимую преграду, и тихо спросил, следя взглядом за дрейфующим перед лицом светящимся кругляшом:

— Это что?

— Романтический ужин, — четко, по делу, абсолютно честно ответила я.

— Ты решила меня отравить и тут же справить поминки? — тихо спросил он, следя за дрейфующим перед лицом светящимся кругляшом.

— Было бы неплохо, но в этом нет никакой романтики.

— Тогда зачем?

— Летисия считает, что тебя можно соблазнить, если хорошо накормить, — немедленно ответила я.

— Соблазнение предполагалось на столе? — Он помахал рукой, намекая на украшенную огнями столовую.

— Вообще-то, за столом, но точное место я забыла уточнить.

— Хорошо, потому что я с сюрпризом. Даже с двумя.

— С сюрпризом, как с прибабахом? — съехидничала я.

Оба сюрприза появились через какое-то время. Возможно, разглядывали по дороге в столовую живописные трещины на стенной кладке или восхищались рыцарскими доспехами в углу. Девять лет назад в них вдруг пробудился призрак рыцаря и попытался напасть на Вайрона. Вот радости-то было! У меня, конечно. Кузен целых три дня просидел в комнате, боясь выйти. До сих пор вспоминаю тот случай с улыбкой. Впрочем, сейчас эти доспехи были совершенно безопасны — привидение превратили в библиотечную нежить.

Первый сюрприз в виде высокого, крепкого мужчины с замечательной выправкой боевого мага и не менее замечательной, даже выдающейся, квадратной челюстью, шагнул через порог и застыл, догадываясь, что время для визита было выбрано, мягко говоря, не очень удачное. Второй сюрприз действительно оказался с прибабахом и почему-то пятился спиной, словно приснопамятные доспехи шли за ним с бутафорским мечом наизготовку. Он наткнулся на замершего сотоварища и со сбивчивыми извинениями резко обернулся. Им оказался секретарь Боуз.

Некоторое время с зачарованным видом мужчины смотрели на летающие в воздухе огоньки. Абсолютно все и даже вареный омар понимали, что романтическая обстановка лишняя.

— Здравствуйте, — прогудел обладатель выдающейся челюсти не менее выдающимся голосом. Как подозреваю, к нам пожаловал новый мэр, появления которого страшилась вся мэрия.

В следующую секунду я погасила абсолютно все светящиеся шары и щелкнула пальцами, чтобы зажечь люстру на потолке. Но ничего не произошло. Комната по-прежнему оставалась погруженной в сизую, не успевшую приобрести глубину темноту, и только мускусные свечи продолжали дрожать от легкого сквозняка посреди стола.

— В люстре нет магических огней, — прокомментировал Калев.

И мы все задрали головы, чтобы посмотреть на бесполезный предмет интерьера.

— Надеюсь, никто не боится темноты, — задумчиво протянула я.

— Я боюсь, — опроверг Боуз.

— К слову, не ожидала увидеть вас в замке, — заметила я и обратилась ко второму визитеру, утопающему в густых тенях: — А вы, должно быть, новый мэр.

— Мэр Хардинг, позвольте вам представить Эннари Истван, — проговорил Калев. — Чародейку, с которой вы непременно желали увидеться.

— Так что вы хотели в этот замечательный вечер? — спросила я.

— Поблагодарить, — подсказал Хардинг. — Спасибо, что помогли мэрии избавиться от крайне деликатной проблемы.

— Деликатной проблемой вы назвали своего предшественника? — хмыкнула я. — Что ж, это стоило вам тридцать монет, и мы уже в расчете. Что-то еще?

— Я предложил мэру Хардингу остаться на ужин в замке, — подсказал мой жених. — А тут уже накрыт стол...

— И впрямь, — улыбнулась я. — В таком случае, добро пожаловать, господа.

Честно говоря, думала, что у гостей проснется если не инстинкт самосохранения, то по крайней мере совесть, но то ли Хардинг проголодался, то ли его обуяло любопытство, чем потчуют народ при свечах в замках светлых чародеев. Он охотно уселся за стол и разложил на коленях салфетку.

Разнесчастный Боуз топтался у него за плечом, как безмолвный, измученный жизнью и селегерским квасом лакей, и с тоской поглядывал на угощения.

— Господин помощник, вам отдельное приглашение надо? — спросила я.

— Никогда ещё не трапезничал в гостях у пресветлого! — сделав вид, будто не заметил многозначительного, тяжелого взгляда нового начальства, он устроился на стул рядом со мной.

Возникла долгая пауза. Ужин при свечах был рассчитан на две персоны, другим предстояло есть из общих тарелок и руками. Этими двумя обделенными оказались мы с Боузом, уже не чаявшим испробовать морских деликатесов.

— Надо бы достать посуду... — произнесла я в тишине.

В посудной горке за стеклянными дверцами стоял голубой фарфор. Сомневаюсь, что тарелки из него хотя бы разок служили по прямому назначению, но, похоже, для сервиза пришел долгожданный день.

— Заодно фарфор обновим, — вздохнула я, понимая, что роль подавальщицы этим вечером отведена единственной девице.

Тарелки были расставлены, начищенные серебряные приборы легли на салфетки. Выглядело неплохо, пусть и разноперо.

— Мне говорили о знаменитом Истванском гостеприимстве, — проговорил мэр, явно лстя Иствану и его гостеприимству. — Вы всегда так щедро встречаете гостей?

Ответ вырвался помимо моей воли и здравого смысла:

— Вам не повезло нарваться на романтический ужин.

Калеб, разливающий по бокалам вино, на мгновение замер и пронзил меня острым взглядом.

— Почему не повезло? — естественно не смог промолчать Боуз.

— Готовить заставили меня.

Мэр, едва-едва собравшийся снять пробу с основного блюда, аккуратно отложил вилку и вытер чистые губы салфеткой. Видимо, он был наслышан о том, что вменяемый человек поостережется есть еду, приготовленную темной ведьмой.

— А это плохо? — приставала его помощник, нарываясь на проклятие немоты. — Унижает ваше достоинство?

— Я не умею готовить, — вынужденно призналась, стараясь не замечать, как недоумение в глазах Калеба, поблескивающих в неровном свете мускусных свечей, меняется натуральным восхищением.

— Госпожа чародейка, вы сегодня на редкость открыты миру, — конечно же, прокомментировал он. — В еду что-то добавлено?

— Морской огурец, — призналась я. — Мне пришлось смотреть на него вживую. Незабываемое зрелище и эффект у него тоже интересный.

— А какой? — громким шепотом все-таки спросил Боуз.

— Укрепляет мужской дух. Как понимаете, мне неактуально.

Секретарь мигом положил морского коктейля, приправленного острым соусом, и принялся энергично жевать. Мэр Хардинг ради осторожности все-таки подождал, внимательно следя за секретарем, а потом снял пробу. Выдающаяся челюсть ходила в попытках прожевать жесткие

креветки. Как я и предсказывала, все напряженно ели, и беседа совершенно не клеилась.

Неожиданно дверь распахнулась, и в столовую ввалилась Люси с кувшином какого-то напитка в руках. Казалось, кто-то нарочно толкнул ее в спину для придания ускорения и экономии времени.

— Ой! — охнула она.

Мужчины за столом обернулись к неожиданной гостье и, как по команде, поднялись, выказывая совершенно потрясающие манеры. Разве что Боуз замешкался, словно споткнулся о мысль, нужно ли ему быть вежливым, но все-таки отодвинул стул, встал и, копируя начальство, заложил руки за спину. Его щека была оттопыренной каким-то куском.

Люси разглядывала мужчин широко раскрытыми, как будто удивленными глазами.

— Эбигейл сказала принести воду, потому что у вас тут романтический ужин на двоих, а оказалось, на троих, — проговорила она нежным голоском.

— На четверых, — с иронией поправил Калеб.

— Ох, я Энни забыла посчитать, — хихикнула она.

Спасибо, Эбигейл, за предсказуемость! Без помощи ревнивой кузины осуществить задуманное было бы сложнее. Наверное, стоило послать в подарок бутылочку с успокоительным благовоением. Ее точно ждали очень нервные времена.

— Люси, пятой будешь? — предложила я, готовая импровизировать, лишь бы не выпускать кухню на волю... в коридор.

Она моргнула, сжала покрепче кувшин и с сомнением протянула:

— А нужно?

— Очень, — искренне призналась я, соревнуясь с самой Люси в незамутненной честности.

Во время знакомства внимание мужчин полностью сосредоточилось на хорошенькой девушке. Украдкой я вытащила из платья флакончик с зельем, легким магическим током заставила выскочить пробку. Добавить пару драгоценных капель в тот момент, когда на меня никто не смотрел, а вокруг разливалась темнота, оказалось плевым делом. Даже руки не задрожали, и ладони остались сухими.

— Мне тоже очень приятно познакомиться, мэр Хардинг, — щебетала Люси, усаживаясь за стол и расправляя на коленях салфетку. — Искренне желаю, чтобы вас не постигла участь предшественника.

— Простите? — конечно, не очень восхитился мэр пожеланиями.

— Пожалуйста, не превращайтесь после кончины в призрак, — серьезно посоветовала она, — и ни в коем случае не селитесь в нашем замке, как бывший мэр.

— Я уж как-нибудь постараюсь, — пообещал Хардинг.

У Калеба сделалось очень странное лицо. Он постучал себе по груди, кажется пытаясь избавиться от лишнего воздуха, которым поперхнулся.

— Вы слышали, что о вашем кабинете ходят дурные слухи? — никак не могла примолкнуть кузина. — Не верьте. Он вовсе не проклят. Энни наверняка бы заметила. Да, Энни?

Все повернулись ко мне. Я сжимала в кулаке пустой флакончик от привороты и недоуменно оглядела мужчин.

— Я не проверила на проклятия, потому что за это не платили.

Возникла странная пауза. Готова поспорить, что чародейка-крестная благословила Люсиль Истван на долгую и счастливую жизнь. Как иначе объяснить это великолепное, просто сногшибательное простодушие? Умные и сложные счастливыми никогда не бывают. Эбигейл тому подтверждение.

— Вина? — тихо спросил Калеб, видимо, понимая, что только алкоголь способен привести мэра в чувство после общения с двумя кузинами-чародейками. Однако в чувство прийти не удалось, скорее наоборот ускоренно отъехать в сторону мира иного и его предместий. При первом же глотке у гостя сделались большие и несчастные глаза, а лицо пошло яркими пятнами, заметными даже в потемках. Я грешным делом подумала, будто тетушка добавила в вино какой-нибудь природный афродизиак.

— Боуз, воды! — просипел мэр и добавил: — Будьте добры, немедленно.

Помощник, как услужливая женушка, подскочил с места и, готовый от души напоить новое начальство приворотом, схватился за кувшин. Зелье варилось для светлого чародея, кто знает, как причудливо подействует на обычного человека? Живенько представила, какая может случиться трагедия в жизни мужиков, напои один другого, и по спине пробежал холодок.

— Не смей! — рявкнула я, словно пыталась упокоить умертвие.

От вопля над головой забренчала хрустальная люстра, и едва не потухли свечи. Мэр, похоже, вообще передумал пить, чтобы ему ни предложили, и от греха подальше спрятал руки под крышку стола. Его помощник, испуганно отставив кувшин, присел на краешек стула.

— Помогите мне пресветлый Парнас и господа боже, аминь, — скороговоркой пробормотал он себе под нос. Вообще-то, очень тихо, но мы молчали, поэтому получилось громко.

— Я к тому что... пусть Люси нальет, — вполне себе миролюбиво махнула я рукой. — В нашем замке за столом женщины ухаживают за мужчинами. Традиция, знаете ли.

— Кто сказал? — прошептала кузина.

— Тетушка Летисия.

— А ты не можешь? — подал голос Калев, со стороны следивший за цирком и старательно молчавший.

— Не могу.

— Почему же? — откинулся он на стуле.

— Боюсь, что в меня все влюбятся.

Видимо, мысль ему не пришлась по вкусу. Он шумно хлебнул вина из бокала и замер, надув щеки. Проглотить питье оказалось непросто. Дернулся на шее кадык.

— Какое вино... уксусное, — кашлянул Калев в кулак.

Люсиль схватилась за кувшин, наполнила бокал:

— Запей ледниковой водичкой из-под крана!

— Благодарю, — просипел тот, не отказываясь залиться водой из-под крана, и проглотил любовный дурман буквально за четыре глотка. Я посчитала, потому что завороченно следила, как у него на шее ходил кадык.

— Господин мэр, держите и вы водички, — суетилась Люсиль, как настоящая сестра милосердия, и перегнувшись через стол налила ему любовное зелье.

Темное заклятье, окутавшее запястье мужчины, в густых тенях осталось незаметным для чародеев и было совершенно неощутимым для обычного человека. Хардинг даже донес стакан до вытянутых трубочкой губ, но вода полилась мимо рта по подбородку, на манишку и дальше по рубашке, прилипая к исподнему. Нахлебаться приворотам ему не удалось, разве что растереть по лицу. И по одежде.

Возникла долгая пауза. Мэр обтекал. Мы молчали, как на похоронах любимого дядюшки.

— И носовой платок тоже возьмите, — предложила Люси, вытаскивая из кармана нежно-розовый кружевной клочок. — Он заговорен. Вытрете рубашку и все мигом высохнет.

Кажется, Хардингу было уже все равно, что с ним сделают ужасные, добрые чародейки. Он последовал совету и повозил платочком по рубашке. От конфликта светлой и темной магии в разные стороны прыснули искры, и на ткани появилось большое выжженное пятно. Честное слово, хорошо, что он начал с верха, а не со штанов...

Мэр аккуратно, словно боясь остаться без пальцев, отложил ядреный лоскут и вытер руки о банальную, но надежную салфетку.

— Кажется, что-то пошло не так, — прошептала Люси.

— Абсолютно все пошло не так, — покачала я головой.

Дружба Истванов с новым мэром явно не заладилась, но Калев не терял оптимизма. Видимо, он

решил, что после романтического ужина с кузинами-чародейками гостям стоило расслабиться. Вернее, одному из гостей. Боуз просто и незамысловато объелся.

— Господин Хардинг, выпьем кофе у меня в кабинете?

Калеб поднялся, оттолкнувшись ладонями от стола, и указал на закрытые двери столовой, под которыми наверняка подслушивали любопытные слуги.

— Пожалуй, — согласился тот и поспешно застегнул пиджак, пряча прореху. — Девушки, спасибо за вечер. Он был незабываемый.

Уверена, он решил ненавидеть чародеев (возможно, не только Истванов, а всех подряд) и теперь начнет с ними подпольную войну. По воскресеньям будет ставить свечи за упокой наших душ, а заодно и бывшего мэра Догера, посмеявшегося уступить ему жесткое мэрское кресло в провинции возле светлого замка.

— Выпейте лучше кофе с коньяком, — посоветовала я и добавила: — Можно без кофе.

Платок Люсиль, подоткнутый под тарелку, остался лежать на столе. Вообще, я хотела попросить у нее какую-нибудь мелочь: заколку или простую булавку для волос, чтобы сейчас же спрятать в кровати Калеба, но заговоренная тряпица тоже сойдет.

— Кстати, госпожа чародейка, — прежде чем уйти тихо и по-свойски зашептал Боуз, — когда вы вернете мои домашние туфли?

— Никогда.

Проклятая честность!

— Понравились?

— Еще вчера выбросила.

— Как можно выбрасывать чужую обувь? — возмутился он.

— Запросто. Я же не знала, что вы появитесь в замке и потребуете их обратно.

— Боуз, где вы застряли?! — раздался из коридора злобный мэрский рык. Похоже, несчастного помощника назначили виновным за застольные неприятности. Зря он не испачкался в потемках, не испортил одежду и наелся от пуза, ни разу не подавившись креветочным хвостиком.

Секретарь сломя голову бросился догонять суровое начальство. Люси тоже засобиралась:

— Побежала, а то Эбби ждет. Я должна рассказать, что вы... они... мы тут делали.

— Обязательно расскажи. Во всех подробностях, — хмыкнула я.

В жизни бы не подумала, что такой отвратительный день, когда не получалось решительно ничего, и даже врать, закончится таким оглушительным успехом. Похоже, святые демоны увидели, как сильно я страдаю, и послали чуточку удачи.

Кувшин пришлось прихватить с собой, вылить остатки зачарованной воды в напольный цветок, а посудину пристроить на подоконник. В гостевой башне царили тишина и покой. Практически беззвучно вскрыв замок, я вошла в темные покои Калеба и поспешным взмахом погасила проснувшиеся магические светляки. Платок Люси спрятала в подушку, закопав поглубже в перья. Пришлось повозиться с застежками и проверить, не остался ли на покрывали пух, и только потом двинуться к выходу...

Едва я потянулась к ручке, как она сама собой повернулась. В дверном проеме возник Калеб. Мы столкнулись практически нос к носу, и замерли в обоюдном молчании на пару долгих секунд. Расстояние между нами, прямо сказать, желало стать шире, но ни я, ни жених не двигались.

Калеб заговорил тихим голосом, объясняя, почему я бездарно попалась:

— Хардинг решил, что сыт по горло нашим знаменитым гостеприимством и отказался от кофе...

Пока он не перешел к вопросам, на которые мне не удастся избежать честных ответов, я поднялась на цыпочки и прижалась губами к его мягким губам.

ГЛАВА 5. С любовью, Энни

Мы прижимались губами, не закрывая глаз и не шевелясь. Еще мне было страшно дышать. Чувствуя, как лицо заливают румянец, я осторожно отстранилась, опустила на пятки и громко сглотнула.

— Ты передумала насчет свадьбы? — спросил Кaleb. Удивленным он не выглядел, понимал, что его пытаются нахально отвлечь. Впрочем, ему хватило такта не иронизировать.

— Нет, — тихо ответила я. — Никакого брачного союза.

— Тогда что это было?

— Первый поцелуй.

— Наш? — вежливо уточнил он.

— Мой.

Как ни странно, именно это признание возымело эффект. Кaleb ошарашенно замер и пока делал в голове какие-то сложные расчеты, я попыталась сбежать. Хотела обогнуть его по дуге, но он схватил меня за локоть и заставил повернуться.

— Первый? — переспросил он, словно был не уверен, что правильно расслышал, и теперь хотел разок убедиться.

— Да.

— Самый?

Святые демоны, он еще и обсудить решил?!

— А бывают варианты? Половинка там, четвертушка...

Пальцы сжали мой подбородок. Прикосновение было мягкое, но настойчивое. В растерянности я подняла голову, и губы Калеба накрыли мои. Этот поцелуй не напоминал невинное, неумелое лобзание, каким я пыталась его заткнуть. Свободная рука жениха легла на мою поясницу, даже через ткань платья чувствовалось, какая у него горячая ладонь. Вкрадчивым движением языка скользнув по моим губам, он заставил приоткрыть их. Страшно смутившись, я зажмурилась и прерывисто вздохнула, но почему-то прозвучало, как будто сладострастно застонала.

Поцелуй прервался. Кажется, мы оба дышали через раз. С трудом подавив желание уцепиться за шею Калеба и продолжить, я открыла глаза. Хмурый и серьезный, он отпустил мой подбородок и произнес:

— Ты за этим ко мне пришла?

— Нет.

Пауза, долгая и настороженная. Казалось, сейчас прозвучит правильный вопрос, какого демона я забралась в его комнату, но Кaleb произнес:

— В таком случае, ты можешь меня проклясть — я позволю, но извиняться за то, что поцеловал, не буду.

— Вон, — хриловатым шепотом приказала я, хотя, в общем-то, начала первая.

— Я в своей комнате, — напомнил он.

— В таком случае, вон пойду я.

Спрятавшись в гостиной, все еще пахнущей любовным зельем, я поспешно закрыла дверь на ключ. Слуги в мои покои соваться боялись, поэтому вчерашний разгром сохранился в нетронutom, первозданном виде. До самой ночи я успокаивала нервы уборкой: оттирала в мраморной раковине котелок, чистила камин (заставив весь пепел собраться шаром и самостоятельно вылететь за три мили от замка через каминную трубу) и перетерла флаконы в одном из сундуков с магическим приданым.

Ночью меня разбудило странное ощущение чужого присутствия. Я резко открыла глаза, готовая в любое мгновение огреть нежданного гостя, будь он живым или мертвым, проклятьем. В дверях спальни стоял Кaleb. Серебристый свет полной луны, сочившиеся сквозь незасторенные окна, делал его похожим на призрак. Рубашка была расстегнута, красивый торс едва-едва прикрыт. Ноги

босы. Рыжевато-русые волосы в беспорядке спускались к плечам, падали на лицо.

— Как ты здесь очутился? — резко спросила я скрипучим ото сна голосом.

Он не произнес ни слова, бесшумной поступью приблизился к кровати. В голове вдруг мелькнула мысль, что он шел ко мне с грацией хищника, хотя я понятия не имела, что именно это могло значить. Просто в памяти всплыла строчка из полузабытого любого романа.

Матрас прогнулся, когда Кaleb лег на кровать. Он не сводил с меня взгляда, был серьезный и очень сосредоточенный. Льдистые светлые глаза этой седой лунной ночью казались совсем черными. Затаив дыхание, я следила, как он подался вперед, и опустилась на лопатки, когда он навис надо мной. Это была не иначе как любовная магия, парализующая, заставляющая теряться в пространстве.

— Что я делаю? — пролетала на вздохе.

Ночной гость приблизил губы к моему уху. Горячее дыхание щекотало шею, вызвало мурашки.

— Ты спишь, Эннари, — прошептал он.

И так убедительно прошептал, что я проснулась и почти недоуменно огляделась вокруг. В окно светило солнце, одеяло и половина подушек валялись на полу, простыни были смяты. Взмокшая ночная рубашка прилипла к телу. И не верилось, что неприличное сновидение действительно было просто сновидением.

— Хотела неприличных снов? Бойся своих желаний! — пробормотала я, растирая лицо ладонями.

Неожиданно тишину разрезал такой грохот, что на трюмо зазвенели флакончики с благовониями. Казалось, что утреннее громохание из учебной башни доставили прямо в мои покои, коль окна окутали непроницаемым заклятьем тишины.

— Ты что же, образина страшная, делаешь? — донеслось из-за закрытой двери спальни недовольное ворчание незнакомым мужским голосом.

И впрямь, что они делают, эти незнакомые образины, в моих покаях?

Одевалась я так быстро, что дала бы фору боевому магу, проспавшему построение. Одним скольльзящим движением вписалась в висящее в воздухе платье со специально растопыренными рукавами. Пока на спине сам собой стягивался и застегивался бесконечный ряд жемчужных пуговиц, замотала на затылке волосы и воткнула в пучок костяную палочку-булавку. Сунула ноги в домашние туфли и вышла из спальни во всеоружии, то есть готовая или орать, или проклинать, смотря по обстоятельствам.

Обстоятельства оказались не очень понятными. Двое ядрено пахнущих плотника, один рыжий и бородатый, а второй высокий и костлявый, воскрешали дверь. Не то чтобы они делали ей искусственное дыхание под бодрые ругательства, но было очень похоже.

Дверь плашмя валялась на паркетном полу, зияла большая дыра в коридор, из косяка торчали раскучуроченные петли, на полу стояла деревянная люлька с инструментами. Упираясь ладонями в колени, мужики склонились над умирающим «пациентом».

— Кто тебе руки-то при рождении выдавал, скотина неумелая? — ругал один второго.

— Мастер, да она как-то сама...

Я кашлянула, привлекая внимание. Плотники отвлеклись от разглядывания трещины поперек дверного полотна.

— Госпожа чародейка, так вы ещё спите? — прогудел рыжебородый плотник, который, видимо, был за главного. — Мы хотели обождать до обеда, но нам сказали, что вы на рассвете уехали из замка.

— И вы, значит, взялись ломать дверь? — уточнила я.

— Зачем же ломать? — обиженно протянул рыжий мастер. — Чинить.

— Но пока получилось только сломать, — прокомментировала я.

— Как говорит учитель, чтобы что-то построить, нужно что-то разрушить! — сумничал подмастерье.

Думаю, от таких рассуждений архитектор Иствана, по словам деда, лично закупавший драгоценную древесину для стенных панелей и всех дверей в замке, три раза перевернулся в гробу.

— Что за талантливый педагог так сказал? — любезно поинтересовалась я и проследила взглядом за указательным пальцем на рыжего.

— Госпожа чародейка, мы хотели тихонечко сделать и быстренько уйти, но теперь быстренько не выйдет, — развел мастер руками. — И тихонечко тоже.

— То есть до этого, выходит, вы ее бесшумно выламывали? — проворчала я. — Кто вас вообще прислал в такую рань?

— Смотритель замка! — радостно сообщил подмастерье.

— Это был риторический вопрос.

— Какой?

— Ой, неважно! — фыркнула я и потопала в ванную комнату приводить себя в порядок. Коль поспать все равно не дадут, стоило сходить на завтрак к Эбигейл и узнать, что нового происходит в Истване.

Когда я уходила из покоев в гостевой башне появился и смотритель Эсмаил. Он уже хватался за сердце, выслушивая предложение плотником законопатить трещину на двери каучуком или вообще проделать смотровое окошко со ставенкой.

Я предложила им незамысловато привесить дверь вместе с художественной трещиной на петли и оставить в покое. Глядишь, не расколется на две части. По взглядам стало ясно, что мнение безграмотных в вопросах ремонта девиц в учет не принимается.

Ну как всегда, в общем...

— Дядюшка Эсмаил, — спохватилась я, что не проверила, заткнулся ли... иссяк ли фонтан честности. — Можете мне задать какой-нибудь вопрос?

— А? — как будто чуточку испугался смотритель.

— Спросите что-нибудь, о чем я непременно бы солгала.

— Ты правда хочешь устроить в замке мастерскую? — не задумываясь спросил он, о чем, похоже, действительно волновался.

— Уже не хочу, — уверила в ответ.

— И шабаш не приведешь?

— Даже мысли не держала. Я же темная чародейка, а не черная ведьма, — проворчала я и добавила недовольно: — Спасибо, но вы мне ровным счетом ничем не помогли!

— Почему же?

— Вы задаете такие вопросы, на которые врать не имеет никакого смысла! — насупившись, я начала спускаться из гостевой башни.

Завтрак Эбигейл устроила на веранде, побрезговав оскверненной романтическим ужином голубой гостиной. Я обнаружила, что комната пуста, когда в нее заглянула и нашла только одинокий стол, накрытый скатертью. Стулья, затянутые в белые чехлы, как выяснилось, перетаскивали на веранду.

— Энни, ты здесь! — Эбигейл силилась изобразилась улыбку.

— Доброе утро, — вежливо поприветствовала я гостей утренника.

Были здесь Люсиль с дочерью дядюшки Эсмаила, девять лет назад преподававшей магический курс в известном женском лицее. Видимо, она вернулась в замок, чтобы помочь кузине со школой. Лица остальных девушек показались смутно знакомыми по единственному семейному ужину, который мне с честью удалось пережить.

Когда я присела на стул, любезно отодвинутый лакеем, одна из девушек спросила:

— А ты ничего не принесла?

Она обвела стол рукой. На белой скатерти стояли всевозможные сладости, на трехэтажной пирожнице лежали белые сердечки зефирок, крошечные сэндвичи и поджаренные хрустящие хлебцы. Глянцево поблескивали розетки с фруктовыми джемами и таяли на солнце, неожиданно горячем даже для первых дней сентября, шоколадные шарики с орешками.

— Не принесла, — согласилась я и позволила себе налить черный, как деготь, кофе, потом не стесняясь добавила сливки с щедрой ложкой меда.

— У нас не принято приходить на завтраки к Эбби с пустыми руками, — фыркнула она.

— Не шумите, девушки, — мягким голосом произнесла хозяйка утренника, явно наслаждаясь неловкостью ситуации, — Энни же не знала.

— Конечно, ты же мне ничего не сказала, — фыркнула я, намазывая тост джемом. — Вообще, я рада, что жители замка не страдают предрассудками. Почему-то люди думают, что из рук темных ничего нельзя брать. Проклятия, привороты и все такое... Ну вы знаете. Суеверия такие суеверия.

Тут стоило жеманно закатить глаза, но я принялась хрустеть жареным хлебцем. Остальные почему-то ничего не ели, только смотрели на вкусности и прихлебывали чаек. Возможно, по воскресеньям у них был разгрузочный день, вся женская половина замка хлебала настойку для похудения и насыщалась тем, что нюхала запахи еды.

— Энни, рассуди наш спор, — проговорила Эбигейл таким дружелюбным тоном, что сразу стало ясно — сейчас скажет гадость. — Какой день гадаем: тебе создавали косметическую маску в Деймране или обращалась к местному магу?

Эбби, честное слово, ты так неощутимо кусаешь, что мне даже неловко становится.

— Просто у тебя лицо выглядит чудесно! — страшно оживилась Люсиль. — Очень красиво! И маску ведь совершенно незаметно. Наверное, мастер преотличный?

— Мастер действительно очень известный, — хмыкнула я, вдруг понимая, что умение соврать в нужный момент снова со мной.

— Подскажешь имя? — с невинным видом попросила Эбигейл и прихлебнула из чашечки крутой черный кофе.

— О, его имя на слуху, — уверила я и произнесла по слогам на тот случай, если кто-нибудь не расслышит: — При-ро-да.

За столом возникла пауза достойная вчерашнего романтического ужина на пятерых. В воздухе явно ощущалось, что свита ждала реакции королевны. Та дергала глазом. Я сама видела!

— Энни, какой же он известный? Это имя или фамилия? Я его даже припомнить не могу! — напроць разрушила драматическую паузу Люсиль. — Эбби, а ты когда-нибудь слышала? Природа... Я как будто слышала, но точно его не знаю!

— Люси, уймись! — рявкнула Эбигейл, шарахнув чашечкой по блюдечку. Старинный фарфор, непривычный к подобной жестокости, жалобно звякнул и выплюнул черный кофе через край. По изогнутой стенке потекла темная дорожка.

— Ой! Природа... В смысле, обычная природа. — Люси унять не пожелала, а хотела объяснений и помахала рукой в сторону увядшего к сентябрю розового сада. — Мама, выходит, ошиблась, и ты не носишь магическую маску?

— Нет.

— Вообще-вообще?

— Никогда не пробовала, — уверила я и вспомнила друга семьи Реграм, от магии которого женщины всех возрастов сходили с ума (иногда в прямом смысле этого слова). — Если тебе очень нужна магическая маска, то я знаю хорошего мастера. Говорят, он виртуоз.

— А он очень темный маг? — уточнила кузина.

— Какая степень темноты тебя устроит?

— Ну я не знаю... Просто у темных чародеев нельзя ничего покупать! — категорично заявила Люсиль. — Мама говорит, что они мошенники, хамы и жлобы. От них ничего хорошего ждать нельзя, все равно обязательно обманут...

— Тетушка Мириам, видимо, об этом много знает.

— Я не про тебя, Энни, — быстро оговорила кузина. — Ты, конечно, не такая.

— Безусловно, — на скрывая иронии, отозвалась я.

Странный разговор, в котором меня пытались выставить — ну — черной ведьмой, действительно частенько внутри просыпавшейся, прервало появление запыхавшейся служанки, встречавшей меня в день приезда.

— Госпожа Эбигейл, там пришел человек!

На пороге она запуталась в длинном платье и ворвалась на веранду головой вперед. Чепец слетел с ее головы, открывая рыжеватые мелкие кудряшки. Девица попыталась его натянуть, но вырез оказался на затылке, и лицо полностью скрылось за тканью, как за непроницаемой маской.

С возрастающим интересом, мысленно гадая, чем закончится бой — победой чепца или же человека — я следила, как она в панике принялась крутить норовистую штуку. Наконец волосы оказались покрыты, лицо наоборот открыто и окружено мелким рядом крахмальных жестких рюшек, восторженно встопорченных на голове. Я с интересом следила за этим совершенно потрясающим зрелищем, а девушки вокруг явно волновались.

— Да что ты тянешь-то? — не выдержала Эбби.

— Ребенка в учение привели! — выдохнула она с покрасневшими щеками.

— Наконец-то! — охнула дочь замкового смотрителя, взволнованно поднимаясь из-за стола. — Думала, никогда не дождемся! Госпожа директор, пойдемте посмотрим на нашу долгожданную девочку! Надеюсь, она не обделена магическим талантом!

Ну... то есть набор в будущую школу идет не так бойко, как мне пытались представить.

— На долгожданного мальчика, — поправила горничная.

Чародейки замерли, пытаясь принять неожиданную и несколько неловкую новость о роковом несовпадении.

— Не расстраивайся, Эбби! — как всегда Люси источала оптимизм. — Если у него длинные волосы, то привяжем бантики.

Я попыталась замаскировать ехидным смехом покашливанием в кулак. Судя по острому взгляду Эбигейл, которым она пыталась пришить меня к стулу, как бабочку в гербарии, вышло паршиво.

— В любом случае, с человеком надо поговорить, — проговорила она, поднимаясь из-за стола и поправляя белый кружевной воротничок. — Так ведь?

— Энни, а ты не идешь? — позвала Люсиль уже из дверей.

Честно сказать, я была не настолько любопытна, так что только помахала рукой. Однако не успела насладиться пятью минутами в чудесном единении с пирожными и воздушными зефирками, как горничная вернулась.

— Госпожа чародейка, вас зовут!

Я не донесла до рта насаженный на кончик вилки бисквит и уточнила:

— Очень надо?

— Человек-то к вам пришел.

— Опять?! Святые демоны, когда они уже закончатся...

В холле царила испуганная тишина. Подружки-чародейки стояли в сторонке и тихо, но очень ехидно что-то обсуждали. Если бы взгляды Эбигейл, побледневшей от ледяного гнева, умели превращать людей в умертвия, то замок наполнился бы отрядом зомби-дев в разноцветных платьях с цветочными рисунками.

— К тебе, — проговорила Эбби, с трудом сдерживая злость. Похоже, роль главы армии живых покойниц была отведена мне.

А перед дверьми стоял владелец посудной лавки с мальчиком лет восьми на вид. Может, старше или младше, я плохо разбиралась в возрасте детей.

— Госпожа чародейка! — вскрикнул лавочник.

Как там его вчера называли? Март? Марс?

— Тебя как зовут? — резко спросила я, чтобы не терзать память.

— Мирн, — поспешно подсказал он. — Я пришел к тебе, а они про какую-то школу талдычат. Слов не хватает объяснить, что я про школу вообще ничего не знаю.

Краем глаза я увидела, как Эбби, взметнув длинную юбку, развернулась на пятках. В гулком холле раздался стук каблучков, зашуршали платья ее подружек.

— Не расстраивайся, кузина, — тихо уговаривала Люсиль. — Когда-нибудь и к тебе обязательно приведут учеников. Все равно школа для девочек, а в учебной башне ещё идет ремонт...

Расстояние заглушило и увещевания, и шепотки чародеек.

— И зачем ты здесь, товарищ проклятый? — спросила я, скрестив руки на груди и высокомерно задрав подбородок, чтобы он не думал, будто его встретили с радостью и распростертыми объятиями.

— Понимаешь, госпожа чародейка, я же позавчера-то заговорил!

— Слышу.

— А потом вдруг расчихался от селегерского кваса с хреном да как запел! Никогда не пел, а сейчас любого солиста перепою... перепою! Все, как ты обещала, — вдохновенно делился он успехами. — Показать?

— Воздержись, — категорично выставила я ладонь.

— Вечером иду на прослушивание в церковный хор. Вчера весь день слова учил.

— С тобой, гений торговли и песнопений, все ясно, а мальчика-то чего припер? — кивнула я на ребенка, смотрящего на меня большими блестящими глазами.

— В ученье! — объявил он и чуточку подтолкнул ребенка вперед. — Держи его! Учи и радуйся!

— Он у тебя нелюбимый сын, что ли? — кивнула я на ребенка.

— Племянник, — моргнул торговец.

— Оно и заметно.

— Любимейший! — возмутился он.

— В таком случае, чем он провинился, что ты его выкрал из дома и решил продать ведьме?

— Хороший же мальчик! — не понял лавочник. — Научишь его всему. Колдуном станет, будет людей петь учить. Как ты меня научила.

На секунду я прикрыла глаза, вспомнила десять проклятий, способных лишить ушлого лавочника голоса, новоприобретенного певческого таланта, а заодно великого знания, как добраться до замка Истван. Покончив с медитацией, спокойно велела:

— Иди вон.

— А как же мальчик? — расстроился Мирн. — Точно не хочешь взять? Нет, люди говорили, что ты всех отшила и отправила по домам, но я надеялся, что мы, старые приятели, сумеем уж договориться. Я подпишу договор. Кровью! Если, конечно, очень надо.

Жадной до человеческих душ темной магии было надо. Ей страшно понравилось предложение. «Бери чадо! — стучало в висках. — В хозяйстве пригодится!»

— Мальчика, ты забираешь с собой, — решительно отказалась я от сделки и сомнительного удовольствия лет двадцать содержать дитя, а если мальчику понравится, то дольше. — Доберись домой благополучно и верни ребенка матери.

— Слушай, чародейка, раз уж племянника не берешь, может, просто сковородок купишь? — неожиданно предложил лавочник Мирн.

— Каких сковородок? — только и сумела проговорить я, сбита с толку тем, как быстро от торговли детьми мы перешли на торговлю хозяйственной утварью.

— Стой здесь и никуда не уходи! — попросил лавочник и метнулся к входной двери. Вынырнув наполовину на улицу, он втащил в холл холщовый мешок с какой-то дребеденью. Тяжелую поклажу тянул по полу, а та самая дребедень непотребно грохотала, тревожа спящих вечным сном духов Иствана.

— Ты же не притащил в замок сковородки? — вкрадчиво уточнила я, упирая руки в бока.

— Я подумал, что котелок ты уже купила, а как же теперь без чугуновой сковородочки? Совершенно невозможно! — невнятно бубнил он, согнувшись в три погибели и пытаясь зубами развязать веревку, перетягивающую горловину.

— Замри! — рявкнула я.

Чтобы ко мне приходили заключать договор, а в итоге попытались что-то продать, такого еще не случилось! Я прикрыла на секундочку глаза, снова быстренько повторила пять названий проклятий. Пауза определенно помогла, и мне удалось говорить размеренно:

— Иди, удачливый Мирн, — произнесла я, — и радуйся, что пришел с ребенком в замок, иначе возвращался бы в город на четвереньках. С мешком сковородок на спине.

— Но люди сказали, что ты замуж зимой выходишь, — озадачился Мирн. — А как же ты без сковородки с мужем будешь договариваться? Если что не по тебе, тукнула его по голове, сразу станет, как шелковый. Женщины эти сковородки гребут лопатами и своим подружках советуют. Отбоя от покупательниц нет.

Откуда все, и даже продавцы посудой, знали, как правильно жить с мужьями? Сначала приготовить на чугуновой сковородке ужин из морского огурца. Без рецепта и темной магии, но с очень большой любовью. А если откажется есть из страха за здоровье, то прихлопнуть той же промасленной сковородой по макушке. Какое-то универсальное средство для счастливой семейной жизни! До первой годовщины, в смысле, до юбилея, правда, не дотянешь, но это мелочи. Мужа в умиртвие, если что, можно превратить.

— Кстати, а лопата не нужна? — словно прочел он мои мысли.

— Какая лопата? Которой сковородки гребут? — на долю секунды мне показалось, что Мирн надо мной издевался. Надо мной! Темной чародейкой, способной проклясть его одним подмигиванием. Но ещё удивительнее было то, что он выглядел абсолютно серьезным.

— Очень полезный в хозяйстве инструмент.

— Каком ещё хозяйстве? — вкрадчиво уточнила я.

— В приусадебном, конечно. Ну и погонять опять-таки можно... мышей там, мужа. — Он почесал затылок. — А если со сковородкой по макушке перестарается, так вообще станет вещью незаменимой. Без лопаты на заднем дворе под кустиком труп не прикопаешь.

— То есть лопаты ты тоже притащил, — резюмировала я. — С пожеланиями счастливой семейной жизни.

— Нет, но после предоплаты...

— Ты кочевой торговец или серьезный лавочник? — хохотнула я, изумляясь невиданной наглости.

— Я свободный художник! — нашелся он. — У вас здесь кухня большая, работников много. Вдруг кто-то захочет готовить пресветлому в личной сковороде?

— Пока прошу по-хорошему: пошел вон, — дружелюбно предложила я и сделала приглашающий жест рукой. С ладони соскользнул и полосой лег на мраморный пол черный дымок, а когда растаял, загорелась пульсирующая красная стрелка, указывающая на входные двери. Чтобы, так сказать, не оставлять после слов «пошел вон» простора для фантазии.

Мальчик из интереса наступил на стрелку носком потрепанного ботинка. Дымок щупальцем опутал худую ногу, заставляя испуганно отпрянуть. Что говорить, темной магии нравился подарочек, и сделка нравилась, а вот мне не очень. Умертвий я опасалась куда меньше детей. С воскрешенными, по крайней мере, было понятно, что делать: или кормить, или упокоивать.

— В общем, в кухню не пустишь? — канючил между тем лавочник, явно не желая покидать богатый замок без прибыли в деньгах и без убыли в любопытных мальчиках. — Повара по-всякому лучше в сковородках шарят...

Я цыкнула. С тяжелым вздохом он закинул мешок за спину, взял племянника за плечо и пошаркал на выход. Но далеко не ушел.

— Что еще? — рявкнула я, когда Мирн повернулся. — Заговорить сковородки, чтобы они наконец продались?

— Извозчик сразу уехал...

— Проклятие, — пробормотала я, прикрыв на мгновение глаза.

— И это... Ты, правда, можешь заколдовать посуду?

— Ну все, гений торговли, ты меня достал! — процедила я, гася стрелку, и размяла шею.

— Только не мой божественный голос! — попятился он и, грохоча посудой, с проворностью выскочил из замка. Только железная набойка от каблука отвалилась и звякнула по полу.

Дверь закрылась. Посуду болтун забрать не забыл. Набойка осталась, любимейший племянник тоже. В холле наступила дивная тишина, и было слышно, как за какой-то колонной подавился хохотом лакей, с азартом наблюдающий за вторым изгнанием просителей.

— Ты его заколдуешь? — спросил мальчик, кивнув на дверь.

— Надо?

— Ага.

— Хочешь заключить сделку с темной магией, малыш? — хитро улыбнулась я, скрещивая руки на груди. — Что мне дашь?

С серьезным видом он запустил руку в карман коротковатых портов, долго там ковырялся и протянул мне на ладони серый речной камушек.

— От рогатки, — последовало пояснение.

«Ты свихнулась? — обалдела темная магия. — Хватай мальчишку, будет нам счастье. Смотри, какой смысленый! Из рогатки стреляет, значит, сам себя прокормит».

— Идет, — улыбнулась я, проигнорировав инстинктивное желание заграбастать маленького темного прислужника.

Он приблизился ко мне и с самым серьезным видом отдал камушек.

— Только пусть в этот раз дядька замолчит хотя бы на пару дней. Мама будет очень-очень рада.

— Договорились.

Тут входная дверь осторожно приоткрылась. Мирн сунул нос в щель и позвал громким шепотом:

— Мелкий, ты чего тут пристыл? Повозка уедет, один останешься.

С каждым произнесенным звуком его голос становился тише. Мирн откашлялся, ещё не подозревая, что через пару часов снова не сможешь ни петь, ни говорить.

Вряд ли после пришествия *безголосого Мирна* с племянником меня по-прежнему ждали на утреннике Эбби. Не после того, как она с непроницаемой физиономией, чеканя шаг, сбегала их холла. Конечно, чужие кислые мины всегда понимали настроение, но были дела и поважнее. Я хотела проверить газетные объявления о продаже разорившихся торговых лавок под магическую мастерскую в столице. Провинцией я уже насытилась до конца жизни.

В библиотеке, как всегда было очень тихо. Хранители при моем появлении услужливо придержали дверь, открыли крышку постового ящика, напоминающего высокий сундучок. Пока я выбирала нужные газеты, они ластились к ногам, раздували юбку и вообще вели себя, как очень ласковые котята.

— Нечисть, ты заболела? — прямо спросила я. — На тот свет всем коллективом отходите? С чего вдруг такие милые?

Объяснить человеческим голосом бестелесные создания, конечно, не могли, поэтому выхватили у меня из рук газету.

— Святые демоны, лучше бы не спрашивала...

Я попыталась газету поймать, но та, расправив крылья-листы ринулась за книжные шкафы, теряя по дороге вложенные между страниц картонные карточки с разными объявлениями. Ругаясь сквозь зубы, я завернула в дальний угол, куда разве что в пьяном состоянии забредал Вайрон. Здесь на одной из полок вместо книг ровным рядом выстроились пузатые пустые бутылки из-под крепкого алкоголя, подозреваю, что кузеном припрятанные.

Похоже, библиотечные духи слышали разговоры о переселении в дедовский кабинет помершего

Догера. Посовещались, спросили друг у друга, чем они хуже какого-то приبلудного мэра, и немедленно пожелали переехать в местечко поспокойнее библиотеки. У пресветлого, естественно, целыми днями по полкам гонять не придется, можно тихонечко дремать в ящике письменного стола и изредка для остротки хозяина безобразничать. Цветочек с подоконника сбить, книжки подрать, чернила пролить. В общем, такой курорт для нежити.

— То есть вы тоже решили невзначай переехать к Парнасу... Совсем, нечисть, страх потеряла?!

В ответ невидимые хулиганы принялись драть газету. Рвали ее полосками и клочками, парочку швырнули мне в лицо.

— Развею к демонической бабушке, потом пепел по углам развею! А тебя, господин рыцарь, засыплю обратно в доспехи! — процедила я сквозь зубы и продемонстрировала заклятье, облизывающее пальцы черным полупрозрачным дымком.

Уничтожение газеты мигом прекратилось, и мне с большим пиететом была возвращена четвертушка разворота. На ней был напечатан глаз и вихор его величества, а с другой стороны, как ни странно, сохранилось целых два объявления о продаже недвижимости. Пожалуй, только это обстоятельство спасло нежити загробную жизнь.

— И приберитесь здесь! — цыкнула я, указав пальцем на усеянный газетными обрывками пол. — Немедленно!

Пытаясь выпрямить газетный клок, я завернула за стеллаж и наткнулась на Калеба. Вообще, он сидел за письменным столом, изучал какие-то фолианты и даже не заметил, что на него тут невеста почти наскочила. Сама от себя не ожидая, я дернулась обратно за стеллаж и, лишь спрятавшись, пришла в себя.

Какого демона я прячусь? Подумаешь, поцеловались. Может, я была единственной чародейкой на семь королевств, которая в двадцать лет ни разу по-настоящему не целовалась. И что? Так сказать, получила недостающий жизненный опыт. Большое дело!

— Калек, ты здесь! — раздался в глухой тишине библиотеки сладкий голосок Люси.

— Здравствуй, Люсиль, — с бархатистым перекатом, словно специально припас для нее мягкие интонации, произнес он.

Встрепенувшись, я высунулась из-за книжного шкафа. Калек сидел спиной и разглядеть его лицо не удавалось, только затылок с дурацким пучком, из которого торчала костяная шпилька. Зато Люси улыбалась чарующей улыбкой, в детстве влюблявшей в себя всех без разбору взрослых.

— Говорят, ты обо мне спрашивал?

А ты, конечно же, не преминула прибежать! В груди, где-то в районе солнечного сплетения, вдруг зажглось незнакомое чувство. От него бросало в жар и очень хотелось проклинать всех, кто смел приближаться к мужчине, обещанному мне.

Сжимая до побелевших костяшек книжную полку, я принялась глубоко дышать и по очереди вспоминать пятнадцать проклятий. На пятом в голову пришла трезвая мысль: что я делаю? Как ревнивая дурочка, шпионом из-за шкафа за женихом, которого сама же приворожила к хорошенькой кухне, и злюсь, злюсь, злюсь...

Взгляд упал на книжные корешки. Названия на них, обычно поблескивающие голубоватым мерцанием, напрочь потухли и почернели. Магия в них закончилась. На деревянной полке, как на влажном песке, отпечатались следы тонких пальцев. Не просто злюсь, а порчу, порчу, порчу... Вытащив из-под мышки газетенку, с деловитым видом я вышла из библиотеки.

День прошел невыразительно. Дверь мне починили, как подсказывал здравый смысл. В смысле, вернули ее на место вместе с трещиной и подогнали, чтобы закрывалась на замок. Я немедленно заперлась и проверила клок газеты, вновь добрым словом вспомнив библиотечную нежить. Жаль, бестелесные не могли икать.

В одном из объявлений был указан адрес продавца недвижимостью. Не откладывая дело в долгий ящик, вытащила из сундука почтовую шкатулку. Кристалл на изогнутой крышке пульсировал.

Думала, что Холт прислал весточку, но оказалось, он вложил в шкатулку какой-то роман. Стоило вытащить книгу, над обложкой за клубился полупрозрачный черный дымком, и она мгновенно увеличилась в размерах до полноценного томика, из которого торчали закладки. Внутри нашлась записка, написанная знакомым размашистым почерком с вензелями и завитушками. Холт даже буквы писал до отвращения пафосно. «Чтение на ночь», — коротко пояснил он. На ночь мне предлагалось прочесть откровенный роман. Думаю, закладками были помечены самые горячие

сцены, чтобы не пропустила.

— Лучше бы что-нибудь полезное отправил, — буркнула я и немедленно оговорила: — Чур меня!

Понятие о полезных подарках у лучшего друга было весьма своеобразное, куда своеобразнее спорного вкуса в чтении. Булавки для проклятых куколок и колечко из золотого зуба умертвия, благополучно утопленное в еде, не предел фантазии.

Отбросив книгу, я расправила лист мелованной бумаги и взялась за письмо в столицу. Начала скрупулезно перечислять требования к будущей мастерской, но вдруг поймала себя на том, что давно не пишу, а напряженно вслушиваюсь в тишину гостевой башни и пытаюсь различить поступь Калеба. С тонкого золотого пера, зависшего на бумагой, упала крупная чернильная капля и на строчке появилось большая клякса. Пришлось начинать все заново.

Во второй раз вообще вышло все дурно. Я только написала приветствие, вывела красивый восклицательный знак, а потом вдруг обнаружила, что заканчиваю портрет своего жениха. Калеб напоминал придурковатое, одутловатое умертвие с голым торсом. С лицом не задалось, но кубики вышли на загляденье отличными! Десять штук! Я не была уверена, что такое количество помещалось на теле мужчины, но у меня вполне влезло, даже еще на парочку хватило бы. Если заштриховать лицо, то вообще не рисунок, а огонь, хоть вставляй в рамочку.

Сама не знаю для чего, портретик я переложила промокашкой и вновь занялась письмом. В конце рядом с подписью начертала знак темной магии, чтобы торговец не вздумал вместо магической мастерской предложить какую-нибудь... лопату. Ответ пришел неожиданно скоро. До самого вечера мы вели оживленную переписку, и в конце в столицу отправился опечатанный чек, который обналичивался только после завершения работы.

Переодевшись в свежее платье и вернув прическе приличный вид, я спустилась в общую столовую. Повернула за угол и немедленно увидела Калеба с Люсиль, о чем-то щебечущих возле гипсового бюста Парнаса. Дедом же туда поставленного и бережно заколдованного от пыли. От того, как близко они стояли, склоняли головы, шевелили губами, словно вот-вот собирались поцеловаться, в груди вновь зажегся горячий комок, и всколыхнулось нехорошее чувство. В жизни не подумала бы, что гадский приворот подействует с такой скоростью!

— Тебя это бесит? — вдруг раздался за спиной ехидный голос Эбигейл.

Я обернулась. Она стояла в двух шагах, скрестив руки на груди.

— А тебя?

Молчание было тяжелым и холодным. Эбби отчаянно пыталась проглотить досаду, но та глотаться наотрез не хотела. Отражалась в лице и глазах, заставляла поджимать узкие губы.

— Эбби, что за серьезное выражение? — деланно хохотнула я. — Ты меня, право слово, пугаешь. Я же просто пошутила.

— Вот как? — Она дернула уголком рта. — Я все хотела сказать тебе, Энни, но удобного случая не представлялось. Тебе следует быть скромнее. От тебя слишком много шума.

— Подарить затычки в уши? — с милой улыбкой предложила я.

— Прости, что ты сказала? — опешила она.

— Ой, не извиняйся, — махнула рукой. — Вижу, ты уже в них.

Эбби не сразу нашлась чем ответить, поэтому незамысловато попыталась пригрозить:

— Энни, кажется, за девять лет ты подзабыла, но я напому. Жизнь в нашем замке перестает быть комфортной в один момент.

— Человека кладут на матрац с колючками и заставляют мыться в ледяной воде? — вежливо уточнила я.

— Не знаю. — Она подошла и разгладила на моем плече несуществующую складочку, ткань затрещала от искр, пахло паленой материей. — Иногда нам тоже очень нравится шутить.

— Эбби, мне не хочется мериться, кто из нас двоих больше ведьма, пойдем в столовую, а то тетка Мириам опять поднимет скандал, — предложила я. — Кстати, ты испортила маникюр.

Она наконец заметила, что от прикосновения к моему платью на ногтях растрескался и облупился красный лак.

Я отмаршировала в сторону столовой и все-таки на ходу отправила в дедовскую статую заклятье. Гипсовый Парнас зашатался, как припадочный. Не знаю, устоял ли, но Люси испуганно взвизгнула. Судя по тому, что ни грохота, ни ругательств не донеслось, мой жених героическим усилием не позволил башке любимого попечителя свалиться с пьедестала и расколоться надвое.

— А где Люсиль? — набросилась на меня тетка Мириам, стоящая на страже в дверях столовой. Перчатки она больше не носила, но на руках оставался красноватый колер.

— С моим женихом, — мстительно бросила я.

Однако слово «жених» тетушку совершенно не смутило. Она не попыталась скрыть радости в голосе хотя бы из паршивой жалости к невесте:

— Неужели?

Уверена, мысленно Мириам уже выбирала для дочери свадебное платье. Помеха в виде какой-то там договорной невесты ее не волновала.

Ужин прошел отвратительно. Калев и Люсиль не появились. До конца семейного измывательства я не досидела и вернулась в гостевую башню ещё на закусках. Все равно есть совершенно не хотелось.

А потом пришла бессонница. Я крутилась в кровати, лежала на одном краю и на другом, перевернулась головой в изножье. Ничего! Дремы не предвиделось. От отчаянья зажгла лампу и взялась за роман, присланный Холтом. Спустила четыре часа и почти три десятка откровенных сцен, захотелось есть. Страшно. Как одержимой демоном чревоугодия!

Поплотнее запахнув халат, я спустилась в кухню. Большое помещение окутывала темнота, чисто вычищенный очаг пустовал. На крюках висели всевозможные сковородки, на открытых полках стояли чаны и кастрюли. Воздух пах чем-то подгоревшим, а в тишине кто-то тихо шуршал. Нахмурившись, я последовала к источнику подозрительных шорохов.

Дверь в кладовую была приоткрыта, из щели пробивалась полоска бледного, полупрозрачного света. Такое тревожное мерцание обычно отбрасывали магические чудовища. Внутренне приготовившись увидеть какую-нибудь зубастую, прожорливую страшилку, я толкнула дверь. В тусклом свете голубоватого магического шара Летисия в ночной сорочке до пят стояла возле раскрытого холодильного сундука и держала в руках по завернутому трубочкой тонкому блинчику.

Некоторое время ошарашенные неожиданной встречей посреди ночи мы молчали.

— Блинчик будешь? — промычала тетушка, протягивая мне одну трубочку из кружевного блина.

— А острый соус остался? — спросила я, приближаясь к холодильному сундуку, по размеру в пару раз больше любого дорожного. Еда в нем лежала в отдельных ящичках.

— Вообще-то, я никогда не ем по ночам, просто сегодня бессонница замучила. Думаю, что я пытаюсь на пустой желудок не заснуть. Это только в лечебных целях, чтобы завтра желудок не тянуло и не пришлось принимать эликсиры, — вдруг принялась оправдываться тетушка, следя за тем, как я перебираю в деревянных ячейках баночки с соусами, покрытые бумагой и перевязанные бечевкой на горловине.

— Не переживайте, тетушка Летти, — улыбнулась я. — Можете есть что угодно и сколько угодно. Уверена по ночам боги диеты крепко спят и ничего не видят.

В середине ночи мы с тетушкой наелись не хуже Боуза во время романтической катастрофы на пятачках. На утро я поняла, почему умные люди не советовали ложиться спать на полный желудок. Мне приснился самый горячий и откровенный сон за всю мою сознательную жизнь. С Калевом в главной роли. Начиналось все, как накануне, в комнате, залитой лунным светом, только на женихе уже не было одежды. А закончилось, как в любовном романе, присланном Холтом, но гораздо откровеннее.

Проснулась ранним утром, когда солнце только-только прогоняло предрассветные сумерки. Дыхание сбилось, горло саднило, халат и ночная сорочка... Ни того, ни другого не было. Куда делся халат не нашла, но ночная сорочка свисала со стенного светильника. Видимо, я срывала покровы и расшвыривала, куда придется. Получилось, прямо сказать, выразительно.

Но хуже все было сердцу: оно стучало, как бешеное. Двести ударов в минуту, не меньше. Совершенно несовместимо с жизнью! Кажется, я не умерла во сне по единственной причине: от эротических снов ещё никто не издыхал и мне не стать первой.

— Святой демон, ты ли это? — отшатнулась я от зеркала, когда сумела заставить себя подняться с

перевернутой кровати.

Из отражения на меня смотрела бледная девица с лихорадочно блестящими глазами и пунцовыми, словно зацелованными губами. Выглядела она ужасно унылой, как серое утро за окном.

— Все! Заканчиваю с чтением откровенных романов! — пообещала я этой странной девице.

О чем, приведя себя в порядок, немедленно написала в записке Холту и отправила вместе с богомерзкой книжкой. Ответ пришел с такой скоростью, словно лучший друг держал почтовую шкатулку под мышкой.

«Тебе приснился жгучий сон?» — Кажется, его ехидный смех можно было услышать через семь королевств, что нас разделяли.

«Нет!» — сухо ответила я.

«Расскажи!» — потребовал он и, не дождавшись ответа, добавил: — «С подробностями!»

Не успела я превратить записку в пепел, сорвав раздражение на безвинной бумаге, как кристалл на крышке почтовой шкатулки вновь замерцал.

«Раз светлые заразили тебя добропорядочностью, и ты больше не читаешь интересных книг, то держи...» — написал Холт в небрежно брошенном сверху томика листочке. Он прислал мне свод правил поведения послушниц в монастыре для чародеек.

«Холт Реграм, ты кретин!» — даже не стала я делать вид, что не обиделась.

Вообще, чувство юмора лучшего друга мне импонировало, но сегодня хотелось его проклясть через расстояние в семь королевств каким-нибудь противным заклятьем несварения.

Завтракала я в общей столовой с тетушками, дядюшками и дедом. Из молодежи больше никто не явился, а мой жених с Люсиль укатили с самого утра в город, о чем Мириам торжественно объявила, усаживаясь за стол. Стоило радоваться, что злодейский план работал тютельница в тютельница, как мне представлялось, но отчего-то на душе было уныло. И зло. Злость эта горела в груди обжигающим комом и не позволила запихнуть в рот ни ложки каши. Хотелось кого-нибудь проклясть на хр... на смерть.

Мириам завела разговор о приготовлениях к скорому празднику. Не без удовольствия она вспоминала, что щедрый Калев взял все расходы на себя и предложил не ограничиваться в тратах. Уверена, у всех сложилось впечатление, будто тетушка готовила обряд для родной дочери, а не для нелюбимой племянницы. Даже у самой нелюбимой племянницы и деда.

— Энни должна участвовать в приготовлениях, — заметила Летисия. — Это ее обряд.

После ночного набега на кладовую она скромно жевала кусочек омлета на пару, который выглядел не просто невкусным, а каким-то... болезненным.

— Будешь участвовать? — повернулась тетушка Мири ко мне.

— Нет, — покачала я головой.

Тетушка, не стесняйтесь, готовьте праздник для дочери. Я рядом постою и посмотрю, как вы счастливо станете тещей из ада.

— Я же говорю, что молодежь совершенно не желает ничего делать... — повернувшись к соседке, с удовольствием громким полусшепотом принялась ворчать она. — У Люсиль тоже одни наряды в голове, а уж Ронни...

— С утра написал секретарь Боуз, — вдруг прервал дед сердитое молчание, заставляя меня отвлечься от теткиных причитаний. — В мэрии снова что-то случилось. Хотят тебя видеть.

— Двадцать золотых, — спокойно предложила я цену.

— Ты колдуешь от имени ковена, — воззвал к совести дед.

— Вы мне не отдали семейный знак, — с издевательской усмешкой напомнила я, что по-прежнему Истван, но только в свободном полете на метле. — Так что, отправите ученика? Он в прошлый раз вышел из мэрии на пять минут и до сих пор не вернулся. Боуз будет счастлив его видеть. Он там дубовую дверь изрисовал.

— Езжай, — буркнул Парнас.

— Чеком или монетами? — уточнила я.

Дед в сердцах плюхнул ложку в тарелку с кашей. Густые белые капли расплескались в разные стороны, но, не достигнув скатерти, собрались обратно. Эффектное заклятье, ничего не скажешь.

— Я, конечно, могу колдовать от своего имени, но, вы же понимаете, дедушка, потом люди начинают ходить...

— Монетами! — буркнул дед.

— И порталный амулет, — мило улыбнулась я. — Сегодня отвратительная погода.

— На улице ясно, — сдержанно заметил Парнас, кивнув на окно, через белые кружевные занавеси которых просачивались по-осеннему чахлые солнечные лучи.

— Понимаю, совсем потеряли сноровку, дедушка? Это все возраст. Вы сделайте, как придется. Если амулет перенесет меня в другой квартал, то я пройду. Люблю, знаете ли, перед чародейством пешие прогулки.

— Десять монет за амулет, — буркнул он, думая, будто уест меня.

— Вычтите из оплаты.

Он что-то пробормотал под нос, то ли признал поражение, то ли в сердцах меня обругал, но через полчаса после окончания завтрака служанка принесла мне в покои шкатулку с порталным амулетом. Оставалось его зарядить темной магией. В жизни не подумала бы, что пресветлый Парнас легко поддается на провокации!

Перемещаться из замка я не решилась, с порталной магией у меня, прямо сказать, были кое-какие сложности, поэтому вышла на улицу. На свежем воздухе картин не побьешь дорогой фарфор, не сорвешь со стены картины, да и сами стены тоже не испортишь. Погода стояла чудесная. Эбигейл с подружками загружались в коляску.

— Доброе утро, Энни! — зачирикали подружки. — Мы едем в город за лентами, шоколадом и булавками!

— Мы бы тебя подвезли, — проговорила Эбигейл с непроницаемым лицом, — но, как видишь, места нет.

— Не беспокойся, у меня порталный амулет, — мило улыбнулась я, продемонстрировав стеклянную сферу размером чуть больше пуговицы, заключенную в резной серебряный кулон. — Доброго пути, девушки!

Сжав подвеску в исходящем дымком кулаке, я эффектно растворилась в воздухе и прежде чем перейти на другую сторону (к мэрии, а не тот свет, хотя кто знает) успела заметить кислые лица подружек. К счастью, на площадь перед зданием мэрии я переместилась без неприятных сюрпризов и эффектно. От фигуры в разные стороны разлетелась волна возмущенного воздуха, поднявшего с брусчатки пыль. С бронзовой башки отца-основателя снесло голубей. В разные стороны брызнули прохожие, не ожидавшие явления миру чародейки.

Тут же вспомнилось, почему маги-портальщики обязательно носили трости или зонты — для равновесия, ведь удержать это самое равновесие и не упасть лицом в брусчатку стоило одного испорченного каблука. Он не сломался окончательно, но хрустнул и начал ощутимо шататься.

— Совсем дед постарел, — проворчала я, пошатав ногой. — Ни одного приличного перемещения.

Зайдя в здание мэрии, как будто невзначай я вошла в кладовку, быстренько разулась и починила каблук с помощью магии. Без сапожника, конечно, не обойтись, но на пару часов хватит.

— Совсем дед постарел, — ругалась сквозь зубы, кое-как натягивая туфлю обратно. — Ни одного приличного перемещения...

В приемную мэра я вошла без стука. Измученный Боуз со влажной повязкой на лбу сидел за столом. Боуз, прилепивший на лоб мокрую повязку, сидел за столом. Перед ним стояла бутылочка с успокоительным эликсиром, стопочка и вазочка с леденцовой карамелью. Пыльная понурая мухоловка, до такой степени потерявшая вкус к жизни, что между листьев паук сплел паутину, была на месте. Счетовод с обломками швабры, к счастью, отсутствовал. Кабинет градоначальника прятала новая дубовая дверь, и только пара мазков краски на косяке намекали, что когда-то в помещении происходил магический беспредел.

— Госпожа чародейка! — сорвав с лба повязку, подскочил на стуле Боуз. — Почему так долго?

Я посмотрела на настенные часы. Они давно встали и показывали четвертый час пополудни.

— У вас часы остановились, еще одиннадцать нет.

— У нас тут не только часы остановились, а вся работа остановилась! — воскликнул он, вылезая из-за стола. — Чрезвычайная ситуация! Ахтунг! Пожар!

— Кто-то сгорел?

— Практически! — вылезая из-за стола патетично заявил он.

— Новый мэр? — почти ужаснулась я очень короткой службе несчастного Хардинга. Вот ведь не свезло мужику, даже пары суток в мэрском кресле не просидел.

— Душевно сгорел, — поправил Боуз. — Он сошел с ума!

— Значит, проклятие кабинета действительно существует, — хмыкнула я. — В жизни не подумала бы!

— Не знаю, что там с проклятием, госпожа чародейка, но с ума он сошел исключительно из-за вас.

— Уймитесь, Боуз! Я не колдовала! — немедленно отказалась я от любых притязаний на магию.

— Да нет же, я вас ни в чем не обвиняю! — замахал руками секретарь. — Он в вас, госпожа чародейка, втрескался по уши, как мальчишка-несмышлениш!

— Господь с вами! В меня?! — изумилась я настолько, что принялась призывать враждебные силы. Удивительно, как они в назидание не жажнули меня каким-нибудь нравоучительным прострелом шеи, чтобы лишний раз не совала нос на чужую территорию.

— И решил жениться! — трагическим шепотом договорил Боуз.

— Жениться?! — повторила я, практически уверенная, что надо мной глумятся, не боясь получить прямо в лоб какое-нибудь проклятье три в одном: косоглазия, заикания и облысения всего тела.

— Госпожа чародейка, не смотрите на меня таким взглядом, как будто уже проклинаете! Я был резко против этой дурацкой затеи! — Он рубанул ребром ладони воздух, демонстрируя уровень резкости. — Вокруг же так много хороших девушек! Зачем ему темная Истван? Вообще, не за чем! Вон у нашего счетовода Ходжа девица — настоящая красавица и без всякого...

— Боуз, общую мысль я уловила, — перебила я и покачала головой, мол, лучше не надо продолжать мысль. — Он не знает, что я почти помолвлена?

— Он в курсе, — всплеснул руками секретарь. — Сказал, что жених — не смертный приговор, всегда можно поменять, и собрался к пресветлому просить вашей руки. Я убеждал его, что не стоит так поступать, но он даже розы купил. Понимаете, господин мэр из бывших военных. Они все такие упертые!

— И где сейчас наш бывший военный? — выслушав диковатую историю, уточнила я.

— В кабинете! — Боуз указал рукой на новую дверь. — Заперт на ключ!

Перед мысленным взором появился мэр во всей красе атлетического телосложения и с выдающейся квадратной челюстью, какая совершенно точно бывала исключительно у военных. Такого в бараний рог просто так не свернешь и на ключ не запрешь. Он вынесет дверь вместе с дверной коробкой и направит все силы на достижение цели.

— Вы прикончили нового мэра и его дух поселился в кабинете? — уточнила я. — А труп? Закопали?

— Он жив!

— Так в кабинете умертвие, и мне надо его упокоить? — охнула я.

— Нет-нет! — уверил он. — В смысле, когда я запираю замок, господин мэр доживал свою самую первую и единственную жизнь...

— До-жи-вал? — повторила я по слогам, переставая понимать, что случилось в мэрском кабинете и не нужна ли нам новая бутылка из-под вина для мятежного духа нового мэра.

— Я абсолютно уверен, что такого грандиозного человека, как наш новый мэр, верой и правдой служившего... служащего короне, каким-то паршивым сводом законов десятилетней давности извести просто невозможно. Он же монументальный, как статуя отца-основателя!

— Не скажите, — развеселившись, протянула я. — Вы его по голове, что ли, ударили?

— По темечку, — кратко уточнил секретарь.

— Ну, отпирайте, — вздохнула я. — Сейчас проверим, поможет ли вашему грандиозному стакан воды или придется вызывать некроманта.

— А в Сартаре у вас есть знакомый некромант? — оживился Боуз.

— Я еще не успела наладить связи, — сложив руки на груди, издевательски улыбнулась.

— Понимаете, госпожа чародейка, я спасал ему жизнь! — продолжал оправдываться он, трясущимися руками вытащив из кармана ключ и только с пятого раза попав в замочную скважину.

— Вмазав томом с королевскими указами?

— В первый раз я закрыл его хитростью. Он пытался высадить дубовую дверку, но на то она и дубовая, чтобы не высаживаться...

А в моих покоях вылетела, как миленькая, как будто была сделана из березовой коры...

— В общем, дверь устояла, — продолжал делиться событиями насыщенного утра секретарь, — и господин мэр попытался выйти в окошко.

— Тут же второй этаж.

— Вы это тоже заметили? А он нет! — воскликнул преданный секретарь. — Что мне оставалось делать? Вы же сами видели, какой наш новый мэр... монументальный. Статую отца-основателя проще сдвинуть, чем его.

«Монументальный и грандиозный» полулежал в мэрском кресле, запрокинув голову на подголовник, и грозился сползти под громоздкий стол. Выдающаяся челюсть была приоткрыта. Мощная грудная клетка поднималась и опускалась. Выглядело так, будто он пару раз успел прийти в себя и накачаться чем-то крепеньким.

Подойдя, я бесцеремонно плюхнула ладонь Хардингу на сухой горячий лоб, прорезанный глубокими продольными морщинами.

— Как думаете, он ещё с нами? — тихо проговорил Боуз.

— Бежать за некромантом еще рано, — со смешком уверила я.

Претендент на роль умертвия пришел в себя после первого же магического разряда, доказав, что рано ему превращаться в зомби или неупокоенным духом лезть в винную бутылку.

— Хорошо поспал! — Он хотел потянуться, но скривился от боли и потер ушибленный затылок. — Госпожа Истван! Какое счастье, что вы наконец одеты!

— Мне тоже очень приятно, но почему я должна быть раздета? — удивилась я.

— Так это не сон? — дошло до него.

— Вообще-то, нет.

— Вы здесь по-настоящему? Из плоти и крови? — страшно возбудился он. — Можно вас ущипнуть, чтобы удостовериться?

— Прокляну, — спокойно объяснила я позицию.

— Да я чуточку?

— Ущипните меня, господин мэр! — немедленно предложил Боуз. — Я буду абсолютно счастлив!

— Боуз, выметайтесь вон! — рявкнул новый мэр.

Помощник действительно попятился к раскрытой двери, словно боялся повернуться к мэру спиной и получить волшебный пинок сапогом. Наткнувшись на мой многозначительный взгляд, он замер. Перспектива проклятия его пугала больше, чем гнев нового начальства.

— Зачем вы просите его уйти? — изогнула я брови.

— Как же я хотел вас видеть, моя дорогая!

Я для всех очень дорогая. Деду ещё десять монет придется выплатить просто за то, что внучка сгоняла с его порталным амулетом послушать о любви от нового градоправителя.

Тот между тем крепко схватил меня за руку, силой этого захвата доказывая, что его действительно невозможно убить каким-то паршивым сводом законов, и жадно припал к моей ладони горячими губами.

— И бог услышал мои молитвы! — невнятно бормотал он.

— В таком случае, ваш бог с большим юмором, — пробормотала я.

— Я люблю вас, госпожа Истван! — проговорил Хардинг, учитывая, что он по-прежнему сидел в кресле и пытался усадить в это же кресло, в район своих колен меня, признание казалось не просто странным, а абсурдным. — После ужина думал, что меня привлекает ваша кузина. Она же красавица, в отличие от вас. Нежная, добрая и...

— Неспособна вас проклясть, — сквозь зубы процедила я, намекая, что ему стоит убрать руки.

Вспомнилось, как «грандиозный и монументальный» размазывал любовное зелье, выплеснутое ему в лицо с помощью магии. Похоже, он монументально и грандиозно приворожился. Ко мне. Уверена, весь адский bestiary сейчас задыхался от хохота.

— И это тоже! — согласился он, руки по-прежнему не убирая. — А потом я проснулся и понял, что не смыслю жизни без странной чернявой чародейки с алыми губами, помолвленной с одним из сильнейших магов Сартара. Думаете, он нас благословит?

— Угу, а потом догонит и благословит еще раз. Чтобы не расслаблялись...

Слушать любовную ересь я не стала и ткнула Хардингу указательным пальцем в макушку. Он мгновенно вернулся в исходное состояние и отвалился к спинке кресла. Рука упала, но кулак он не раскрыл. Пришлось пальцы разжимать по одному, чтобы освободиться.

— А это нормально? — заволновался Боуз.

— Не беспокойтесь, суставы у него не сломаны, — процедила я, растирая запястье.

— Да я об этом. — Секретарь покрутил у виска. — Столько магии за раз... Он останется в своем уме и трезвой памяти?

— Когда вы били беднягу книгой по затылку, то ни его ум, ни память вас вообще не волновали, — заметила я. — Когда это с ним началось?

— Так второй день, как заболел, — скромно сцепив руки в замочек, проговорил он. — Вчера ещё ничего было, а сегодня совсем худо сделалось.

— Он проснулся утром и понял, что жить без меня не может? — скрестив руки на груди, допытывалась я. Потом вспомнила, как адский мэр облобызал ладонь и незаметно обтерла ее о платье. С другой стороны... хорошо, что не воспыал чувствами к Калебу.

— Понимаете, госпожа чародейка... Только пообещайте, что ничем-ничем не проклянете меня! — оговорился он.

— Обещаю.

— Точно?

— Может, вам ещё на крови поклясться? — фыркнула я.

— А так можно?

— Нет! Говорите, пока получили индульгенцию!

— Ну... — Боуз оттянул узел галстука, вытащил из кармана измятый платок и обтер вспотевшее лицо, в общем, сделался совсем жалким, такого даже проклинать рука не поднимется. — За ужином я случайно обнаружил колечко.

— Какое еще колечко? — нахмурилась я и вдруг вспомнила, как уронила кольцо, подаренное Холтом, в соус. — Колечко?! Мое?! Боуз, успокойте меня немедленно и скажите, что обнаружили его до того, как проглотили!

— Спрятал за щеку! — с надрывом признался он.

— Стащить кольцо темной чародейки! Поздравляю, да вы действительно бессмертный. Или глупый. — Я присмотрела к его страшно виноватому лицу. — Смотрю на вас и что-то никак понять не могу.

— Я не воровал! — замахал он руками. — Просто постеснялся отдать. Понимаете, ну, как его из-за щеки-то вытащить. Мы же все приличные люди, за столом сидели, ужин ели, светские беседы вели...

Невольно вспомнился бедлам, происходивший во время романтической трапезы на пятерых, и у меня вырвался издевательский смешок.

— Вы всегда такой скромный, когда дело касается чужих украшений? Даже если опустить мораль, вы не подумали, что оно могло быть зачаровано?

— Но я же не знал, что кольцо ваше, — попытался оправдаться он.

— Спору нет, это в корне меняет дело, — насмешливо фыркнула я.

— Все равно господин мэр отобрал колечко еще в карете и сказал, что вернет вам лично, а утром уже проснулся... блаженненьким.

Он бессильно указал на дрыхнувшего мэра. Что ж, опытным путем было доказано, что для простых людей приворот от Брунгильды крышесносен и мозгодрибен.

— Где кольцо? — вздохнула я.

— Господин мэр его сегодня с утра в руках крутил, а потом куда-то убрал... — заблеял Боуз, очень нервно перебирая пальцами.

— Куда?

— В правый карман брюк! — отрапортовал он.

Так и знала, что подглядывал за начальством, мошенник!

— Доставайте, — повела я подбородком в сторону уже счастливо похрапывающего Хардинга.

— Я? — опешил он.

— Вы предлагаете мне? — изогнула я брови.

— Тут вы правы, госпожа чародейка, негоже юной девице в мужские карманы лазать... — затаив дыхание, на цыпочках он подобрался к мэрскому креслу, потянулся было к карману, но сдрейфил: — Госпожа чародейка, а, может, какое-нибудь заклятье, выворачивающее карманы?

— Хотите заключить сделку с темной магией, господин Боуз? — официально спросила я, порядком устав от стояния на каблуках посреди чужого кабинета. Так и хотелось переступить с ноги на ногу, но девицам не только мужские карманы было негоже проверять, но и переминаться, как усталой гусыне.

— А что мне отдать взамен? — растерялся он.

— Душу вашего первенца, — предложила я вкрадчивым голосом, в котором нормальный человек услышал бы раздражение и понял, что темная чародейка скоро взбесится. Но Боуз не услышал.

— Наследника и продолжателя рода?! А можно продать душу... — Он огляделся, словно подыскивал среди книжных шкафов и голой стены, где раньше висел портрет Догера, подходящую душу. — Господина мэра!

— Можно, но на кой мне сдался влюбленный мужик? — разозлилась я и рявкнула: — Хватит время тянуть, просто пихните руку в его карман и отдайте кольцо. Вы его не в первый раз воруете, нет никакой причины стесняться. Иначе твоего ненаглядного мэра до конца жизни не отпустит! Сейчас же!

Бессмертный помощник так испугался чародейского гнева, что немедленно сунул руку в карман мэрских штанов и замер. Лицо вдруг сделалось очень жалобным, словно он собирался заплакать.

— Боуз, мне страшно спрашивать... Вы обнаружили в кармане дырку?

— Нет, — простонал он. — Это левый, а не правый карман.

— И впрямь! Какая неловкая путаница, — посочувствовала я. — Ну, теперь уж не оплошайте и

нырните в правильный!

— Может, бог с ней, с душой... — жалобно проскулил он. — Сын подрастет и меня обязательно поймет. Давайте заключим сделку!

— Боуз, пожалейте ребенка!

— Ему уже пятнадцать.

— Тем более пожалейте! У него слишком сложный возраст, чтобы переживать его без души. Вытаскиваете руку из левого кармана и суйте в правый! — скомандовала я.

Тут неожиданно господин мэр решил, что ему неудобно спать в кресле и, что-то приговаривая во сне трубным невнятным шепотом, принялся менять позу. У несчастного помощника чуть сердце не остановилось и не случился паралич конечности, так и окаменевшей в мэрском кармане. Зато с какой скоростью он поменял место дислокации! От страха вытащил все содержимое: горсть монет, пачку пустых чеков, защитный амулет от темной магии, носовой платок и какую-то мелочевку типа винтиков.

Понятия не имею, как это богатство помещалось в одном кармане, и зачем мэру понадобились винтики. Может, он был из этих... защитников животных? Они считают, что приносить в жертву черных куриц бесчеловечно, так недолго истребить популяцию черных кур, и запрягать лошадей в кареты негуманно, а потому ходят пешком или ездят — произнести стыдно — на велосипеде. Между городами перемещаются порталными амулетами. Магия же от природы, а значит, богоугодна.

— Вот оно! — продемонстрировал Боуз тонкое золотое колечко, подаренное Холтом, и аккуратно двумя пальчиками положил мне на ладонь.

Украшение было спрятано в напоясную сумку, можно было возвращаться в замок.

— А что было в этом кольце, коль господин мэр так сильно запечатлелся? — неотрывно следя за тем, как я застегиваю сумку, спросил Боуз. — Какая-то магия?

— Оно выплавлено из золотого зуба умертвия, — ответила я, ловко избегая разговоров об ужинах и любовных зельях, но на зеленеющего помощника было страшно смотреть.

Прежде чем мы вышли из кабинета, он все-таки предложил мэра привести в чувство.

— Понимаете, — поморщился он, — любовь, конечно, любовью, но королевская служба не ждет. У нас указов два десятка не подписано, и ворох дел накопился.

— У вас совсем сердца нет? Дайте человеку спокойно выспаться, — с укором посоветовала я. — У него были два очень тяжелых дня.

Начальство воров... верный помощник вновь закрыл на ключ и опять взялся меня провожать до дверей мэрии.

— И что теперь? — допытывался он.

— Теперь? Ну... в теории через день другой вашего мэра попустит. Может, неделю ещё пострадает, — предположила я. — Сложно судить, чародеев обычно быстрее... от заговоренных колец отпускает. Главное, не позволяйте ему приезжать в замок!

— Я же не могу за ним следить день и ночь, — проворчал помощник.

— Иначе до полного выздоровления он не дотянет, — предупредила я. — Говорю вам, как специалист по черным проклятиям и смертельным чарам. Парнас, конечно, пресветлый и все такое. Ну, знаете, сеет добро и дарит благодать...

— А он правда сеет и дарит. Лично? Не через учеников? — искренне удивился Боуз.

— Случается под хорошее настроение, — согласилась я, — но в гневе бывает такие дрянные заклęcia вспоминает, что перестаешь верить и в добро, и в благодать, и в светлую магию.

После мэрии хотелось отправиться в какую-нибудь едальную сартарской столицы, вкусить супа в ржаном хлебе и с густой сметаной, но даже щедрость у Парнаса была скупа. Дедов порталный амулет дальше предместий Иствана не переносил. Путешествуй по местным деревням сколько душевненько угодно, но потом, как все обычные королевские подданные, на извозчике. И я незамысловато пошагала на своих двоих к сапожнику исправить каблук, в котором постепенно таяла магия.

Едва статуя отца-основателя скрылась за двускатными черепичными крышами, а улочка с

торговыми лавками поднырнула вниз и покатила под уклон, как утро перестало быть светлым и погожим, замечательным для начала самого дождливого времени года.

Не то чтобы погода испортилась, а солнце спряталось за тучи... Огромная свинцовая туча накрыла меня лично и грозила поглотить все пространство до самого горизонта. Просто в пыльной витрине торговой лавки мужских товаров я увидела Калеба! В компании Люсиль. И они выбирали галстук.

В покупке галстука не было бы ничего бесящего, если бы кузина этот самый галстук не подвязывала на шею моему жениху лично! В смысле, своему будущему мужу. Она осторожно поправила воротничок, начала затягивать узел... И у меня в глазах потемнело от пресловутой грозовой тучи, заметной только мне.

В следующий момент я осознала, что с исходящих дымком пальцев сорвалось темное заклятье. Первым порывом было его погасить, схватить за прозрачный хвост, но я опустила руку. Бесят же!

Стремительная змейка скользнула на другую сторону улицы, легко пронзила стеклянную витрину и легла в галстук. Мгновением позже безопасный мужской аксессуар превратился в удавку. Узел врезался Калебу в кадык, петля затянулась на шее.

Люсиль испуганно отпрянула, не понимая, что происходит. Один из сильнейших чародеев Сартара (если верить словам Хардинга) вел себя спокойно и собранно. Быстро отвлек девушку, куда-то указав пальцем, и, когда Люси отвернулась, словно посмотреть на красивую птичку, поспешил обезвредить взбесившийся галстук.

Одного касания оказалось достаточно, чтобы ощутить темную магию. Он замер, а потом резко повернул голову к окну, точно угадав направление, куда выстреливать яростно-вопросительным взглядом. Честное слово, до этой минуты я не подозревала, что одним говорящим взглядом можно выразить так много разных слов и эмоции. Точный перевод их никогда не записали бы в книги, особенно для детей, потому что из приличного в этом потоке были одни запятые.

Издавательски улыбнувшись, я помахала рукой и пошла в сторону сапожной мастерской. Где-то в десяти шагах от двери с вывеской, украшенной заскоружлым ботинком на веревке, вдруг осознала, что от ярости готова проклинать почем зря, направо, налево и по диагонали. Со злостью вцепившись в порталный амулет, я переместилась в замок. Деликатничать не стала: влетела в холл, волной возмущенного воздуха сдвинув к камину плюшевые диваны, в последние дни видевшие незнакомых задов больше, чем за тридцать лет своего существования.

Яростно стуча каблуками по полу, я отмаршировала в гостевую башню. По дороге мне встретился Вайрон. Пока он не открыл рот, на ходу скомандовала:

— Держи зубы сжатыми и молчи! Я в таком настроении, что одними сапогами ты точно не отделаешься!

Но пока вскарабкалась в гостевую башню, ярость потухла и накатила нечеловеческая усталость. Тело ломило, как в лихорадке, дыхание сбилось. Хотелось на ручки, горьких шоколадных шариков и книжку о чистой любви. На последней лестничной петле я унизилась настолько, что сняла испорченные туфли и дошагала босиком!

Но и тут покоя не было! Стоило переступить порог, как нахлынуло острое осознание, что в них кто-то был. Дверь скрипнула как будто по-другому, ключ повернулся на один, а не на два оборота, в воздухе едва заметно веяло слабым запахом чужих благовоний...

Насторожившись, я обошла владения, проверила ванную комнату. Кто-то трогал флаконы с мыльными пастами для волос. Растерла между пальцами немного мыла, а когда начала смывать, то кожа окрасилась в розовый цвет. Злодейки собрались превратить меня в легендарную фею-крестную с розовыми волосами из детских книжек!

— Вы серьезно? — буркнула я, закрывая кран с водой. В Деймране даже в младшей школе дети друг над другом подшучивали с большей фантазией.

А потом я отправилась переодеть пыльное городское платье и ошарашенно замерла на пороге гардеробной. На розовой краске девушки просто разминались, а главное развлечение устроили с одеждой. Платья по-прежнему были аккуратно развешаны на деревянных плечиках, но у некоторых не хватало рукавов. У других портняжными ножницами отхватили лоскуты юбок. Исподние сорочки были распороты надвое. У дорожущего плаща, висевшего в воздухе так, словно он накрывал невидимый портняжный манекен, вырвали «с корнем» глубокий капюшон. Все обрывки, отрезки, клоки и недостающие детали валялись под ногами.

А в домашние тапочки какая-то хмарь насыпала золу! Видимо, принесла с собой, ведь камин был мною вычищен во время сеанса самоуспокоения после поцелуя с Калемом.

— Ну все... — проговорила загробным голосом, понимая, что не могу обуть единственные туфли без каблука. — Я обиделась!

Я торжественно смежила веки и начала колдовать. Темная магия зашла в восторге — она любила мстить. Вскоре у всех, кто посмел вломиться в жилище темной чародейки и осквернить ее вещи, в мыльных пастах появилась розовая краска, а одежда превратилась в рванину. Флакон за флакон, клок за клок, рукав за рукав. За любимый плащ досталось всем. Заклятие уничтожило капюшоны на всей верхней одежде злодеек.

— Да будет так!

Открыв глаза, я вновь увидела разграбленную гардеробную и что-то вдруг себя так жалко стало. Платья все порезали. Любимые тапочки испортили, а я в них между прочим в склеп с Холтом лазила. Жених ещё этот дурацкий влюбился в кузину...

Наплевать, что я сама его влюбила. Как там сказал новый мэр про Калеба? Он самый сильный чародей Саргара? Нет, по виду-то вообще не скажешь, но если он таков, то каких лысых демонов не сопротивлялся привороту? Хотел на мне жениться и женился бы. Скотина!

Левый глаз вдруг кольнуло, и из него выкатилась слеза. Самая настоящая, искренняя, горькая... Слезы невинной темной чародейки днем с огнем не сыщешь. С такой редкостью в рабочем сундучке какие горизонты открываются!

— Да демоны же мои дорогие! — пробормотала я, задирая голову, чтобы драгоценная капля не скатилась с подбородка и бездарно не впиталась в ткань платья. Похоже, последнего уцелевшего платья из моего не особенно разнообразного гардероба. Не зря Холт говорил, что принцип минимализма в одежде не доводит девушек до хорошего.

Шмыгая носом и щурясь одним глазом, с задранной башкой я кое-как добрела до туалетного столика. Нашупала шкатулку и вытащила из нее пустую бутылочку.

— Попалась! — соскребла стеклянным горлышком прозрачную слезу и шмыгнула носом. — Удачно порыдала...

Острая мысль пронзила меня, как молнией: по-ры-да-ла?! Кто? Я?

В другое время от злости я прокляла бы всех по порядку: подружек Эбигейл, потом саму Эбигейл и, вишенкой на торте, прокляла еще и Вайрона. Просто так за компанию. Рожей, что называется, не вышел и неудачно попался на пути. Но я напоминала вовсе не злую ведьму, влюбленную принцессу, которую обидели плохие девочки...

Никогда ещё я не пробуждала живой гримуар с такой потрясающей воображение скоростью. Буквально только стояла в спальне, а уже сидела на подоконнике гостиной и держала пробужденную Брунгильду на коленях.

— Брунгильда, как определить, что темная чародейка влюблена?

Книга зашуршала страничками, добралась до «розовой» главы и раскрылась на развороте с заголовком «Основные симптомы приворота». Магическая книга была циничной и считала, что просто так, без магии, темная чародейка влюбиться не способна. Характерец не позволит.

— Нестабильное состояние, перепады настроения от ярости до меланхолии, беспричинные слезы, — прочла я первый пункт и как бы чуточку напряглась, но не настолько, чтобы биться головой о книжный разворот или об оконный откос.

«Отсутствие аппетита».

«Присутствие аппетита».

— Нет, вы уж определитесь: худеем или полнеем, — пробормотала я, невольно вспоминая, как пыталась за ужином проглотить хоть кусочек, а потом до тошноты объелась ночью. И заволновалась посылнее.

«Бессонница».

«Откровенные сны».

«Неконтролируемая честность».

— Ну, такое-то со всеми бывает, — пробормотала я, отказываясь признать очевидное.

«Жар, признаки лихорадки».

Поспешно потрогала влажной ладонью лоб. Нормальный же! Вообще, никакого жара.

— Святые демоны, кому я вру?

Потерев переносицу, я закрыла Брунгильду и позволила ей спокойно заснуть. Книга дала исчерпывающий ответ. Стоило признать, что в моем гениальном плане по возвращению свободы и обретению независимости случилось непредвиденное обстоятельство. Я сама себя приворожила к Калебу Грэму!

ГЛАВА 6. Дом с Калебом

На самом деле было неважно, как именно случилось странное: нанюхалась ли я паров приворотного зелья, уткнулась ли носом в рукав, пропитанный концентрированным любовным хмелем, а заодно облизала его. Главная проблема заключалась в том, что если меня срочно не попустит, то влюбленная принцесса-дурочка Энни, вопреки привычкам, силе воли и здравому смыслу, превратится во влюбленную злую ведьму Эннари Истван.

— Вещь! — Я соскочила с подоконника и диковато огляделась вокруг. — В комнате должна быть его вещь!

Логично ведь! Иначе не взяло бы.

Встала посреди комнаты, раскрыла ладони и прикрыла глаза. Потом поняла, что перепутала части света и встала к северу задом. Перевернулась. Начала входить в транс, усиленно думая о Калебе. Образ появился очень быстро. Мужчина был одет в шикарный костюм «ослепительная нагота», что, конечно же, страшно радовало, но совершенно не способствовало успешному заклятию поиска.

— Быстро надень халат, бесстыжий!

Я поморгала быстро и до ряби в глазах, вроде как перелистнула пару страниц в книге с картинками. Однако именно эта книга была для взрослых, и картинки в ней оказались подобраны одна к одной. Калеба Грэма в одежде или хотя бы с кленовым листочком на выразительном месте не было! Он продолжал с удовольствием позировать без одежды.

Пришлось стоически сосредотачиваться на той его части, которая у меня не вызывала ровным счетом никаких эротических фантазий — на волосах. И только-только погрузилась в транс, в котором легко разыскивались потерянные вещи, как в дверь постучались.

— Да пойдите же все вон из гостевой башни! — рыкнула я. — В покоях никого нет!

— Эннари, открой! — проговорил из коридора Калеб и добавил через паузу, видимо, рассчитывая, что вежливость прибавит мне сговорчивости: — Пожалуйста!

Конечно, ближе к ночи я просеку, что любовный дурман заставлял меня искать нелепые причины, чтобы оказаться рядом с предметом вожделения. Да хоть бы постоять рядышком! Но в тот момент я ещё не понимала, что близко находилась не к Калебу Грэму, а к провалу всех планов, кроме дедовских матримониальных, и открыла дверь.

Жених стоял за порогом. По сердитым глазам было видно, что пришел с лекцией о хороших манерах. К счастью, полностью одетый. Комментарий об этом я мудро проглотила, неожиданно вспомнив, какими словами меня самую встретил несчастный Хардинг. Честное слово, после того, как нас с мэром обоих попустит, пришлю ему самый дорогой коньяк из замкового винного погреба! Бедный мужик реально заслужил. Если уж у меня от приворота настоящая душевная травма, то каково обычному человеку?

Калеба, к слову, было не жалко. Может, он тоже страдал всеми страшными симптомами любовной лихорадки, перечисленными Брунгильдой, но что-то больным не выглядел. Ярость ему была к лицу: похорошел, посвежел и приготовился вычитывать мораль о том, что приличные чародейки не душат галстуками собственных женихов. Особенно с помощью темной магии.

— Что ты оставил в моей комнате? — резко спросила я, пока он не успел приступить к вступительному слову.

— Я в твою комнату даже не заходил, — после паузы, явно пытаясь переварить неожиданный вопрос, ответил он.

— Уверена, ты просто забыл. Идем! Поищем вместе!

Я настойчиво открыла дверь шире. Пусть не стесняется и заходит! Но Калеб насторожился, видимо, злющая невеста для него была привычнее сговорчивее невесты, подозрительно зазывающей в гости.

— Эннари... у тебя жар?

Он протянул руку и положил прохладную ладонь мне на пылающий лоб. Прикосновение, как удар молнии, пробило до самого затылка, даже в ушах зашумело.

— Однозначно у тебя жар, — поставил диагноз Калеб.

— Скажи... — пробормотала я и, подавив желание, как кошка, потеряться макушкой о его ладонь,

отстранилась. — Брунгильда так же сказала: жар, бессонница, честность и все такое прочее. Аж бесит!

— Кто такая Брунгильда?

— Моя книга.

— Кажется, ты уже начинаешь бредить.

— Да, похоже на то, — послушно согласилась я, пытаюсь припомнить, имелись ли у Брунгильды упоминания по поводу горячечного любовного бреда. — Пойду приму порошки от бессонницы и просплю недели три. Глядишь, проснусь, а уже попустит.

Я попыталась закрыть дверь, но гость, не размениваясь на магию, быстро подставил ногу. Запереться не удалось, а только от души прищемить Калебу туфлю. Он стоически проглотил ругательства, но глаза на секунду покраснели. Видимо, было больно.

— Прости, Кaleb!

Святые демоны, я попросила прощения?

— Ты попросила прощения?! — изумился он ничуть не меньше, возможно, больше меня самой и быстро убрал ногу, видимо, углядев угрозу. — Эннари, ты, похоже, совсем разболелась! Идем-ка, я уложу тебя в постельку...

Это предложение только в моей туманной голове прозвучало так же волнительно, как в «интересной» книжке, возвращенной Холту?

— В чью? — зачем-то спросила я.

— Варианта два, но боюсь, второй тебе не понравится, — хмыкнул Кaleb, не догадываясь, что строптивая невеста одурманила себя любовным зельем и все, что «второй вариант», не просто ей нравилось, а вызывало неприличный восторг.

Он ловко потеснил меня вглубь гостиной и подхватил на руки, как пушинку. Не то чтобы кто-то сопротивлялся объятиям. Не будь душой, я крепко схватила его за шею и прижалась покрепче. Пусть не думает, будто сможет меня уронить на полпути к кровати! Донесет, как миленький, коль взялся помогать измученной любовной лихорадкой невесте.

— Мне нечем дышать, — пробормотал он.

— Терпи, — буркнула я.

До постели добрались оба в целости и сохранности. Ни один не задохнулся и не сверзился на пол из сильных мужских рук. Кaleb аккуратно уложил меня на кровать и заметил босые ноги. К слову, прилично заledenевшие на местных холодных полах.

— Где твои домашние туфли?

— Засыпаны золой, — туманно пояснила я. — Это не фигура речи, поэтому я уже отомстила.

— Кто-то проклят?

— Не сказала бы, что кто-то проклят, но на приглашение пошалить непременно стоит отвечать. Чтобы не повадно было. Если вдруг в замке поднимется всеобщая истерика, то знай: они начали первыми.

Он накрыл меня пледом, лежавшим в изножье кровати.

— Поспи немного. Может, стоит вызывать знахаря?

К сожалению, приворот лечился или временем, или магией. Чем тут знахарь поможет? Разве что профилактические розги выпишет на случай проявления какого-нибудь нового симптома.

— Ты будешь хорошим мужем, Кaleb. Заботливым и наверняка справедливым, — озвучила я неожиданно возникшую в голове мысль, словно вновь страдала несдерживаемой честностью.

— Я тебе теперь нравлюсь?

— По-прежнему нет, — скривилась я, чуть не ляпнула, что влюблена в него и прикрыла глаза, делая вид, будто пытаюсь заснуть.

Некоторое время в комнате висело странное молчание. Кaleb не двигался с места и облегчать мне

симптомы любовной лихорадки, самоустранившись за дверь, что-то не торопился.

— Почему ты ещё здесь? — приоткрыла один глаз и посмотрела недобро. Конечно, если можно недобро смотреть с одноглазым прищуром.

— Хотел кое-что обсудить, но не сейчас, — ответил он.

— Ты хотел обсудить утро в торговой лавке с Люсиль? — пробубнила в подушку я. Следовало радоваться, но меня почему-то бесила мысль, что план удался.

— Люсиль фигурирует в этом разговоре, — туманно отозвался он. — Отдыхай, Эннари.

— Как тебе тот галстук? — спросила у Калеба, когда он практически вышел из комнаты. Вообще-то, стоило промолчать, но не хватило силы воли проглотить обидные слова, не дав им, так сказать, несвоевременного выхода.

Он обернулся с ленивой улыбкой на устах.

— Я его купил.

Наконец источник вождения, губительный для всех моих принципов, покинул покои. Немедленно поднявшись с кровати, целых пятнадцать минут я терзала заклятие поиска. Ничего не нашлось: ни запонок Калеба, ни пуговички, ни ниточки, ни даже волоска (абсолютно все сварила), а именно на них я делала мысленную ставку.

Но всем известно, что тот, кто ищет, тот обязательно находит! Вооружившись этим оптимистичным правилом последних неудачников, я незамысловато обшарила комнаты и нашла золотую сережку, видимо, принадлежащую какой-то из подружек Эбигейл. Плохая находка тоже находка, в сторону девицы отправилось заклятие, превращающее волосы в воронье гнездо. Пусть в следующий раз думает, как драть вещи темной чародейки.

Но я не теряла оптимизма. В конце концов от каждой болезни есть снадобье и от любовной лихорадки тоже. Да в нашем мире — некроманты не дадут соврать — даже смерть не приговор!

— Брунгильда, — пробудив магическую книгу, вновь обратилась я к верной наперснице, — найди рецепт отворотного зелья.

Гримуар послушно зашуршал страницами, остановился на главе с серыми страничками. Я пробежала глазами по рецепту, пару раз прочитала ингредиенты... В общем, от любой болезни (даже от дурости), конечно, есть снадобья, и смерть в магическом мире весьма относительное понятие, но... как бы... не хотелось пить зелье, которое вполне может приблизить это самое «относительное понятие». Мало что запутанное, так еще и для здоровья опасное. Гадость, в общем, а не магия!

Неожиданно в голову пришла новая идея: нужно притушить симптомы любовной лихорадки и потерпеть! Ведь когда-нибудь действие приворотного зелья закончится. Конечно, хотелось бы, чтобы это пресловутое «когда-нибудь» случилось раньше, чем позже, но я умею ждать и сила воли у меня натренированная!

— Брунгильда, что притупляет действие любовного дурмана?

Она мгновенно открыла разворот, где черным по белому умный темный маг из семьи деканессы Торстен написал, что мне следовало принимать самые банальные валерьяновые капли.

— Прекрасно! — обрадовалась я и вспомнила, что флакон с каплями был бездарно уничтожен. — А может не очень...

Не мудрствуя лукаво я вытащила из запасов успокоительную настойку, в состав которой входила валерьянка. От большого глотка, сделанного прямо из горлышка, перехватило дыхание. Казалось, что изо рта, как у дракона, вырвется огненное дыхание.

— Святые демоны! — сиплым шепотом выдохнула я и сунула в рот мятный леденец от кашля. Не сказать, чтобы сильно помогло потушить пожар, но по крайней мере расхотелось плевать пламенем.

Я ждала ошеломительно эффекта целых пять минут, гипнотизируя недовольным взглядом настольные часы, и решительно поднялась с кресла. Пришло время проверить опытным путем, насколько полезен совет Брунгильды. Для чистоты эксперимента хлебнула ещё настойки, разжевала леденец и с самым целеустремленным видом, обувшись в туфли с испорченным каблуком, направилась в соседние покои.

— Тебе стало легче, — резюмировал Калеб, когда открыл на категоричный стук, взбудораживший

гостевую башню.

— Кaleb, потрогай мой лоб! — приказала я и даже указала пальцем, что именно ему следовало потрогать.

Рассчитывала, что он сначала предупредит, мол, приготовься, Эннари, морально, сейчас я к тебе прикоснусь, но Кaleb просто плюхнул ладонь мне на лоб. И никаких: «На счет три, стартуем!» Почему-то бесцеремонность меня ошеломила. Я уставилась на него так, как мышь на удава. Сердце в груди бухало и пыталось проломить ребра.

— Ты горишь, — резюмировал он, убирая руку.

— Угу.

— И покраснела, — добавил он.

Я развернулась на каблуках и пошла обратно в комнату. Видимо, двух глотков было мало, следовало сделать четыре. Не стала мелочиться и отпила побольше, сунула в рот горсть леденцов от кашля. От переизбытка перечной мяты чуть не вылезли на лоб глаза.

Кaleb открыл во второй раз и спросил, уже не пытаясь скрыть иронии:

— Снова проверить жар?

— Действуй! — махнула я рукой.

Ладонь легла мне на лоб. Сердце отдалось тремя тяжелыми ударами.

— Ты по-прежнему горячая, — изучая пристальным взглядом мое пылающее лицо, объявил Кaleb.

— Угу, — согласилась я, отводя его руку, и вернулась в покои.

Флакoн был ополовинен, леденцы от кашля закончились, и заедать стало нечем. Пришлось набраться сил и дохлебать, а закусить, чем бог послал, то есть ничем материальным, только воздухом и бранным словом. Я вышла в коридор, готовая к новым экспериментам. Кaleb стоял, сложив руки на груди и привалившись плечом к косяку своей двери. Ждал меня. Какая умница! Зря на мужчин наговаривают, что они совершенно неуправляемые без черной магии. Некоторые из них очень быстро поддаются дрессировке.

— Ты знаешь, что делать... — произнесла я, приблизившись.

Он не торопился предоставлять по-мужски большую ладонь, чтобы на ощупь оценить температуру, а спросил:

— Ты в курсе, что успокоительная настойка от лихорадки не помогает?

— За дуру, что ли, меня принимаешь? Я ещё съела леденцы от кашля, — проворчала я.

— И как?

Абсолютно уверена, что мы говорили о разных вещах.

— Сам не видишь? Без изменений, — коротко отпартовала я. — Зато есть один несомненный плюс.

— Какой? — вежливо поинтересовался он.

— Я по-прежнему чувствую себя паршиво, но меня это больше не беспокоит.

— Очень интересный подход к лечению лихорадки, — насмешливо резюмировал Кaleb и любезно предложил: — Давай поступим по старинке и вызовем из столицы знахаря?

— Да мне и так уже нормально, — отмахнулась я и широко зевнула, обнаружив второй плюс в лечении любовной лихорадки валерьянкой. После выхлебанного флакона успокоительного я была не просто спокойной, как бронзовый отец-основатель на площади перед мэрией, а еще засыпала прямо на ходу.

Вообще, Брунгильда дала замечательный совет выпить успокоительного. Пока не ослабеет действие приворотного зелья, Кaleb будет казаться мне самым соблазнительным мужиком во вселенной, но валерьянка определенно позволит пережить эти страшные дни достойно. В смысле, не кидаясь семь раз на дню в соседние покои, чтобы потрогать лобик. Ну и не проклясть ни в чем не повинную Люсиль, которая просто рядом стоит и ведать не ведает, что обязана стать госпожой Грэм.

— Спокойной ночи, — махнула рукой Калебу.

— Сейчас середина дня, — напомнил он.

— Ага, знаю.

— Эннари, — уже в спину позвал он, — на всякий случай не опечатывай дверь магией, просто закройся на ключ. Не хочется ее снова ломать, если что.

Окатив его выразительным взглядом, я ввалилась в комнату, щелкнула три раза замком. Приложила ладонь, чтобы поставить печать, но передумала. Вряд ли она выдержит второго набега от Калеба Грэма. Он же самый сильнейший маг Сартара!

И почему это мысль меня страшно волновала? Не сейчас, конечно, а в глобальном плане.

Я проснулась через несколько часов, в темноте гостевой спальни и с осознанием, что до помешательства влюблена в Калеба Грэма. Некоторое время лежала неподвижно, выдыхая запах горьковатого увядания — запах яблочной падалицы и первых осенних костров, принесенный услужливым ветром, и пыталась выкинуть из головы эту абсурдную мысль. Но во время сна без сновидений идея успела пустить корни и выкорчевываться не хотела.

Кое-как соскребя себя с кровати, я добралась до ванной и поплескала в лицо ледяной воды. Глянула в зеркало и немедленно поплескала еще, надеясь смыть с себя физиономию бледного странного существа с сухими губами и неестественно расширенным зрачком. Клянусь, если бы некромант сейчас выбирал нового домашнего питомца, то принял бы меня за умертвие и отверг, как самого жалкого представителя воскрешенных.

С решимостью, явно достойной лучшего применения, я направилась в соседние покои, чтобы вытащить из подушки Калеба спрятанный платок. Помня, как вломила в прошлый раз, а он сидел в кресле, рисковать не стала: приложила ладонь к двери и проверила гостиную со спальней с помощью магии. Комнаты были пусты. Я взломала замок и все-таки позвала:

— Кaleb, ты здесь?

В ответ тишина, в которой ощущалось неодобрение от нахального вторжения.

— Чудно, — пробормотала и направилась в спальню, где на большой кровати со столбиками, но без балдахина, лежала заветная подушка. От движения в комнатах пробуждались магические огни. Приходилось их мигом тушить, чтобы никто с улицы не заметил, что в гостевых покоях загорается свет.

Я забралась на постель, вытащила из-под одеяла нужную подушку и уже практически растегнула пуговицы, готовая запустить руку в перья, как за спиной прозвучало:

— Эннари, что ты делаешь в моей кровати?

Какой замечательный и своевременный вопрос! На меня нахлынуло страшное осознание, что под действием любовного зелья я едва не совершила вселенскую ошибку. Приворот пройдет, а Кaleb Грэм останется моим мужем на веки вечные, пока смерть не разлучит нас. И не факт, что разлучит! Я не знаю, написал ли он завещание, в котором запрещал всяким приبلудным некромантам приближаться к его останкам и воскрешать.

— Хотела взять взаймы подушку, — ляпнула, что пришло в голову, но голова соображала туго, и ложь прозвучала нелепо, но пришлось продолжить: — На моих спать просто невозможно, снится страшная ересь, хоть вообще не засыпай.

Я обернулась и натуральным образом застыла. Он стоял посреди комнаты в одних домашних штанах на завязках, так низко сидящих на узких бедрах, что становилось очевидным, под ними не было ничего, кроме костюма «ослепляющая нагота». Влажные волосы льнули к шее и оставляли на плечах капли воды.

— Господи, Энни, ты отвратительно выглядишь! — произнес он с тревогой в голосе и двинулся к кровати: — Уверен, что у тебя жар. Тебе точно нужен лекарь! Давай лоб потрогаю!

— Нет! — рявкнула я, выставив вперед раскрытую ладонь, и прижалась к изголовью кровати спиной. — Не подходи, иначе я тебя огрею заклятьем неподвижности! Ты почти голый!

Мысленно я попыталась вспомнить пятнадцать проклятий, но почему-то начала перечислять названия мускулов. Пресс, косые мышцы живота, что-то там на руках... знала, как они назывались из краткого курса некромантии, но вспомнить не удавалось. В общем, разбор красивого торса на составляющие явно не способствовал стойкости перед соблазном.

— Ты что, стесняешься? — изогнул этот «соблазн» брови и поставил руки на пояс. Мускулы стали рельефнее, резко очертились ключицы.

Мать всех демонов, за что ты так со мной?

— Я что, никогда не видела мужского торса? — фыркнула презрительно. — Просто боюсь, что заражу тебя лихорадкой. Держи дистанцию и не шевелись.

Для вида я даже покашляла. По-моему, получилось не очень естественно.

— Уверен, что от легкого насморка не издохну, — хмыкнул он, вполне серьезно собираясь меня потрогать за лоб. Если бы он только знал, сколько при мысли об этом прикосновении у меня появилось фантазий, то сильно подивился.

— Кaleb, ради всех святых демонов, просто замри! И немедленно надень рубашку!

— Я не могу надеть рубашку, не шевелясь, — заметил он. — Можешь сделать так, чтобы она сама на меня оделась? Вещи в гардеробной.

«Ну что, светлый чародей, попался?» — ослабилась внутри меня темная магия. — «В обмен на чары я хочу твою душу, тело и раз тело!»

Магия, на кой демон, нам сдался Кaleb Грэм с его душой, телом и прочими высокоморальными тараканами? Нет, понятно, что сейчас он нам очень-очень нужен, просто до зарезу, но что мы с ним будем делать потом? Он же нас лекциями о хороших манерах изведет! Что за жлобство, честное слово?! Из него черный прислужник, как из меня фея-крестная!

— Кaleb, я не собираюсь заключать с тобой сделку! — осуждающе воскликнула я. — Отомри и отправляйся за одеждой. Мы понятия не имеем, что у меня за хворь. Вдруг она передается через трение кожи... прикосновения... вообще, просто передается, как черная чума?

— В таком случае, я уже подхватил этот недуг, когда нес тебя в кровать.

— Вряд ли. Мы были в одежде.

— Я трогал твой лоб.

— Уверена, что днем я была незаразная. Иди уже! Одевайся! — повелительным жестом указала в сторону чулана, в котором в моих покоях была гардеробная.

Едва он скрылся из спальни, я соскочила с кровати. Запутавшись в юбке, чуть не рухнула на ковер, но, несмотря на почти непреодолимые трудности, успела сбежать. Оказавшись на своей территории, привалилась спиной к двери и вдруг осознала, что одной рукой прижимаю к боку сворованную подушку!

— Проклятие, Энни! Она-то тебе зачем?

И ладно бы, взяла ту, в которой был спрятан платок Люси — в этом случае глупый грабеж имел бы смысл. Я стащила абы какую подушку в шелковой наволочке, пахнущей ледяным благовонием Калеба! Словно подсознательно собиралась ею защищаться, если бы он передумал надевать рубашку и скинул штаны. Ну... или ею же оглушила, чтобы не сбежал обратно в гардеробную и не оделся в глухую ясу.

В общем, следовало признать, что близость объекта вожделения действовала на меня отупляюще и заставляла забывать абсолютно все ведьмовские принципы. Решено! С этой минуты ухажу на самоизоляцию. В конечном итоге действие приворота закончится, а цель завоевать весь мир останется.

Раздался тихий стук в дверь. От неожиданности я едва не подскочила.

— Это я, — произнес «ходячий соблазн» из коридора.

Решено! Последний раз на него смотрю и ухожу на самоизоляцию.

Спрятав подушку за дверь, я выглянула наружу. Кaleb был пристойно одет. В руках он держал еще одну подушку. Он же не пришел, чтобы поспать вместе?

— Держи, — произнес он, протягивая ее мне. — Ты сказала, что на твоих невозможно спать.

— Точно... — Я зачем-то забрала и вторую подушку, хотя бы очевидно, что теперь ими можно обложиться с головы до ног, чтобы не скатиться с огромной кровати и не расшибить лоб. В моем случае, возможно, именно удар о пол помог бы вернуть стремительно исчезающий разум.

— Ты уверена, что знахарь не нужен? Выглядишь неважно.

— Не обязательно быть таким честным, Калеб Грэм, — буркнула я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Эннари. — Он внимательно посмотрел мне в глаза, словно что-то хотел сказать, но вновь передумал, развернулся и уверенной походкой пересек расстояние между нашими покоями. Меланхолично хотелось посмотреть, как за ним закроется дверь, но я поборола недостойное темной чародейки желание и заползла обратно в логово. На самоизоляции.

Спасение пришло утром! Нет, меня вовсе не попустило, более того, кажется, стало даже хуже: воображаемый Калеб Грэм теперь был не просто полубожен — вокруг его головы летали маленькие блестящие звездочки. Но в почтовой шкатулке появилось послание от торговца недвижимостью, хотя раньше следующей недели вестей я не ждала. В конверт он вложил черно-белую карточку мрачного каменного особняка в один этаж, с эркерным окном и остроконечной крышей с каминной трубой. Просто чудесный старый дом!

На обратной стороне был написан адрес в одном из респектабельных предместий столицы, а ещё стоимость... Пару раз я приближала карточку к глазам и отдаляла, почти уверенная, что любовный дурман окончательно затуманил мозг и испортил зрение. То, насколько некоторые люди были нескромны в желании нагреться на честных темных чародеях, прямо сказать, озадачивало. В общем особнячок под магическую лавку был хорош, но цена безнадежна для моего кармана.

Уныло я открыла приложенную записку. Торговец говорил, что мы «чуточку» не вписались в озвученную сумму, но хозяин, светлый маг, узнав, что лавкой заинтересовалась одна из внучек пресветлого, готов обсуждать цену и хочет встретиться лично. Сегодня, в три пополудни.

Немедля ни секунды я отправила ответ, что непременно буду в указанное время, и начала собираться. Вернее, остановилась в дверях разграбленной гардеробной, вновь обнаружила бардак и страшно разозлилась. От дурного настроения отправила девице, искромсавшей мое любимое платье, проклятье путаницы, когда у человека на одежде сами собой затягивались узелки и спутывались все завязки. Пусть сегодня срезает одежду теми же портняжными ножницами, что выстригала из серебристого лифа цветочек!

С самым мрачным видом вспоминая всех чародеек замка недобрыми словами (всех, кроме Летти), я выбрала платье, пострадавшее меньше остальных, и отремонтировала с помощью магии. Понятно, что через пару недель рукав все равно оторвется и придется нести платье к модистке или просто выбросить, но на короткую поездку до столицы и обратно точно хватит.

На тот случай, если придется заночевать в гостевом доме, я бросила в небольшой дорожный саквояж смену исподнего, кое-какие женские мелочи, положила в напоясную кожаный кошелек деньги. Через десять минут я стояла на пороге дедовского кабинета и следила через отражение в зеркале, как он с недовольным видом подвизывал форменный плащ королевского мага.

Пока Парнас навел блеск и буравил меня недовольным взглядом, старенький камердинер мягкой тряпочкой полировал золотое навершие магического посоха и изучал в нем мое искривленное отражение. Другими словами, они, похоже, были не очень рады меня видеть с саквояжем в руках. И только мэру Догеру было глубоко наплевать, зачем темная Истван явилась с утра пораньше. Он злобно разувал занавески, притворяясь не призраком, а свободным ветром, хотя все окна были намертво законопачены. Дед ненавидел сквозняки.

— Доброе утро, дедушка! — улыбнулась я его отражению.

— Калеб сказал, что ты приболела, — отозвался он.

— То есть вы знали, что младшая внучка болеет и даже не навестили меня в гостевой башне, — укоряюще сощурилась я.

— За тобой присматривал жених, — недовольно отозвался тот. — Как самочувствие? Выглядишь хорошо.

Еще бы! Я починила платье, гладко зачесала волосы и завязала сложный узел, накрасила губы красным цветом и вскарабкалась на высоченные каблуки. Продавец моего будущего дома должен понимать, что перед ним вовсе не девчонка, а темная чародейка. И желательно, бояться, а не смотреть с любопытством.

— Что вчера произошло с замковыми девицами? — спросил он. — Слышал был большой переполох.

— Откуда мне знать? Я вчера не выходила из гостевой башни.

— И с утра пораньше пришла за деньгами? — проворчал Парнас, словно бы мысль о деньгах, возникшая до полудня, была ему глубоко противна.

— За какими? — искренне озадачилась я.

— Никакими, — моментально нашелся Парнас.

Тут я вспомнила, что вчера заработала денег просто за то, что слетала посмотреть на мужчину, которого сама же приворожила и протянула:

— Так вы о деньгах за мэрию... Готова простить ковену долг, если вы подбросите меня до столицы.

От наглой просьбы у камердинера выпала из рук тряпочка, у Парнаса отпала челюсть. Оба забыли их подобрать.

— Эннари Истван, ты что же, считаешь, что я наемный извозчик? Даже денег предложила! — гневно прогрохотал дед, но под конец голос все равно истончился, и рык перерос в растерянный кашель.

— Пресветлый, водички выпейте, — засуетился старенький камердинер, мигом подавая деду стакан с водой. Тот отказываться не стал, ополовинил одним глотком.

— Вы же все равно во дворец собираетесь, — пожала я плечами. — Ладно, возьму карету...

— Пресветлый, — тихонечко забормотал камердинер, — карету забрал господин Грэм и куда-то изволил уехать с самого раннего утречка.

Упоминание о Калебе отозвалось в моем измученном приворотом сердце болезненной судорогой. Если естественная любовь утомляет и выматывает так же сильно, как наведенная магическим зельем, то я искренне сочувствую влюбленным всех семи королевств. Ребята, как же вас так угораздило-то?!

— Тогда, дедушка, отдайте мне десять золотых, — нахально попросила я, — как раз на наемного извозчика хватит.

— Ладно! — рыкнул он, не желая расставаться с деньгами. — Уговорила! Перейдем вместе!

Все-таки Парнас, один из богатейших магов Сартара, был на редкость прижимист. Так и знала, что из жадности переместит меня в столицу порталом, и я сэкономлю пару часов времени на покупки. Без пары новых платьев все равно обойтись не удастся, даже если совсем не хочется заниматься примерками.

— И какие у тебя дела в столице? — буркнул он, видимо, исключительно из принципа.

— У меня вчера неожиданно закончилась одежда, хотела что-нибудь присмотреть к помолвке, — с самой невинной улыбкой соврала я.

Ответ дед не прокомментировал. Уверена, он знал, что девицы начудили в гардеробной, за что и были немедленно наказаны. Он всегда знал, что происходит в замке, даже в то время, когда я не умела защититься от травли, а уж тем более достойно ответить. На часовую площадь в столице он перенес меня прямо из коридора. По-моему, очень удобно. Сюда, как в большое полноводное озеро, стекались торговые улицы-реки и вливались переулки-ручейки с крошечными магазинчиками.

Погода в столице, в отличие от Иствана, была паршивенькая. Хмурое серое небо давило на шпили королевских башен, грозило вот-вот посыпать мелким дождиком. Я чувствовала его приближение в воздухе. Вокруг суетился народ. Наше тяжелое перемещение практически под ступеньки часов, поднявшее кольцо возмущенного воздуха, пыли и грязи, заставило прохожих брызнуть в разные стороны и испугало лошадей. Вокруг зашептались, возницы принялись успокаивать животных. Парнас даже глазом не дернул. Мы распрощались. Он вновь ударил посохом и, обдав меня яростным потоком воздуха, растрепавшим прическу, исчез.

— Мог и поаккуратнее, — буркнула я, деловито поправляя выбившиеся из гладкого узла черные пряди.

Утро было потрачено на покупку кое-какой одежды, флаконов с валерьянкой, потом характерно звякавших в саквояже, и сувенира для Холта. Он любил подарки, желательно такие же странные, как дарил сам. Кожаный браслет с застежками, сделанный каторжником, наверняка придется ему по вкусу. Не исключаю, что он его прицепит на домашнее умертвие маменьки вместо ошейника, но точно две секунды порадует. Конечно, хозяин кожевенной лавки соврал, что лично собирал украшение, резал, шил и подгонял, но темную-то магию не обманешь. Пообедав знаменитым сартарским супом в ржаном хлебе, на наемном экипаже я отравилась в предместья столицы.

В живую дом выглядел гораздо лучше, чем на черно-белой карточке. Он стоял в стороне от дороги, и к нему от потемневшего почтового ящика вела каменная длинная дорожка, через плитки которой

пробивались желтые травинки. И никакого сада или нелепых грядок с помирающими цветами. Только густое одеяло плюща на одной стене, практически дотянувшегося до каминной трубы.

Торговец недвижимостью оказался невысоким лысоватым господином в несколько помятом костюме. Он не позволил себе разглядывать меня, хотя в маленьких глазах нет-нет, но мелькало острое любопытство.

— Госпожа Истван.

Не боясь, он протянул мне руку. На пальце поблескивал сильный, явно сделанный на заказ амулет-печатка, защищающий от глаза и темный проклятий.

— Добрый день, — ответила я на рукопожатие.

— Хозяин скоро прибудет, — сказал он, доставая из кожаного портфеля связку ключей. — Вы пока можете осмотреть комнаты.

Мы двинулись по дорожке. Старые, изъеденные временем и дождями плитки крошились под высокими каблуками.

— Вы должны непременно торговаться и сбивать цену, госпожа чародейка, — наставлял он, беспрестанно оборачиваясь через плечо. — А если хозяин упрется, то пригрозите проклятием.

— Это противозаконно, — на всякий случай сухо заметила я.

— Не переживайте за закон, я подтверждаю, что вы оборонялись. В прошлый раз нам с одной вдовой удалось почти за бесценок купить двухэтажный особняк, — подмигнул он.

Внутри дом показался размером больше, чем выглядел снаружи. Он словно весь стремился вверх, к небу: высоченный потолок, длинный эркер с широким каменным подоконником, узкий камин. Пыли не было, чехлы, скрывающие мебель, выглядели белыми и чистыми, словно помещение только-только убрали, но на самом деле просто наложили светлое бытовое заклятье. Почти уверена, если развеять магию, то половина предметов рассыплется на части в первые пару недель.

— И как вам? — спросил торговец.

— Неплохо, — не стала я выказывать интереса, который испытывала.

Если оживить комнаты, то в доме будет прекрасно. Под «оживить» имеется в виду вовсе не интерьер, красоты обстановки меня мало интересовали, а духи-хранители. Библиотечная нежить очень хотела переезда на новое место, книжки ей надоело перебирать и расставлять? Добро пожаловать! Получите новый дом, обживайтесь и наводите в нем порядок.

Я изучала кухню с большим очагом и добротными посудными шкапами, когда торговец радостно затараторил:

— Господин чародей, рад вас снова видеть! А мы, с вашего позволения, уже осматриваемся.

— Намного я опоздал? — прозвучал холодный и очень знакомый голос, говорящий с властными, отчужденными интонациями, которые заставляли собеседника чувствовать себя ничтожным. Сердце не просто екнуло, а пропустило несколько очень нужных ударов. Оказалось, что моя идеальная мастерская принадлежала семье Грэм!

— Нет-нет, вы поразительно пунктуальны, — лебезил торговец. — Мы приехали раньше.

Раздались шаги. Я смотрела на двери кухни, когда в них вошел Калев. Мы мгновенно встретились взглядами, и на комнату опустилась глухая тишина.

— Госпожа Истван, — тихо произнес он с мягкой полуулыбкой. — Вы чудесно сегодня выглядите. Мне нравится цвет вашей помады.

— Здравствуйте, господин Грэм, — улыбнулась я, решительно не замечая, что сердце бьется где-то в горле. — Мне тоже отрадно видеть в вас в пиджаке.

— Так вы знакомы, и вас не надо представлять! — наконец догадался торговец, видимо, опасаясь, что сейчас в крошечной кухне начнется магическое столкновение. — Что ж, тогда вы переговорите, я подожду на улице.

Он быстро скрылся из кухни. В глубине дома прозвучали шаги и осторожно, словно боясь потревожить призраков, закрылась входная дверь. Некоторое время в тишине мы рассматривали друг друга. Первым прервал молчание Калев.

— Этот дом принадлежал моей бабке. Она переехала сюда, когда покинула семейное гнездо. — Он разорвал зрительный контакт и прошел вдоль кухонных шкафов, аккуратно провел пальцами по краю чистой столешницы. — Зачем вы хотите купить ее дом, госпожа Истван?

— Почему вы его продаете, господин Грэм?

— Дом стареет и ветшает. Ему нужен новый хозяин, который поселит духов-хранителей, или просто поселится здесь с семьей, откроет торговую лавку и будет продавать разную чепуху. Бабка была неуживчивой темной чародейкой и забрала с собой призраков, когда ушла на тот свет.

— Она была темной? — тупо повторила я, вдруг осознавая, что фактически ничего не знаю ни о человеке, которого дед выбрал мне в мужа, ни о его семье.

— Настоящая ведьма. Одна из тех, кому не обязательно писать завещание, ни один некромант не решится ее поднять из могилы, — насмешливо произнес он. — Уверен, вы подружились бы. Тебе нравится ее дом?

— Он с характером, но пустой.

— После свадьбы он будет твоим, как и все, что у меня есть. Об этом написано в нашем с Парнасом соглашении, — произнес Калев.

— Ты и замужество по-прежнему не вписываются в мои планы, Калев.

— А бабкина лавка?

— Вполне.

Неожиданно я осознала, что пока мы говорили, он незаметно продвигался по кухне. Чтобы стереть расстояние между нами был нужен всего один шаг, который он и сделал. Я оказалась прижатой к кухонному прилавку.

Близость выбила из головы абсолютно все мысли. Осталось только жгучее желание запереться в спальне, скрытой от дневного света внешними ставнями, сорвать с кровати простыню и предаться с Калевом всему тому, что мне снилось две ночи подряд.

— Сколько вы готовы заплатить за этот дом, госпожа Истван? — прошептал он практически мне в губы.

— Половину от вашей стоимости, господин Грэм, — словно со стороны я услышала в своем голосе чувственную хрипотцу.

— Таких скидок не дают, — произнес он, не сводя взгляда с моего рта.

— Верно, и именно поэтому покупать я передумала. Вы его отдадите мне в качестве отступных после разрыва брачного соглашения. Обещаю, что с радостью приму его и не буду иметь к вам никаких претензий...

Внезапно он поднял руку и большим пальцем провел по моим губам, словно пытался стереть карминовый цвет. От горячего прикосновения у меня перехватило дыхание и чуточку помутнело в голове.

— Прости меня, малышка Энни, — тихо-тихо вымолвил Калев и поднял глаза, его зрачки оказались расширенными, а взгляд странным. — Я очень стараюсь не пользоваться ситуацией, но ведь никто из нас не идеален, так? Знаю, что уже вечером я не смогу тебя поцеловать и не огрести проклятия. А проклинаешь ты с большой фантазией.

— Что значит, поцеловать? — тихо спросила я, не совсем уверенная, что он действительно прошептал все эти ужасно соблазнительные вещи, и у меня не случилось галлюцинации. — Я ведь не ослышалась...

Калев заткнул меня глубоким, страстным поцелуем. Он оказался демонически божественным, этот самый поцелуй. Особенно прекрасно в нем было то, что невыносимо горячий ком напряжения, теснивший грудь последние сутки, растаял и стек куда-то вниз живота. И это было даже приятно. В голове взорвался разноцветный фейерверк, перед глазами закружились светящиеся звездочки. Такие же, что в фантазиях вертелись вокруг волос жениха.

Я отвечала со страстью и желанием, накопленными с первого нескромного сновидения, а в голове коварно подсчитывала, как претворить в жизнь хотя бы парочку элементов этого самого сна. Попыталась закинуть ногу ему на пояс, но в юбке, что-то хрустнуло. С гардеробом у меня имелись большие проблемы, поэтому с акробатикой пришлось немедленно покончить и без изысков вцепиться в его пиджак. Чтобы не вырвался, не сбежал и не отстранился!

Неожиданно в наш маленький праздник жизни ворвалась реальность. Она покашляла с порога и голосом торговца недвижимостью осторожно напомнила:

— Господа чародеи, очень неловко прерывать осмотр дома, но времени у меня еще десять минут.

— Святые демоны... — разозлилась я, — не видите? Мы договариваемся о цене!

Порыв воздуха заставил надоеду сдвинуться за порог. Дверь резко захлопнулась, скрывая кухню от чужих глаз.

— Ой! — охнул он из соседнего помещения.

С хлопком закрылись внутренние ставни, и комната погрузилась в жаркий полумрак. Кaleb отстранился, уперся ладонями в столешницу, заключив меня в ловушку, и опустил голову. Мы оба пытались вернуть дыхание и жаждали продолжения. Я понимала, что во мне говорила фальшивая любовь, но этот факт не коробил.

Он поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Эннари, ты поразительная.

— Тогда почему мы остановились? — тихо, но требовательно спросила я.

— Никогда не угадаешь, что ты выкинешь в следующий раз, — продолжил он и аккуратно заправил мне за ухо выбившуюся из прилично, вернее, неприлично растрепанной прически прядь волос. — Твоей целеустремленности, изворотливости и хитрости можно только позавидовать. Я действительно восхищен!

— И мы вновь говорим не о покупке дома, — резюмировала я.

— Нет, о твоём плане.

И демоны меня подери, если я не понимала, о каком именно плане сейчас шла речь!

— Он несомненно сработал бы, если бы не одна деталь... — Он посмотрел мне в глаза. — Я не восприимчив к любовным зельям.

ГЛАВА 7. Гибкость принципов

От удивления я не смогла подобрать ни одного ругательства, достойного такого грандиозного провала черной магии. Провала тысячелетия, реквиема по всем любовным зельям!

— А? — только и выдавила я, обнаружив потерю дара речи и связности мысли.

— Не расстраивайся. Приворот ты действительно сварила адский! На пару часов меня даже взяло. — Он ласкового погладил мой подбородок, а я была настолько ошеломлена, что не сопротивлялась покровительственному жесту. — Хотя кому я рассказываю? Ты ведь его на себе испытала.

Он развернулся, уверенной поступью пересек кухню и вышел. Из большой залы донеслись невнятные голоса. Я все ещё пыталась справиться с осознанием, что эти два дня мучилась и страдала понапрасну, как пришел торговец. Нос у него выглядел паршиво, заметно покраснел, но мужчина делал вид, будто ничего страшного не произошло, и покупатели каждый божий день разбивали ему лицо.

— Господин Грэм велел передать, что этот дом ваш, — выглядел он тоже ошарашенным. — Он оплатит все расходы, и я должен вернуть вам чек.

Понять бы, чем в понимании Калеба являлся этот дом: свадебным подарком или отступными?

В Истван я вернулась вечером, когда землю окутали грязноватые сумерки. Хмурая столичная погода добралась и до провинции. Серое небо давило на башенные шпили, окна замка оставались темными, отчего он казался мрачным призраком.

Извозчик наемного экипажа, как водится, остался на ночь в людских, а я поднялась в гостевую башню. За вечер на лестнице заметно похолодало, даже хотелось поежиться. Обычно с приходом холодов древние духи, живущие в замке, зажигали в каменных стенах огненные жилы. В обжитых комнатах становилось сносно и не возникало желания натянуть трое вязаных чулок и меховой плащ. Но пока духи спали, словно не чувствуя, что Истван принялся атаковать осенних холод, и каменная кладка дышала холодом.

Поднимаясь в покои, я мечтала зажечь камин, плюхнуться в теплую ванну, а потом проглотить полпузырька валерьянки. Успокоить нервы, смирить разбушевавшуюся чувственность и уснуть, но на кофейном столике обнаружился подарок. В высокой вазе с узким горлышком стояла подвядшая, потерявшая пару лепестков роза. Помня о том, что замковый девичник объявил мне войну, я не торопилась принимать к цветку, для начала вытащила из-под вазы карточку с запиской.

«Я буду в кабинете».

И пусть летящий, мелкий почерк был мне незнаком, я догадалась, что цветок оставил Кaleb. Видимо, это было приглашение к разговору.

Розы я терпеть не могла. Недолго думая, подняла натюрморт, чтобы выбросить из окна вместе с вазой, даже если эта ваза наследство от какой-нибудь прабабушки Грэм, и обнаружила, что жених напрочь забыл налить воды. Странно, как несчастное растение, дотянуло до конца дня.

А еще увядший, полумертвый бутон источал демонически божественный аромат, нежный и тонкий одновременно. Страшно подумать, но паршивая роза пахла лучше благородного пиона! Как пьянчуга, жадно вдыхающий запах дорогого вина из тайком откупоренной в погребке бутылки, я втягивала в себя розовый аромат, стараясь проглотить весь до капли.

Волшебный запах каким-то чудесным образом распутывал обжигающий узел, завязанный в животе, тушил комок пламени, застрявший в груди. Сердце перестало запыленно биться, голова прояснилась. Исчез мучительный образ полуобнаженного чародея с маленьким звездочками вокруг башки и рельефными кубиками на прессе, которые в реальности были не такими уж и рельефными. В фантазии их число постоянно менялось от шести до десяти, что физически было невозможно и эстетически, если смотреть трезвым взглядом, тоже выглядело паршиво. Впервые за два дня я почувствовала себя абсолютно, совершенно здоровой, но главное, в своем уме!

В этот ясный ум немедленно вернулись темные, но очень ясные мысли. Вспомнился поцелуй на кухне старого дома бабки Грэм, как я цеплялась за плечи Калеба, пыталась закинуть на него ногу...

— Прокляну скотина!

Рациональная особа внутри меня мгновенно вспомнила, что он два дня достойно держал оборону, хотя я вовсе не облегчала ему задачу. Но ведь старалась! На самоизоляцию ушла, в столицу уехала.

— Так вот и держал бы дальше! — ответила я собственным мыслям и вдруг осознала, что с

энтузиазмом, явно достойным лучшего применения, жую горьковатый розовый лепесток.

— Гадость какая! — скривилась от отвращения и эту самую гадость немедленно проглотила. Стоило признать, что пока я нервно вышагивала туда-сюда по комнате, половина розового бутона оказалась общипанной и съеденной, словно меня не кормили семеро суток.

Пока от злости не слопала ещё и вазу, с самым мрачным видом я отправилась к светлому чародею, посмевавшему меня поцеловать в уязвимом состоянии, чтобы выяснить отношения. Или проклясть. Как разговор пойдет.

Кабинет Калеба находился на первом этаже, сразу после портретной галереи Истванов, и раньше принадлежал Парнасу. Картины были живые, и давно ушедшие на тот свет колдуны беспрерывно улыбались, хмурились или подмигивали, а известный пьянчуга дядька Артур икал. Арветта клялась, что в три часа ночи на картине обязательно появлялась бутылка.

С кабинетом у меня тоже были связаны кое-какие воспоминания. Однажды спряталась от Эбигейл в его шкаф, а потом пришлось ждать, когда Калекб уйдет. Вылезать из убежища при свидетеле было ужасно стыдно. Но он сидел за столом, что-то писал, чертил и читал, словно специально хотел меня помучить. В конечном итоге я так утомилась бояться, что заснула, а когда открыла глаза, обнаружила себя накрытой пледом. Вряд ли это сделал Вайрон.

Но на пути к Калебу меня ожидала преграда в виде пятерки безымянных чародейек с розовыми шевелюрами. У одной из девушек волосы походили на голые веточки плюща, свернутые мелкими-мелкими пружинами, и торчали в разные стороны. Похоже, именно ей досталось утреннее проклятие, чуточку подправившее мне настроение.

— Хотели что-то спросить? — остановилась я. — Кстати, прекрасный цвет волос. Наверное, очень модный в столице, да? Я плохо разбираюсь в таких вещах, но мне нравится. Смело и оригинально. Кудряшки особенно хороши.

Кудрявая чародейка невольно вскинула руку и потрогала воронье гнездо у себя на голове.

— Раз вы молчите, пойду, — мило улыбнулась я и только хотела отправиться в сторону галереи, как увидела Эбигейл, стоящую возле квадратной колонны. В отличие от товаров, она по-прежнему оставалась блондинкой.

— Куда ты собралась? — тихо спросила она и начала приближаться с видом королевы. В гулкой тишине разносился стук высоких каблуков.

На долю секунды показалось, что мы вновь вернулись на девять лет назад. Меня загнали в круг, чтобы осыпать насмешками, а потом устроить травлю. Я даже не подозревала, как хорошо все запомнила.

— Вообще-то, хотела кое-какого проклясть, но, пожалуй, могу и с вами остаться, — усмехнулась я, чувствуя, как темная магия внутри начинает биться в истерику от счастья, что сейчас ей дадут чуточку повеселиться.

— Я просила тебя вести себя тише, Эннари, но что мы видим? — Она театрально развела руками.

— Что теперь у всех твоих недалеких подруг стойкая окраска розовым цветом, — усмехнулась я. — Хорошо, что они не попытались испортить притирки для лица, страшно представить, как бы сейчас выглядели. И главное, заметь, я даже не ответила толком, хотя очень-очень хотела...

Кто-то из девиц рядом возмущенно пискнул, я резко подняла указательный палец, из кончика пальца струился черный полупрозрачный дымок заклятия, лишаящего голоса.

— Тихо! Ничего личного, девушки, но умный человек никогда не полезет в покои к темному чародею.

— И что нам теперь делать?

— А что, предполагалось, должна была делать я?

Девушки нервно переглянулись, покосились на предводительницу, сохранявшую потрясающее спокойствие.

— В общем, понимаю, что совет поумнеть с вами вряд ли сработает, — усмехнулась я. — Вспомните, насколько стойкую краску использовали и запаситесь терпением. Когда-нибудь она несомненно смоется.

— Почему мне одной сделала такие вот волосы?! — обиженно выкрикнула кудрявая и подергала себя за космы. Конечно, страдать всем коллективом не так обидно. Благословите святые демоны

женскую солидарность!

— А ты просто под дурное настроение попала, — поморщилась я.

— Это не вышло расколдовать! — пожаловалась она.

— Тогда попроси госпожу директрису, — не без ехидства предложила я. — Уверена, она справится с заклятием. Оно элементарное... или у нее не вышло?

Эбигейл пождала губы и тихо процедила:

— Расколдуй ее! Сейчас же!

«Нет, ну, если очень хочешь это... эту в прислужницы, то я, конечно, не против заключить договор, но тогда уж точно кровью, пусть помучается... — вяло шевельнулась внутри меня темная магия, — но ты ещё разок хорошо подумай, ладно?»

— Эбигейл, без обид, но у меня даже темная магия отказалась принимать с тобой сделку, а она жадна до невозможности, — поморщилась я.

— Я не собиралась с тобой заключать никаких сделок! — Она решила задавить, что называется, ростом и, будучи на целых полголовы выше, решительно надо мной нависла. — Ты меня очень, очень разозлила, малышка Энни, а когда я злюсь, люди вокруг страдают...

— Ты злишься без защитного амулета, люди вокруг тебя тоже страдают потому, что не носят защитных амулетов. Я понимаю, Боуз бессмертный, но вы-то, девушки, почему не озаботились? — перебила я, осознав, что она действительно пошла «на дело», не нацепив ни одной побрякушки.

Нервы у госпожи директрисы оказались не к демону, и она ударила. Вернее, попыталась. Вспыхнувшие голубоватым светом пальцы мгновенно окутал черный дымок. Меняясь в лице, Эбби попыталась пошевелить рукой, но не могла.

— Это так мило до сих пор думать, что из нас двоих ты самая страшная ведьма. Розовые волосы, изрезанная одежда. Как ты еще навредишь своим подругам? Мне даже напрягаться не приходится, ты все сама делаешь.

— А как же я?! — снова захныкала кудрявая.

— Сейчас же берешь иголку и чинишь испорченное платье! — рявкнула я. — И тогда, если настроение будет нормальным, я сниму заклятье!

— Что у вас за собрание, дамы? — прозвучал из коридора голос Калеба. — Устроили клуб любителей кройки и шитья?

Я оглянулась через плечо. Он стремительно приближался и выглядел ужасно грозным. Интересно, он кого торопился спасти: меня от розовых куриц или наоборот? Вообще, последнее дело влезать в женские ссоры, так недолго получить сковородкой по голове, потом оказаться прикопанным очень нужной в хозяйстве лопатой, но Калеба спасло то, что ни сковородок, ни лопат гений торговли и народной песни нам продать не сумел.

Хотела ему посоветовать не лететь вприпрыжку, ведь мы почти закончили обсуждение новых фасонов, но вдруг Эбигейл звонко хлопнула в ладоши практически над моим ухом. Я отклонилась, мало ли, что светлым ведьмам приходит в голову, а она вдруг взвыла, словно ей отдавили ногу высоким каблуком:

— Эннари, за что ты меня ударила?!

— Я?! — честно говоря, я настолько опешила, что не нашлась, чем ответить. Ну, кроме реальной оплеухи, само собой, но ударить сразу было бы странно. Вроде как сначала вмазала, а потом еще сверху накатила, чтобы вообще госпоже директрисе мало не показалось.

Притворяясь, будто у нее на полфизиономии след от пощечины, она прикрыла левую щеку и попятилась. Розовый отряд ужасно всполошился и бросился кудяхтать. Никто пощечины не видел, но все боялись, что вдруг пропустили.

— Господи, она залепила мне магией в лицо! Боже мой... — причитала Эбби. Лицедейкой она была посредственной. Пусть старалась и почти пустила слезу, Калеб не очень поверил, но на всякий случай посмотрел на меня осуждающе.

— Я ее не била, — моментально открестилась я.

— Да ты просто всегда была подлой тихушницей, Эннари! — рыкнула она.

— Нет-нет, Эбигейл, не приписывай мне свои заслуги. Поверь, мне самой есть чем гордиться.

— Да ты просто взбесилась, что девочки пошутили и увлеклись!

— Да, девочки увлеклись, но ты-то тут причем? — вдруг задал справедливый Кaleb, и у меня даже появилось легкое подозрение, что он решил защищать невесту, а не пытаться защитить от нее окружающих. — Имеешь какое-то отношение к этой шутке?

— А? — Эбигейл чуточку ещё попятилась, явно не зная, что сказать.

Вообще, в детстве прокатывало, когда она начинала строить из себя дурочку, но сейчас она строила из себя директрису магической школы, и образ не складывался.

— Давай я посмотрю, — предложил Кaleb, — от магического удара всегда остается нехороший след.

— Ох, ещё не хватало, чтобы ты ощупывал мое опухшее лицо.

— Эбби, не стесняйся, он тебе и подует, и по голове погладит. Полагаю, ты придешь в восторг, — усмехнулась я. — Развлекайтесь, ребята, а у меня был долгий и сложный день.

Мы с Кalebом на секунду скрестились взглядами. Розовые курицы совершенно испоганили боевое настроение и выяснить с ним отношения расхотелось. Когда я проходила мимо, курятник синхронно отодвинулся к стене.

— Я обязательно расскажу пресветлому, Эннари, — голосом, полным скорби и драмы, проговорила Эбигейл мне в спину. — Пусть он решает, что с тобой делать.

Святые демоны, да как же ты достала, дорогая кузина!

— Договорились. — Я обернулась. — И коль меня все равно будут коллективно линчевать, так пусть за дело.

Она держалась за правую щеку, поэтому магия хлестнула по левой. Раздался звук звонкой пощечины. Голова Эбби мотнулась, на лице расцвел алый след. Наверное, она упала бы, но Кaleb подхватил ее за талию, помогая удержать равновесие.

— Эннари! — осуждающе рыкнул Кaleb. — Ты в своем уме?

— Теперь-то уж точно в своем. Спасибо большое за розу, она была очень вкусная.

Кончики пальцев кузины вспыхнули голубоватым свечением, на них затрещало заклятье.

— Эбигейл, не выходи из образа страдальцы, — посоветовал Кaleb, обхватывая пальцами женское запястье и мгновенно гася чары.

Вообще-то, все детство мечтала вцепить Эбигейл пощечину или оттащить за волосы. Редко случается, что детские мечты исполняются, а я не почувствовала ровным счетом никакого удовольствия. Надо было вцепиться в космы. Попробую в следующий раз, если подвернется хороший повод.

Некоторое время я потратила на уборку гардеробной. Проследила, чтобы каждый клочок, отодранный рукав и испорченное платье сложились аккуратными стопочками и приготовила их к починке. Заставлю в гробу всех предков Истванов перевернуться, но розовый отряд будет сидеть с иголками и стезжок за стезжком чинить испорченные шмотки! Их все равно учили вышивать, вот пусть и займутся художественным пошивом одежды.

В самый разгар уборки, когда под потолком гардеробной в истерике носились карманы, пытающиеся отыскать нужное домашнее платье, раздался стук в дверь. Я была уверена, что пришел Кaleb с лекцией о хороших манерах, но все-таки открыла.

— Почему у тебя за спиной стоит платье? — неожиданно спросил он.

Я обернулась. Клетчатое платье с дырой на юбке, как страшное привидение, действительно последовало за мной через все покои, а теперь маячило за плечом. Жутковатое зрелище, буду откровенна.

— Брысь отсюда! — ругнулась на непослушную шмотку, и та немедленно драпануло обратно в гардеробную, размахивая рукавами.

— Ну что, пришел осуждать, господин светлый чародей? — сухо спросила я.

— Даже в мыслях не держал, — покачал он головой. — Хотел спросить, как твоя лихорадка.

— Полностью прошла, — согласно кивнула я. — Завтра утром отправлю остатки лекарства мэру Хардингу. К сожалению, ему не удалось избежать этого необъяснимого недуга.

— А его секретарю?

— Боуз — бессмертный, его ни одна болезнь не возьмет. Розовые лепестки ему жевать не придется.

— Вообще-то, вначале мастер опрыскал снадобьем цветущий кактус, — поделился Калев сложностями покупки отворотного зелья. — Я сказал, что ты его проклянешь, когда придешь в себя от восторга. Он оказался понятливым, и остатки вылил на тот цветок, который был под рукой.

— Хорошо, что у него под рукой оказалась роза, а не белый олеандр, иначе мне пришлось бы туго, — прокомментировала я и все-таки спросила, хотя давным-давно взяла за принцип не извиняться за поступки, которые считала вынужденной мерой: — Почему ты не злишься из-за любовного зелья?

— Ты сама так себя наказала, что я был готов вызвать лекаря, — просто пояснил он. — Извини за то, что случилось в доме бабки. Я не имел права.

— Не имел, — согласилась. — Но ты уже просил прощения, а я способна с первого раза понять, когда человек сожалеет.

Его губы растянулись в медленной, ленивой улыбке:

— Но я не сожалею, Эннари, — проговорил он.

— Вообще? — возмущенно охнула я и продемонстрировала сложенные щепоткой пальцы: — Ни вот на столечко?

— Какой кретин будет сожалеть, что поцеловал красивую девушку? Я просто опасаюсь, что ты проклянешь меня во сне.

— И я могу. Твои подушки у меня.

— Именно, — с улыбкой кивнул он.

И почему мне так сильно хотелось узнать, будет ли поцелуй Калеба так же хорош, когда в голове не булькает любовный бульон? В первый раз оценить не удалось.

— Я должен завтра съездить домой. В дом моих родителей, — оговорился он. — Поедем вместе.

— Вместе со мной? — уточнила я, хотя прекрасно его расслышала. — Зачем?

— Думаю, что в замке поднимется суета. Эбигейл умеет быть громкой.

— Я не боюсь шума.

— Ну, а я просто приглашаю тебя попутешествовать, — вымолвил он. — Честно сказать, ехать в такую даль одному будет ужасно тоскливо. Вечером вернемся в Истван, и ты сможешь всласть поцапаться с тетками.

— Хорошо, — неожиданно даже для себя согласилась я.

— Тогда до завтра, — кивнул он и пошагал в свои покои. — Выезжаем в восемь.

— Калев!

Он обернулся через плечо и вопросительно изогнул брови.

— Дом твоей бабки. Ты правда его отдаешь?

— Да, — кивнул он.

— В качестве чего? Свадебного подарка или отступных?

— А это должна решить ты, Энни, — усмехнулся он.

— Отступные!

— Подумай еще раз, — насмешливо изогнул он брови.

Сердце тяжело ударило в ребра, словно в крови вновь вскипело любовное зелье. Впрочем, наверняка оно до конца не развеялось. Вот завтра точно станет хорошо, я перестану думать о

поцелуях с Калемом Грэмом и о милой ямочке на его левой щеке. Пока я все ещё чуть-чуть фальшиво влюблена.

Утро было пасмурное и дождливое. К путешествиям погода не располагала, но с саквояжем в руках, прячась от капающего дождя под прозрачным магическим куполом-зонтом, я спустилась по узкой каменной лестнице во внутренний двор. Кaleb решил ехать на коляске. Правда, с разложенным верхом, но делу это явно не помогало.

— Доброе утро, — проговорил он с улыбкой. — Поехали?

Он был одет легко и не по противной погоде. Без головного убора, в расстегнутой кожаной куртке, из-под которой была видна белая рубашка.

— Нас или снесет шквальным ветром, или мы окоченеет, — прокомментировала я сразу и его внешний вид, и выбор транспорта. — У тебя какие-то претензии к закрытым каретам?

— Нет.

— Тогда почему мы едем в коляске? Если что, я не поклонница свежего воздуха.

— Я думал, ты должна любить дурную погоду, — с иронией предположил он. — У вас похожи характеры.

— Ха-ха, очень смешно, — с пресным видом прокомментировала я его умение по-дурацки пошутить. — Мне нравится осень, но больше всего нравится, когда она за окном комфортной кареты.

— Я поставлю полог.

— Меня будет бить светлой магией. Я психану и проклянущу тебя.

— Это будет самый незаметный полог, — улыбнулся Кaleb. — Залезай, Эннари. Я взял коляску, потому что не хотел ехать с кучером.

Забираясь, я поймала себя на том, что ни секунды не колеблясь схватилась за его протянутую руку и уселась на холодное сиденье. Новый плащ, купленный вчера в столице, доставить не успели, что было удивительно, если вспомнить морской огурец, присланный в замок за какие-то полчаса. Пришлось ехать в испорченном плаще, пришив капюшон на магические нити. Хотелось верить, что на поездку хватит. Вчерашнее платье уже развалилось на части, и только необходимость быстро собраться, чтобы не задерживать Калеба, спасло розовых куриц от очередной порции магических проклятий.

С перемещением жених тянуть не стал. Едва замковые ворота остались за спиной, коляску заметно качнуло. Голова неприятно закружилась. Мы переместились с таким резким толчком, что пришлось сцепиться в сиденье, чтобы не вылететь носом вперед, как птичка.

— Чувствуется рука пресветлого... — буркнула я, стягивая с головы капюшон.

Из серого хмурого Иствана мы перенеслись в край, где зимовали перелетные птицы. Утро было ослепительно солнечным, природа цвела таким буйным цветом, словно слыхом не слыхивала, что у нас вообще-то началась осень.

— Так ты южанин, — резюмировала я, развязывая плащ и скидывая его с плеч. — Любишь тепло?

— Как все южане, — согласился он. — В столице для меня холодновато.

— Тогда почему не вернулся после учебы сюда?

— Прижился, — просто ответил Кaleb и пристегнул лошадку.

Когда он говорил о доме родителей, я представляла какой-нибудь двухэтажный скромный дом, чем-то похожий на лавку темной чародейки Грэм, но никак не ожидала, что мы въедем в ухоженное поместье с огромным особняком в три этажа со светлым фасадом, украшенным фигурками древних чудовищ. Каминную трубу, вальяжно вылезшую из черепичной крыши, охраняла каменная горгулья, и со стороны казалось, будто она вот-вот проснется. Думаю, в этом доме спален и гостиных было, наверное, как в общежитии Деймрана.

— Что скажешь? — уточнил Кaleb, ловко направляя лошадку в сторону парадных ворот.

— Что ты не беден, — задумчиво протянула я. Даже со стороны было видно, что в поместье вложили много бытовой, природной и архитектурной магии, а ещё денег. С монетами у Калеба Грэма явно проблем не было.

— Я сумел сохранить поместье и семейное магическое наследие только благодаря твоему деду. Не возьми Парнас меня под крыло, все растащили бы по кускам, так что я ему по-настоящему благодарен.

— Поэтому ты поддержал деда и согласился жениться на его незаконнорожденной внучке? — изогнув брови, насмешливо спросила я.

— Я догадывался, что когда-нибудь он захочет нас поженить, — неожиданно признался он. — Риэлла была его любимой дочерью, и пресветлый приходил в ярость, когда кто-то позволял себе намекнуть на твое неясное происхождение.

— А тебя оно, значит, не смущает... Чем он тебя подкупил?

— Рассказал, где в Деймране найти его милую, хорошенькую внучку, присмотреться к ней. — Калев бросил на меня насмешливый взгляд. — И я нашел. Тебя.

Почему-то прозвучало, будто он рассчитывал обнаружить нежную фиалку, при слове «некромант» отбрасывающую лепестки, а от вида черного гримуара впадающую в летаргический сон.

— И для чего ты меня нашел? — поторопила я.

— Сначала хотел выяснить, как ты отнесешься к женитьбе, но посмотрел со стороны и понял, что ты откажешься возвращаться в Сартар. Сбежишь с этим своим лучшим другом, ни одним заклятьем не отыщешь.

От меня не укрылось, что, упоминая Холта, он скривился, словно положил в рот дольку лимона.

— Уверена, что так и поступила бы.

— Ну, а я уже знал, что хочу младшую внучку Парнаса, совершенно непохожую на Истванов и не только внешне.

— К «хочу» ты забыл добавить «жениться», — насмешливо заметила я.

— Ну и жениться тоже.

На этой эпохальной фразе мы остановились напротив парадных дверей родового гнезда Грэмов.

Слуги встречали Калеба тело и по-домашнему. Людей было немного, видимо, только те, кто следил за порядком в доме. Невысокая седоволосая женщина с потемневшим от солнца лицом, которую мне представили экономкой, спросила с лукавой искоркой в глазах:

— Это она, темная Истван?

Калев с трудом сдерживал улыбку, хлопал экономку по руке и сохранял таинственное молчание, хотя всем было очевидно, что он привез невесту посмотреть на дом. И впечатлить. Или дом посмотреть на невесту. Я пока не поняла, но, кажется, практически угасший род со сдержанным любопытством следил за мной из каждого угла: картины, портрета и статуэтки.

— Милочка, ты так повадкой похожа на бабушку Грэм, — кудахтала экономка, утаскивая меня через просторные гостиные с мебелью, накрытой чехлами, на кухню. — Жаль, что она уже не с нами. Вы подружились бы.

Даже не знаю, радоваться ли или пугаться, что абсолютно все сравнивали меня с ведьмой, которой страшились даже некроманты. А последние — темные маги на всю голову, их просто так не отпугнешь. Если решат кого-то превратить в питомца, обязательно превратят!

— Или прокляли друг друга, — сухо предположила я.

— Сначала прокляли, а потом подружились.

В комнате с золотистыми обоями и клавиесином, спрятанным под простыней, висел семейный портрет. Изображение было живым. Если присмотреться, то мальчик изредка вздыхал, всеми силами стараясь показать, как его достало позирование, а супруги то держались за руки, то отпускали. Родителей Калеба я видела впервые, помедлила перед картиной, а потом и вовсе остановилась, словно пригвожденная ледяным взглядом госпожи Грэм. Глаза сын взял от нее: они были такие же холодные и острые.

— Господа погибли не в доме, — поделилась экономка, словно давая понять, что особняк несет только светлые воспоминания, словно бы меня это действительно могло волновать. — Зверь напал на них в ночь по дороге в поместье.

— Он похож на мать, — проговорила я.

— И порядочный, как отец, — вздохнула экономка. — Должно быть, ты проголодалась с дороги, темная феечка. Идем, я приготовила потрясающий пирог с яблоками. Ты будешь в восторге. Ты же не сидишь на диете?

— Где вы видели темную фею на диете? — с иронией переспросила я. — Этим страдают только светлые.

Вдруг что-то вспомнилось, как всего несколько дней назад я вернулась в родовой замок, поднялась по парадной лестнице, и ни одна сволочь не предложила мне с дороги поесть. Сама добывала прокорм, напугав трясущуюся горничную. Да ещё Вайрон попытался с порога дать пинок под зад. В общем, в полной мере испытала знаменитое Истванское гостеприимство.

Пока Кaleb улаживал срочные дела, я подкрепилась, осмотрела семейную галерею и библиотеку, где сладко дремали духи-хранители и даже не сразу поняли, что к ним заглянула темная чародейка. Вышла в сад. Дом был величествен, но покинут. Сад выглядел ухоженным, но в меру, в нем словно специально поддерживали элегантную небрежность, характерную для южан. В самом углу за густыми кустами цветущих азалий нашелся домик для прислуги или, может быть, для гостей. От самой крыши и до земли он был покрыт зеленым плющом, лишь виднелась дверь. Даже окон не было видно.

— Матушкина мастерская.

Я повернулась, услышав голос Калеба. Он подошел незаметно и стоял в паре шагов.

— Хочешь посмотреть?

— Заходить в чужие мастерские, особенно светлых, считается дурным тоном, — отказалась я. — Ты закончил дела?

Он согласно кивнул и мягко, с бархатным интонациями, от которых у меня почему-то щекотало где-то в районе ребер, спросил:

— Госпожа Истван, могу я пригласить вас на свидание?

— Я не хожу на свидания.

— Совсем?

— Никогда не была, — вынужденно поправила я.

— Обещаю, тебе понравится, — улыбнулся, протягивая раскрытую ладонь. — Никого не придется проклинать.

Под свиданием Кaleb имел в виду пикник на двоих под высоким тенистым деревом. Рядом бурлил ручей, плескал ледяную воду на огромные валуны, пересекающие его поперек. Никого проклинать действительно не хотелось, потому как людей вокруг не было. Только природа, журчание воды, шелестение листьев и мужчина, растянувшийся во весь рост на клетчатом одеяле.

Я с наслаждением скинула тяжелые осенние туфли, расстегнула еще пару пуговиц на воротнике и собрала до локтя длинные рукава. На плече, как раз на месте сращенного среза, появился рядок крошечных дырочек. Тихо ругаясь сквозь зубы, заделала их, чтобы платье не превратилось в сарафан, что, наверное, было бы неплохо, учитывая истинно южную погоду.

— Святые демоны, проклясть бы вас икотой, курицы, — процедила я, стряхивая с ткани последние язычки сероватого дыма.

— Детское проклятие с недетскими последствиями, — прокомментировал Кaleb. Он лежал, подперев голову кулаком, и следил за мной из-под полуопущенных ресниц.

— Так ты его знаешь, бывший специалист по защите от темных чар! — мечтательно протянула я.

Замечательное проклятие, одно из моих любимых! Лечится прикосновением к соседу. И вот уже другой человек страдает от икоты, бормочет под нос считалочку-заговор, хлещет воду, дышит, сунув голову между коленок. В общем, всячески пытается вернуться в нормальную жизнь. Но одно касание к бедолаге рядом, и недуг побежден! В конечном итоге все заканчивается забавными салками или мордобоем, смотря к кому прикоснулись последнему.

— Слышала, что триста лет назад из-за этого проклятия началась междоусобица?

Или закончиться войной. Говорю же, отличное проклятие.

— Конечно, магистр-историк! — ухмыльнулась я. — За это оно мне нравится ещё больше.

— Почему Люсиль? — неожиданно спросил он о привороте. Вообще, ещё долго терпел, я бы устроила допрос еще по пути в поместье.

— Не хотела радовать Эбигейл, — насмешливо отозвалась я и отхлебнула холодного лимонада из исходящего легким темным дымком стакана. В графине, упакованном эконолкой в корзину для пикников, напиток давно согрелся, так что пришлось охлаждать магией. В отличие от меня, Калёб не позволял себе беспардонно пользоваться благами колдовства. Светлые бывают страшными занудами и моралистами.

— Наш новый мэр надумал на ней жениться, — проговорил он, переворачиваясь на спину и закидывая одну руку за голову.

— Да, я уже в курсе. Надеюсь, что утром он получил остатки розы и вечером примчится радовать тетушку Мириам.

— Люси решила, что всегда хотела быть женой какого-нибудь градоправителя, так что Мириам в этот раз придется подвинуться, — хмыкнул Калёб.

— Ты пытался выступить в роли любовного ангела, — вдруг поняла я, что все эти встречи с Люси были разговорами о том, как скрутить несчастного мэра в бараний рог, спрятать от будущей тещи и утащить под венец без ее ведома.

— Да, но ты меня опередила и выступила в роли любовного демона. — Он вновь перевернулся на бок и внимательно посмотрел на меня: — Должен ли я разорвать брачное соглашение с Парнасом?

На секунду показалось, что у меня случилась слуховая галлюцинация.

— Ты серьезно об этом задумался?

— Господи, конечно, ты же пыталась меня приворожить к своей кухне, — с мягкой иронией проговорил он.

— Когда ты хочешь его разорвать? — немедленно потребовала ясности. — Когда вернемся? Там за твой счет собирают большой праздник. Все ждут, что ты наденешь мне на запястье брачный обруч.

— Пожалей мою гордость, хотя сострой вид, что тебе становится грустно, — насмешливо отозвался Калёб. — Я настолько тебе не нравлюсь, Эннари?

— Если тебя это успокоит, то у меня вообще недлинный список людей, которым я импонирую. Хватит пальцев одной руки и мизинчик еще останется. Я совершенно не знаю тебя, Калёб, а в замке полным ходом идет подготовка к помолвке.

— Разве тебе не очевидно?

— Что?

— Что мы подходим друг другу, — проговорил он, но почему-то прозвучало, как «стоим друг друга». — До праздника много времени. Давай узнавать друг друга, говорить, выезжать из замка. Если ничего не выйдет, я отзову родовую печать. Ты будешь свободна от обязательств. Но сейчас дай нам шанс.

— Хотите заключить сделку с темной магией, господин Грэм? — официально спросила я, чувствуя, как в ответ на предложение внутри пробудилась эта самая магия.

— Я хочу отношений с тобой, Эннари. Ты нравишься мне.

— Нравлюсь? — вырвалось у меня.

— Настолько, что я уехал из Деймрана и поставил на брачном соглашении родовую печать. Нравится даже то, что ты все время пытаешься превратить меня в темного прислужника, — широко улыбнулся он, сверкнув ямочкой на щеке.

Ее появление вызывало во мне такие странные реакции, словно в крови вновь плескалось любовное зелье имени гримуара Брунгильды Торстен.

— И ты готов бросить к моим ногам весь мир? — иронично спросила я.

— Ты и сама с этим прекрасно справишься, — рассмеялся он. — Но я всегда готов прикрыть, если вдруг моя целеустремленная, но вспыльчивая невеста кого-нибудь ненароком проклянет.

Святые демоны, Калеб Грэм, где тебя учили подбирать правильные слова?

Из поместья уехали до темноты. Пока добирались до ровного участка дороги, откуда можно было открыть портал, я подготовилась: надела плащ, схватилась за сиденье и затаила дыхание, чтобы не выбило воздух из груди. Но все равно не ожидала резкого толчка, сначала впечатавшего меня в спинку, а потом мотнувшего вперед. Капюшон естественно мгновенно оторвался. Зато теперь у меня был капор, и плащ. Целых две вещи вместо одной, благодаря буквально одному жесткому перемещению.

По раскрытому матерчатому верху забарабанил яростный ливень. Вокруг царили грязные сумерки, готовые переродиться в осеннюю темноту, а вокруг ни души. Только длинная-длинная дорога, тянущаяся между полей.

— Мы что, не долетели? — охнула я, понимая, что амулет пресветлого Парнаса, самого знаменитого мага Сартара, самым паршивым образом выкинул нас из портала где-то... демон знает где.

— Уверен, что замок недалеко, — с бодростью, которая никак не соответствовала ситуации, уверил меня Калеб.

— То есть тебе эти места тоже незнакомы, — резюмировала я.

— Воспользуемся заклятьем поиска, — коротко предложил жених.

— Святые демоны, поиска чего? Сторон света? — фыркнула я и указала рукой: — Вон там север, а там восток. Чем тебе это великое знание помогло?

— Смотри-ка, темные и без чар действительно чувствуют направление.

— А то ты не знал?

— Нет, ну, чтобы так точно угадывали, вижу впервые, — с бесящим оптимизмом прокомментировал Калеб и остановил коляску. — Не переживай, боевая подруга, сейчас выясним, куда ехать.

Он прикрыл глаза, выставил вперед раскрытую ладонь. Сначала голубоватым свечением вспыхнули кончики пальцев, а потом и всю руку до запястья охватили язычки полупрозрачного пламени. Калеб резко сжал кулак и посмотрел на меня.

— Ты сейчас скажешь, что у тебя две новости, — предположила я.

— С какой начать? — тихо уточнил он.

— Да с любой. Мы потерялись в родном Сартаре. Хуже новости уже точно не будет.

— Ну... — Калеб вытянул губы трубочкой.

— Нас же не перенесло в соседнее королевство? — Я не просто замерзла, у меня ещё и кровь похолодела.

— К счастью, мы все еще в родном Сартаре. — Он начал так издали, словно специально напрашивался на какое-нибудь проклятие, и я бы проклала, но не умела управлять повозками и не знала, куда ехать. — К несчастью, до Иствана мы сегодня не доберемся.

— Других новостей нет? Каких-нибудь... радостных.

— Если ехать прямо и никуда не сворачивать, то через полчаса будет постоянный двор. Ты ведь не хочешь ночевать в коляске? — жизнерадостно уточнил Калеб и, дернув повод, заставил лошадку двинуться с места.

— Надеюсь, что там есть хотя бы отдельная кровать, — буркнула я, на мой взгляд, выражая крайнюю неприхотливость в запросах, и все-таки рявкнула: — Говорила брать карету! Кучера ты не хотел. Сейчас бы не одни по крайней мере страдали.

Назвав постоянным двором маленькую придорожную таверну с комнатами для постоя, Калеб явно сделал ей большой комплимент. Но мы почти час добирались до нее по темноте и размытой дороге, так что размер не имел никакого значения. Хозяин встретил нас, как родных. Пообещал самую лучшую комнату на двоих, тем более, что она все равно свободных комнат больше не осталось.

— Отужинаете? — любезно предложил он, принимая монеты за постой.

— Принесите девушке теплого молока и белую булку в комнату, — решил за меня жених.

— Принесите девушке... — перебила я с деловым видом, — что у вас там сегодня есть?

— Жареные свиные ушки и гречневая каша со шкварками, — отрапортовал хозяин.

— Прекрасно, — кивнула я. — Несите. И молока с булкой тоже.

Таверна утопала в полумраке. Вместо магического освещения, как часто случалось в глухих провинциях, горели чадающие свечи. По деревянной лестнице нас проводили на второй этаж и подвели к нужной двери. Чадающую свечу в медном подсвечнике поставили на полочку, залитую воском. С первого раза не попав в замочную скважину ключом, Кaleb зажег голубоватый светляк, миготом озаривший коридор. Дверь раскрылась с таинственным скрипом. Некоторое время мы стояли плечом к плечу и призрачном свете, похожем на лунный, разглядывали небольшую, довольно опрятную комнатку на двоих. Кровать тоже была одна на двоих.

— Ненавижу спать у стены, — проговорила я, прикинув, что стратегически хуже, если девушку припирают к стенке.

— Тогда ложись с краю, — покладисто согласился Кaleb.

Поразительно быстро найдя взаимопонимание в самом важном вопросе, мы решились войти, и в первый момент я не понимала, куда себя пристроить. Казалось, что мужчина занимал почти все пространство: как не повернись, обязательно на него наткнешься. Он-то трудностей с делением общей жилплощади не испытывал и точно не вздрагивал, когда мы сталкивались локтями, плечами или притирались спинами.

В конечном итоге верхняя одежда все-таки повисла на крючках, приколоченных к двери. Я плюхнулась на стул и снова обновила заклятье на рукаве. Когда пришла моя очередь приводить себя в порядок, принесли ужин.

— Грязную посуду потом выставите на дверь, — велела подавальщица и спрятала в карман фартука врученную монетку.

Поднос со скворчащей сковородкой и глиняным горшком каши лег на стол. Тарелок нам не предложили. Умывшись, я уселась напротив Калеба и взялась за вилку.

— Ты действительно будешь есть уши свиньи? — все ещё не верил он, что благородная девица с высшим магическим образованием способна угощаться едой батраков.

— Это же не крысиные хвостики, — пожалала плечами.

Обжигая губы огненным маслом, положила в рот сладковатый хрящик и принялась со вкусом жевать. Кaleb следил за трапезой с такой миной, будто ему было меня очень-очень жалко.

— В Даймране вас плохо кормили?

— Нормально, — с трудом подавив улыбку, ответила я и кивнула на стакан с молоком, покрытый куском ржаного хлеба: — Съешь булку. Не стесняйся.

— Можно подумать я никогда не пробовал простецкой еды, — презрительно буркнул он и с излишней решительностью подцепил кончиком вилки полупрозрачный кусочек, хорошенько прожаренный с луком. Где-то на полпути ко рту эта самая решительность столичного гурмана покинула. Вместо того, чтобы есть кусок свиного уха, он принялся его разглядывать на свет, словно проверял степень прожарки по прозрачности.

— Что ты его гипнотизируешь, — хмыкнула я, — клади в рот.

— Эннари, я должен признаться, — быстро проговорил он. — Я так и не написал завещание, поэтому проследи, чтобы некроманты никогда не добрались до моего тела. Можно на тебя рассчитывать в этом вопросе?

— Да, я попрошу, чтобы тебя кремировали, — мрачно пошутила я.

— И пусть это совсем не застольный разговор, но заранее благодарю!

Он сунул кусочек в рот и замер.

— Как? — не скрывая иронии, уточнила я.

— Неплохо, — промычал он, практически не разжимая губ.

Потом начал возить языком туда-сюда, как леденец, и в конечном итоге после долгих раздумий проглотил цельным куском. На горле мучительно сократился кадык.

— Ты дышать-то можешь или уже пора вызывать могильщика? — на всякий случай уточнила я. — Не

переживай, куплю тебе самую красивую погребальную урну. Какую хочешь: в красную с ромбиками или черную с золотыми полосками?

— Я лучше попью молока, — прохрипел Кaleb и залпом выхлебал молоко. — Поверить не могу, что ты ешь эту гадость. Ты знаешь, мне в голову пришло. А какое же кофе ты пьешь, Эннари? Мы с тобой ужинали, но ни разу не завтракали. Черный, как деготь?

— Угу, — промычала я, почему-то не желая признавать, что даже суровые темные чародейки, спокойно расправляющиеся с гречневой кашей и шкварками, любят забеленные напитки, подслащенные медом.

Выставив поднос и заперев дверь, Кaleb стянул с ворота шейный платок, бросил на стул жилет и, усевшись на кровать, избавился от обуви. Когда он занял свою половину, отодвинувшись подальше к холодной стене, я легла на край, прижалась щекой к подушке. Полупрозрачный огонек погас, комната погрузилась в темноту.

Посреди матраца обнаружился глубокий, как сартарская впадина, провал. Неизбежно мы скатились в дыру, хотя оба старались зацепиться на простыню на своих краях. Чуть не уткнулись нос к носу и усталились друг на друга через темноту. В голове появилась идиотская мысль, что мятный зубной порошок, стоявший на полочке умывальника, показался не очень-то мятным, когда я перед сном почистила зубы.

— Так... — пробормотал Кaleb и начал разворачиваться.

Я почему-то почувствовала себя ужасно обиженной и тоже повернулась к нему зад... спиной. Кровать заскрипела, ножки зашатались. Становилось ясно, что она готова развалиться от любого резкого движения. Лучше не двигаться и даже не дышать.

Ноги, как назло, оказались спеленованы платьем. Наверняка к утру оно не только потеряет оба рукава, но и задерется к поясу. А исподнее у меня в цветочек и никаких кружев. Ни полоски, ни рюшки. Одни дурацкие ромашки, вышитые мелкими-мелкими стежками умелицы-белошвейки. Даже не знаю, почему меня волновал именно этот неловкий факт, а не тот, что платье действительно может задраться.

— Эннари... — тихо проговорил Кaleb.

— Только не спрашивай, о чем я думаю, — буркнула я.

— Нет... Ты чуток не подвинешься?

Злобно сопя, я начала выбираться из дыры на край. В конечном итоге платье распуталось, но Кaleb его придавил своим телом. Мы с одеждой оказались фактически пришпиленными к матрацу.

— Ты лег на мое платье, — пробормотала я, делая слабые попытки освободиться.

— Проклятие! — выругался он, резко вытащив подол из-под себя.

Когда я вновь скатилась в провал, вдруг поняла, что спиной прижалась к груди Калеба. Он даже не шевелился, словно боясь меня спугнуть. Так и лежали, аккуратно сложенные, как две ложки.

— О твоих словах, что мы подходим друг другу... — шепотом проговорила я. — Если подумать, мне понравилось с тобой целоваться. Одного не могу понять, было правда хорошо или из-за любовного зелья.

У Калеба вырвался странный звук, словно он поперхнулся.

— Ты в порядке? — всполошилась я. — У тебя там удушье от пуховых подушек не началось?

— Господи, Энни, почему ты не хочешь облегчить мне жить? — тихо выдохнул он, утыкаясь лбом между моих лопаток.

— Я ничего не делаю, даже не шевелюсь!

— У тебя очень плохо получается ничего не делать. Вот ты опять начала елозить! — проскрипел он.

— Мешаю тебе заснуть? Я знаю отличное заклятье сна, — обернулась я к нему через темноту. — Оно не вызывает ни похмелья, ни привыкания. Если ты на секунду снимешь защиту от темных чар...

— А еще ты так много болтаешь!

Он опрокинул меня на спину, накрыл мои приоткрытые губы горячим ртом. Мы целовались, как безумные. В груди не стало хватать воздуха. Кaleb отстранился и, сладко прикусив мне подбородок,

спросил:

— Теперь стало яснее? Это был любовный приворот, или я просто хорошо целуюсь?

— Продолжай. До конца не поняла.

Я схватила его за рубашку и прижалась губами к губам. И пусть мы не перешли ко всем тем соблазнительным вещам, которые описывались в эротическом романе, но я точно определила, что приворот был не причем. Светлый чародей Кaleb Грэм мне по-прежнему не нравился, но мужчина Кaleb Грэм, предложивший отношения, вызывал стойкую привязанность. Он ошеломительно целовался и сам не перешел дозволенной границы в забытой богами и демонами таверне. Хотя я-то плевать хотела, как сильно скрипит кровать, надето ли на мне платье и насколько был мятным зубной порошок из баночки на умывальнике.

В Истван мы вернулись только в середине следующего дня. Едва оказались в холле замка, как прогремел вездесущий глас Парнаса, призывающий Калеба в кабинет.

— Я зайду к тебе, — пообещал он, аккуратно сжав мои плечи.

В гостевую башню я поднималась в одиночестве, держа в руках окончательно испорченный плащ. На пороге покоев один рукав все-таки отвалился и первым делом пришлось идти в гардеробную. Теплые платья по-прежнему лежали в одном из дорожных сундуков, и до их не добрались очумелые руки розовых куриц. Я вошла в спальню и остановилась, не веря собственным глазам. Вернее, мигом решив, что у меня случилась затейливая галлюцинация.

На фоне окна, спиной к двери, стоял высокий, худощавый мужчина. Приталенный по моде черный пиджак подчеркивал узость талии и стройность фигуры. Длинные белые волосы, прямые и ухоженные, красивее, чем у любой девицы, спускались практически до лопаток.

— Холт? — громко произнесла я.

ГЛАВА 8. Дебош женихов

— У тебя из окон открывается чудесный вид, темная Истван, — протянул Холт на родном языке, напроочь проигнорировав тот факт, что на сартарском говорил практически без акцента.

Он обернулся и оглядел мне с ног до головы. Холт Реграм был красив и этим всегда привлекал женщин. Темные бездонные глаза резко контрастировали со светлыми волосами. Аристократические черты, капризно изогнутые пунцовые губы и тонкий, почти незаметный шрам, тянувшийся с лева по контуру скулы.

У родовитых темных в его королевстве имелся странный обычай. На тринадцатый день рождения мальчишки проводили ритуал магического круга и призывали демона. Если древнее существо отзывалось, то темному ведьмаку оставалась частичка демонической силы. Холту достался только шрам. Вообще, я видела одаренных демонами чародеев. Они, конечно, были сильны и все такое прочее, но с большим прибаблом.

— Милое платье, — промурлыкал Холт. — Я помню, как ты его примеряла у модистки.

— Ему отрезали рукава, — со смешком помахала я отодранным рукавом.

— Надеюсь, ты прокляла вандала? — спросил Холт.

— И не только. Ты легко их узнаешь по розовым волосам.

Холт был выше меня на голову, но двигался бесшумно, как кошка, и с той же кошачьей грацией. Мы крепко обнялись. От него знакомо пахло горьковатым цитрусом и веяло сотней наших общих воспоминаний.

— Ты надолго приехал?

— Не очень-то вежливо спрашивать гостя, когда он допьет виски и свалит домой, — хмыкнул он. — Думал, что ты сбежишь на следующий день обратно ко мне, но ты действительно здесь осталась. Стало интересно, что хорошего в твоём Сартаре, что ты так мечтала сюда вернуться. Не удержался и решил тебя навестить.

— Желаете экскурсию по столице, господин Реграм?

— Для начала я посмотрел бы твой обожаемый Истван. Ты говорила, что в нем отличный склеп?

— Да, и ты в его сторону не собираешься коситься! — отрезала я. Не хватало еще, чтобы лучший друг в качестве сувенира увез в бутылке спящий призрак какого-нибудь дедушки Иствана.

— Где твой багаж? Я не видела в холле дорожных сундуков.

— Я належке, а мой саквояж уже стоит в твоей потрясающе пустой гардеробной комнате, — с насмешкой отозвался он.

— Добрый день, — раздался из дверей ледяной голос Калеба, и я невольно отшатнулась от лучшего друга, словно он бился магическими искрами.

В секунду атмосфера в комнате изменилась. Мужчины изучали друг друга хищными, пристальными взглядами. В лицах обоих светился необъяснимый азарт. Показалось, что воздух похолодел на несколько градусов. Даже странно, что оконные витражи не покрылись льдистыми узорами.

— Он кто? — растянул губы в недоброй улыбке Холт, вновь презрев сартарский язык. — Светлый чародей?

— Чему вы удивляетесь, господин Реграм, если приехали в замок пресветлого? — ответил ему Калеб, но на сартарском, давая понять, что прекрасно понимает гостя, однако предки Грэм перевернутся в гробу прежде, чем он заговорит на языке гостя.

— Познакомишь нас, Эннари? — между тем потребовал гость.

— Святые демоны, — пробормотала я, на всякий случай отходя от лучшего друга на пару шагов, во избежание, так сказать.

Уверенной походкой Калеб пересек комнату и протянул руку для ритуала официально знакомства. Надеюсь, эти они не шарахнут друг друга магией, и волосы у них на голове не встанут дыбом. Учитывая, что длину оба предпочитали нескромную, смотреться будет плачевно. С другой стороны, может, хотя бы один подстрижется. Под одним я имею в виду Калеба, естественно.

— Холт Реграм, — ответил на рукопожатие темный маг. — Очень, очень давний друг Эннари.

— Калеб Грэм, — кивнул в ответ противник. — Ее жених и будущий муж.

На этих торжественных словах от платья отпал второй рукав, обнажив до плеча руку, и оно действительно превратилось в задорный сарафан с торчащими нитками.

Ну все. Занавес.

— Энн, а мне ты, выходит, не прислала приглашения на свадьбу, — не разрывая зрительного контакта с Калемом, проговорил Холт с неприятной улыбкой.

Обычно с такой улыбкой он начинал плести темные чары. Учитывая, что перед ним стоял специалист по защите от этих самых чар, гостевая башня находилась в огромной опасности. И ведь снова обвинят меня в том, что ненавижу замок и задалась целью разрушить его до основания.

— Мы ещё не написали приглашений, — ответил ему на сартарском Калеб.

— Потому что ещё два дня назад я не собиралась замуж и сейчас все еще не уверена! — рыкнула я, в одной фразе смешав сразу два языка, выдохнула, вспомнила три проклятия онемения и миролюбиво попросила: — Господа чародеи, не могли бы вы выйти вон из спальни? Мне надо десять минут, чтобы привести себя в порядок.

Мужчины синхронно повернули ко мне головы, в физиономиях отражалось одинаковое недоумение. Вряд ли они осознавали, что по-прежнему трясли сцепленными руками. Наверняка у них уже трещали суставы, и от боли сводило пальцы.

— Я ведь могу рассчитывать, что вы оба за это время останетесь живы? Не хотелось бы одного отправлять домой в ящике, а второму покупать погребальную урну.

— А что должно произойти? — уточнил Калеб на сартарском.

— Мы просто знакомимся, Энн, — все еще игнорируя чужой язык, согласился Холт.

— В таком случае, может быть, расцепитесь? — предложила я. — Иначе прокляну. Обоих.

В гардеробной обнаружилось, что стопки испорченной одежды исчезли, а на вешалках появилось несколько скромных платьев, купленных в столице. Должно быть, заказ пришел накануне, и горничные убрали одежду. Выбор был невелик, и я натянула первое, что попало под руку. Быстро привела в порядок волосы и вышла в гостиную. Мебель была целая, стены тоже стояли на месте, даже страдалаца-дверь по-прежнему находилась там, где и положено — на петлях в дверном проеме, но чародеи исчезли.

Я удивленно обернулась по сторонам, даже зачем-то выглянула в окно, словно они, как два гордых горных орла, вылетели наружу и теперь устраивали бои в небе. Ветер трепал зацепившуюся на острый шпиль учебной башни истрепанную портьеру, гонял по серому небу белесые жидкие облака. И ни одного чародея, реющего под противным мелким дождем.

В покоях Калеба мужчин тоже не оказалось. В полной растерянности я прошлась по комнатам, пахнущим ледяным благовонием, рассеянным жестом огладила висящий на деревянной вешалке пиджак. В голове не было ни одной мысли, куда они могли бы деться.

— Дедушка! — позвала я через пространство, взывая к пресветлому. — Дедушка!

— Эннари Истван, ты посмела отправить мне зов?! — гроыхнул сверху возмущенный голос деда.

— Вы как меня слышите? — уточнила, чтобы проверить, налажена ли связь.

— Прекрасно! Слава богам, со слухом у меня нет проблем! — взбеленился дед.

— Это очень хорошо, потому что у меня-то проблемы есть.

— Со слухом?

— С мужчинами, — поправила я. — Он, случаем, не у вас?

— То есть ты пустила магический зов, чтобы выяснить, не пытаю ли я твоего ведьмака? — насупись дед. — Какое надругательство над магией! Знаешь ли ты, неразумное дитя, что небесный глас используют только ради великих новостей!

— В прошлый раз вы меня будили этим небесным гласом, — не удержалась и напомнила я. Дерзить деду не хотелось, но он сам напросился. — Возможно, вы их вызывали к себе?

— И даже если бы твой ведьмак был у меня... — принялся ворчать Парнас.

— Спасибо, дедушка! — щелчком пальцев я разорвала магическую связь.

— Ты что, не дала мне договорить, нахалка?! — вновь охнул откуда-то с потолка дед. — Все! Жду вас всех на обед в малой столовой!

— Конечно, дедушка, — смиренно произнесла я и даже чуточку поклонилась, хотя он был неспособен увидеть этот пусть насмешливый, но все-таки поклон. — Спасибо, дедушка. Вы невероятно добры. Кстати, а куда вы Холта-то поселили?

В ответ раздалась тишина. Подозреваю, что моего лучшего друга поселили по соседству с хозяином замка. Парнас решил собой пожертвовать и лично проследить, чтобы ведьмак вернулся из Сартара без бутылочки с душой какого-нибудь предка Истванов.

В ещё большей растерянности я вышла в башню. По лестнице с самыми серьезными минами, держа в руках стопки до боли знакомой одежды, поднимался розовый отряд. Увидев меня, они выстроились торжественным рядом. Казалось, они собрались объявить, что хотят предать платье ритуальному сожжению, а по возможно и хозяйку этих платьев. Заговорили по очереди, точно репетировали речь, чтобы высказаться хором, но от волнения сумели вспомнить только по одной реплике.

— Мы их починили, — начала первая.

— Все-все. И без магии, — дополнила следующая.

— Нитками, иглками и собственными руками. У меня даже пальцы болят!

— Два дня шили!

— Вы застрочили намертво проймы и воротнички? — уточнила я, не веря, что девушки действительно схватили корзинки для рукоделия и исправили то, что испортили. Не то чтобы я собиралась эти платья носить, но воспитание пакостливых светлых чародеек, кажется, удалось на славу.

— Нет. Ничего больше не портили! Вообще-вообще! — вразнобой застрекотали они. — Только не надо больше никаких проклятий!

Святые демоны, и где они учились магии, если не могут снять чары, которыми мы развлекались в средней школе? Или это были последние курсы Деймрана? Тогда вообще-то понятно, почему не могли снять.

— Ладно, заносите, — кивнула я на двери покоев, а потом с подозрительным видом проследила, как девушки, изображая трудолюбивых горничных, развесели одежду на вешалки.

— А теперь вернешь мне волосы? — попросила «розовая кудряшка», когда остальные гуськом потянулись к выходу. В торчащей в разные стороны шевелюре пряталась пара волосков, опутанные черным дымком. Уверена, Калев видел метку и убрать ее мог по щелчку пальцев, но вмешиваться в воспитание темного общества в светлом замке не захотел.

Быстрым движением я выдрала испорченную прядку. Девушка болезненно ойкнула и испуганно отскочила от меня, ударившись плечом о дверной косяк. В одно мгновение кудрявая жесткая шевелюра выпрямилась, волосы заструились красивой розовой волной, опустившись практически до талии.

— Получилось! — охнула она радостно. — А цвет?

— Время и терпение, — напомнила я. — И еще, возможно, ножницы.

— Тоже какая-то магия? — обрадовалась она.

— Ага, магия стрижки, — усмехнулась я. — Она помогает, если нет ни терпения, ни времени.

Когда жених с моим лучшим другом не явились на обед, я начала по-настоящему волноваться. В малой столовой обнаружилась половина семейства. Ни кузин, ни розового отряда не было. Скорее всего, они собрались на очередном утреннике Эбигейл и обсуждали, какая все-таки Эннари паршивая черная ведьма. Очень хорошо. Пусть друг друга напугают и забудут дорогу в гостевую башню.

По случаю появления в замке очередного темная чародея семья Истван решила проявить знаменитое гостеприимство и устроила приветственные поминки. Иначе объяснить, почему абсолютно все, кроме меня, были одеты в черное, и даже известная модница Летти, было просто

невозможно.

Главенствовал на поминальном обеде сам Парнас, и места с двух сторон от него: справа для Калеба, и слева — для неожиданного гостя, выразительно пустовали. Не желая усаживаться на самом видном месте, я плюхнулась рядом с Вайроном. И все равно почувствовала мощную волну неодобрения от всех присутствующих, даже от кузена, пытающегося в середине дня тихо-мирно надраться, коль объявили всеобщую пьянку.

— А где гость? — громко и недовольно скрипучим голосом спросила Мириам.

— Очевидно, что уехал, — прокомментировал Вайрон.

— Что, даже не поел на дорожку? — страшно обрадовалась тетка. — Хорошо! На еде сэкономили.

— Они с Калемом вышли на экскурсию по окрестностям, — «успокоила» я тетку, что темный все ещё с нами, просто пока не лично, поэтому пусть не расслабляются и на ужин тоже наденут траур. Холт оценит, он любит хорошие шутки.

— А ты осталась?

— Устала с дороги, тетушка.

Вообще, я думала, что меня мгновенно начнут линчевать за пощечину Эбигейл или обвинят в нападении на беспомощных розовых куриц, но тетушки выглядели, как обычно. Летти беззаботно ковыряла салатные листики, а Мириам лютовала. Ни слова о девчачьей драке с госпожой директрисой.

— И надолго он к нам приехал? — с противной улыбочкой спросила она.

На мой взгляд, тетушка Мири должна всячески желать мне благ, долгих лет и крепкого здоровья. Не представляю, кого она с таким выдающимся вдохновением ненавидела до моего возвращения домой. Сразу видно, что с появлением в замке темных ее жизнь заиграла новыми красками.

— Холт приехал на пару дней меня навестить.

— И что, много у тебя еще друзей осталось в Деймране? — сухо уточнила она.

— Не переживайте, тетушка, вы со всеми обязательно познакомитесь, — не удержалась я от шпильки. — Уверю, они такие же обаятельные, как Холт.

После обеда, когда на улице начало стремительно смеркаться, а я почти уверилась, что Калек попытается выставить Холта из Сартара, и чародеи покалечили друг друга где-то на полпути к магическому вокзалу, в замке появился всполошенный Боуз.

— Госпожа чародейка, беда пришла! — бросился он ко мне через холл, оставляя грязные следы от сапог на мраморном полу. Правда, отпечатки мгновенно исчезали под действием бытового заклятья.

— Мэр отравился вчерашней розой? — озвучила я первое, что пришло на ум.

— Нет, слава всем святым и пресветлому, господин Хардинг уже полностью в своем уме и с жаром приступил к работе, — быстро проговорил он. — Но ваши чародеи сейчас разрушат таверну. Таверщик практически в сердечном приступе! Как три часа сбежал из собственного заведения, так боится зайти. Народ волнуется — думает, что между темными и светлыми началась война.

— Они там, что ли, за магическую идею подрались? — оторопела я.

— Нет, просто на глазах у всех посетителей незамысловато нажрал... перебрали крепленого вина, а теперь не хотят покидать помещение. Заберите их оттуда.

— Ладно... — скрипнула я зубами и развернулась.

— А меня отсюда, — добавил он и тут же пояснил: — Я так торопился, что забрал у таверны карету пресветлого и примчался, что есть духу.

— То есть вы у них карету, что ли угнали, Боуз? — изумилась я. — Как они, по-вашему, должны добраться до замка? Пешком? По дороге грома все, что на глаза попало?!

— Они же цивилизованные люди! — охнул он, семена за мной следом.

— Они пьяные чародеи. И один из них вообще темный, — выругалась я. — На всю голову темный. А вы, к слову, куда идете-то?

— Ну, как же, — развел Боуз руками. — Обещал вас доставить, теперь слежу, чтобы вы, так сказать, отправились по верному маршруту. И главное, меня в замке не забыли.

— Будьте добры следить из холла, — буркнула я. — Портальный амулет возьму и вернусь.

— А чародеи такие вещи с собой не носят? — удивился секретарь. — Ну, знаете... чтобы сразу же, мгновенно перенестись туда, куда вам надо, и совершить какое-нибудь важное злодеяние. Я хотел сказать, добро!

— Карманов в платье нет, — сухо ответила я.

— А вы точно меня не оставите здесь? — уже в спину прикрикнул Боуз...

Через пятнадцать минут с мощным толчком из Иствана мы переместились под дождь рыночной площадь, омыв дождевой водой стены близстоящих лавчонок и неудачно проезжавшую мимо повозку вместе с лошадкой, семейством и даже висящим на крюке под днищем ведром.

Ударно волной с мэрского секретаря снесло в грязь шляпу, а потом усадило и самого секретаря. Он уселся задом в центр обмелевшей от магии лужи и, кажется, испытал облегчение. Перемещение дедовским порталом, похоже, всколыхнуло бедняге все внутренности. Лицо у него точно позеленело.

— Господи мои дорогие, лучше бы я остался в замке! — простонал он. — Госпожа чародейка, не считите за наглость, помогите подняться.

Я посмотрела на протянутую ладонь и, конечно, сочла его просьбу за наглость. Темная магия, лениво шевельнувшаяся внутри, тоже. «Проси душу взамен, — зевнула она. — Он, конечно, чудака, но вдруг выйдет неплохой темный прислужник».

— Спасение утопающих, дело рук самих утопающих, — коротко ответила я Боузу.

— Так и знал, — буркнул он, кое-как поднимаясь, и начал суетливо отряхивать полы промокшего, изгвазданного пальто. — Может, хотя бы подсушите?

Зад я тебе сейчас подпалю!

— Боуз, вы позвали меня город от разрушения спасти или сделку с темной магией заключать? — вызверилась я. — Идемте уже в таверну, пока народ не вызвал королевский отряд боевых чародеев!

Я честно представляла, что вокруг таверны собралась целая толпа негодующих, но народ или замучился мокнуть под мелким дождем и разошелся по домам, или просто махнул рукой и нашел другое заведение. Страдал только таверщик, который с мэрским секретарем явно водил близкую дружбу. Стоя на грязной колоде, он жалобно заглядывал в окно и боялся войти в собственную таверну.

Не размениваясь на разговоры, я поднялась по ступенькам, вошла в двери и остановилась на пороге. Калев и Холт, кричаще несоразмерные дешевой обстановке, сидели в самом центре за столом. В воздухе висела бочка с вином. Между ними стояли какие-то заветренные закуски.

— Сколько ты ее знаешь? Неделью? — говорил на чистом сартарском языке Холт, обращаясь к Калебу. — Что ты знаешь о темных чародейках? Что сделает девушка, когда захочет порыдать? Поплачет в платочек и при зрителях. Что сделает Эннари? Схватит флакон и начнет собирать слезы. Потому что слезы невинной темной чародейки невозможно достать ни за какие деньги.

Со стороны звучало паршиво, но именно так я и поступила.

— Невинной? — повернулся к собутыльнику Калев. И он говорил на языке своего нового лучшего друга. Чисто, без акцента, словно сам прискакал меня навестить из Деймрана.

— А что тебя удивляет? — фыркнул Холт. — Однажды она сказала, что кровь невинной девицы найти так же сложно, как слезы ведьмы. И я был вынужден принять тот факт, что бесполезно ее соблазнять...

Ничего себе поворот! Я-то искренне верила, что дружба между мужчиной и женщиной действительно возможно, а Холт Реграм, по возможности не пропускающий ни одной юбки, просто уважал мои весьма и весьма гибкие принципы.

Похоже, пора закрывать этот клуб женихов Эннари Истван и отправлять участников по домам. В смысле, домой. Конечно, в идеале сгрузить белокрысого в здание магического вокзала, но в столь плачевном состоянии его откажутся перемещать.

Стуча каблуками, я приблизилась к страдающим выпивохам, встала в торце стола и скрестила руки

на груди. Вблизи было ясно, что они захмелели сильнее, чем могло показаться со стороны.

— Эй, лучшие друзья!

— Смотри-ка, пришла моя красивая невеста, — улыбнулся Калев, напрочь забыв, что он вообще-то сарtareц и как бы может говорить на родном языке. — Обнимемся?

— На погребальную урну напрашиваешься? — намекнула я, что несколько недовольна ролью няньки для двух взрослых мужиков.

— Как ты здесь очутилась? — как будто удивился Холт на сартарском и с аппетитом глотнул сладкое вино, словно угощался любимым игристым по семнадцать монет за фужер.

— Порталом. Мне больше интересно, как вы здесь очутились, учитывая, что один ненавидит простецкую еду, а второй терпеть не может дешевое вино? — рыкнула я. — Поднимайтесь! Мы немедленно возвращаемся в замок!

— Но мы ещё не допили! — возмутились собутыльники в два голоса.

Я выразительно ткнула указательным пальцем в деревянный бок бочонка, висящего практически над левым плечом.

— Только не в укус! — жалобно простонал Холт, но было поздно вино скисло. В кружках тоже.

— Конец вечеринке, господа чародеи, — прокомментировала я. — Не забудьте заплатить хозяину, иначе завтра в замок придет кругленький счет. Парнас забудет, что он пресветлых, и нас всех проклянет.

— Гостей нельзя проклинать! — возмутился Холт. — Это противоречит принципу гостеприимства.

— А это и есть знаменитое Истванское гостеприимство, мой друг, — хмыкнул со своего места Калев.

Когда мы вывалились из дверей, хозяин таверны на радостях схватился за сердце и действительно едва не лег с приступом. Рыночную площадь, слабо озаренную едва живыми уличными фонарями, начала обступать темнота. Видимо, он не чаял сегодня спать в тепле и уюте. В чувство его привела новость, что дебош полностью оплачен и даже переплачен на две монеты за три сломанных стула, которые жалобно подпирали стеночку.

— Вообще-то, госпожа чародейка, стулья были сломаны до вторжения чародеев, — поведал мне очень тихо Боуз, видимо, всегда-всегда выступающий за справедливость, если, конечно, дело не касалось сворованных колечек и угнанных карет. — Вчера безголосый Мирн подрался с мясником.

— Излишек запишу на ваш счет! — не растерялся хозяин таверны.

— А что, вы часто собираетесь к нам приходить? — несколько напрягся Боуз.

— Каждый день, — соврала я и, стуча каблуками по каменной мостовой, направилась к новым лучшим друзьям.

— Помоги нам боже и пресветлый Парнас, — пробормотал секретарь, словно не догадываясь, что его прекрасно слышно.

Между тем новые лучшие друзья, пошатываясь и одинаково спрятав руки в карманы, мокли под дождем. Оба опустили взлохмаченные головы, словно присматривали клочок брусчатки почище и посуше, чтобы пристроиться на ночлег.

— Беритесь за руки и полетели, — предложила я.

— Я подержусь за тебя, — немедленно объявил Холт на сартарском.

— Нет, ведьмак, держись за меня! — велел Калев, вновь презрев сартарский язык, и выставил локоть. — Моя невеста слишком хрупкая, чтобы ты за нее держался.

— Твоя невеста способна свалить взрослого мужика одним взмахом руки, — хмыкнул Холт. — Ты просто пока этого ещё не видел, чародей. Я видел, и даже мне было за мужиков больно.

— Святые демоны, как вы меня достали!

— Чем тебя достали демоны, Энн? — не понял Холт.

— Вы. Вы адские демоны! — рыкнула я, когда за шиворот упала ледяная капля. — Возьмитесь уже друг за друга! Обопритесь, обнимитесь, сделайте что-нибудь, чтобы оказаться рядом!

Удивительно, но приказы они выполняли исправно. Видимо, муштра занятий по боевой магии и ежегодные тренировочные сборы давала о себе знать. Холт вцепился в локоть Калеба. И теперь они стояли напроулок, с дурацким видом держась под ручку.

— Прекрасно, — буркнула я, пальчиками сжав влажный от дождя пиджак лучшего друга.

— Не надо за него браться! — возмутился Калеб, схватив меня за руку и дернув на себя. — Берись за меня, я надежный.

— Да заколдую же насмерть! — рыкнула я, уже активировав порталный амулет.

Переместились мы, мягко говоря, не очень мягко. Отскочили друг от друга, как упругие мячи, и все трое остались на ногах, исключительно благодаря чуду. В моем случае чудом послужил Калеб, прижавший меня к себе и обхвативший руками. Вдвоем устоять оказалось куда как проще, чем одной и на высоких каблуках. Ну, а Холт не сверзился на грязные камни, видимо, благодаря умению держать равновесие даже в те моменты, когда равновесие отчаянно его покидало. Короче, ему повезло.

Как они разбредались по комнатам, в каком направлении и какими запутанными маршрутами, я следить отказалась. Закрылась в своей комнате, приняла горячую ванну и, на ходу вытирая мокрые волосы, вышла в спальню. Возле кровати обнаружился Холт, стаскивающий с плеч влажный пиджак.

— Стесняюсь спросить, ты гостевую башню перепутал с башней пресветлого? — вежливо спросила я, хотя вежливой быть уже не хотелось.

— Я оставил здесь свой саквояж, — объявил гость, хватаясь за пряжку ремня.

— Холт, ты не будешь при мне снимать штаны! — рявкнула я. — Если пришел за пижамой, то твой саквояж в гардеробной!

— Пижамы для слабаков! — скривил он губы.

— С каких пор?

— Да всю жизнь! Я сплю исключительно в костюме новорожденного.

— То есть в пеленках, — прокомментировала я, складывая руки на груди.

— Ради тебя останусь в исподнем.

Откровенно сказать, повода проверить неожиданное утверждение за все годы наши дружбы не возникло. Холт никогда и ни в каком состоянии не путал спальни, и в мою никого не допускал. Бешенством, что ли, от приятеля-инкуба заразился?

— Хорошо, но почему ты остаешься в моей спальне, а не в своей? — разозлилась я. — Ты забыл, где находится твоя комната?

— Где лежит мой саквояж, там и сплю, — объявил он.

— В гардеробной, — подсказала я.

— Принесешь его в спальню? — попросил он и, щелкнув пальцами, потушил магические огни. Они ещё пару раз обиженно подмигнули, попытались перевести дух и окончательно издохли. Похоже, в покоях придется менять магическое освещение.

Хмурая, безлунная ночь света тоже не давала. Вздвигнувшись, я зажгла крошечный красный светляк и со злостью двинула в гардеробную, чтобы забрать дурацкий саквояж, вышвырнуть его в коридор, а следом и хозяина сумки. Пусть катится к соседу-субутельнику.

Вдруг в тишине скрипнула дверь в покои, которые уже больше походили на проходной двор, а не на священное место, где человека никто не беспокоил. Замерев, я услышала шаги, а потом тихий голос Калеба:

— Где лежат мои подушки, там и сплю.

Быстро выглянув из гардеробной, я только успела заметить, как он занырнул в кровать, с головой накрылся свободным краем одеяла и притворился трупом. Кажется, новые лучшие друзья уснули быстрее, чем осознали, что спят дуэтом. Вроде как охраняли свои вещи.

— Кретины, — вздохнула я и отправилась спать в кровать Калеба.

Утром, умывшись в ванной комнате жениха, почистив зубы его зубным порошком и даже щеткой, я вернулась в свои покои. Мужчины спали, притершись спинами, словно всю ночь пытались друг друга вытеснить с кровати.

— Доброе утро! — громко произнесла я и резким взмахом руки сняла с окон полог. В сонную тишину с соседней стройки ворвался чудовищный визг какого-то инструмента, сверлящего каменные стены и грохот порушенных стен.

Я не догадывалась, как цветистые выражения знает светлый чародей, о словарном запасе у ведьмака я всегда была не самого высокого мнения. К счастью, оба ругались на родных языках, и это вселяло надежду, что к ним вернулось сознание.

— Хорошо выспались, друзья мои? — со сладкой улыбкой уточнила я и с большим удовольствием проследила, как у «друзей» вытягивались лица.

Прижимая к груди одеяло, они начали тихонечко расползаться в разные стороны. Наконец одеяло натянулось и следовало остановиться, или начать дергать конец покрывала на себя. Противники выбрали второй вариант.

— Просто примите это и живите дальше, — предложила я. — Попрошу, чтобы в гостиную принесли завтрак.

Но вместо еды испуганная горничная принесла записку от Парнаса, в которой он требовал немедленно подняться в его башню. Впервые с момента знакомства он не связался со мной лично, а передал просьбу через третьи руки.

— Вы тут собирайтесь, — крикнула я. — Скоро вернусь.

В кабинете деда неожиданно оказалось много народа, и атмосфера была такая тяжелая, что даже несчастный Догер спрятался под ковер. Когда я наступила каблуком на ворс, то почувствовала, как половик подо мной поплыл. В кресле дела, низко опустив голову, сидела рыдающая Люси. Длинные волосы скрывали лицо, но неожиданно в ярко-рыжих прядях, радующих глаз сочным тыквенным светом, мелькнули седые прядки. На секунду даже показалось, будто я ошиблась.

— Ах, ты мерзавка! — вскочила со второго кресла тетушка Мириам. — Да как ты посмела?!

— Тихо, тетушка! — запричитала Эбигейл. — Не волнуйтесь, иначе у вас снова случится сердцебиение.

Единственный человек, по-моему, у кого случилось сердцебиение был дед, потому как я никогда не видела, чтобы он с мрачной решимостью с утра пораньше пил из фляжки валерьяновую настойку.

— Что я сделала? — искренне удивилась я.

— Как тебе не стыдно, Энни! — вскрикнула Люси и подняла заплаканное лицо. — Ты ещё спрашиваешь, что сделала?!

В первое мгновение я не знала кузину. Вчера мы не виделись, и за это время она превратилась в старушку. Не осталось ни свежести, ни юности. Лицо в морщинах, кожа сухая, от крыльев носа к уголкам губ тянулись глубокие складки.

— Что с тобой произошло? — оторопела я.

— Как будто не знаешь! Ты прислала мне косметическую маску. Я надела ее и вот... — Люси залилась слезами.

— Но я ничего не присылала, — уверила я. — Зачем мне вредить тебе, Люсиль, это совершенно бессмысленно!

— Действительно, зачем тебе ей вредить? — насмешливо фыркнула Эбигейл. — Ты ревновала ее к своему договорному жениху!

— Ты тоже ее ревновала к моему договорному жениху, — огрызнулась я. — Может, ты ей подсунула эту маску?

— Хорошо, в таком случае, это я приворожила ее к этому новому мэру? — насмешливо скривила губы Эбигейл, и я почувствовала, как меняюсь в лице. — Только не смей отпираться, Эннари. Нашли графин с осадком от любовного зелья.

Проклятие!

— Приворотное зелье здесь вообще не причем, — ответила я.

— Ты ревновала ее к своему жениху. Сначала попыталась приворожить к другому мужчине, а когда не удалось, то испортила ей лицо. Скажи так?

— Эбигейл, уверена, ты выбрала неправильную стезю! — развела я руками. — Тебе следует писать любовные романы, а не пытаться открыть школу. Прекрасная фантазия, даже я до такого не додумалась. Почему вы уверены, что любовь у Люси фальшивая? Неужели чародейка не может влюбиться в отставного военного? Мэр неплох.

— Да как она смеет насмехаться?! — Тетка Мириам не удержалась и все-таки попыталась вlepить мне пощечину.

Инстинктивно я хотела перехватить руку, пальцы задымились парализующим заклятьем. Не сильным, чтобы ударило до локтя и остудило тетки пыл. Однако она не сумела добраться ни до меня, ни до моей щеки. Кaleb, словно выросший из-под пола, перехватил ее руку.

— Не смейте, госпожа Истван, — тихим и спокойным голосом произнес он. — Не смейте к ней прикасаться.

Она скрипнула зубами.

— Твоя черная ведьма испортила свою кухню. Считаешь это нормальным?

— Я ничего не делала! — немедленно открестилась я. — Не присылала никаких масок. Никогда не записывалась в хорошие люди, но вредить просто так, из любви к искусству, не вижу смысла!

— Господи, вы ее только послушайте!

— Эннари! — проговорил дед, и на кабинет, дрожащий от крика, опустилась зловещая тишина. — Посмотри.

С непроницаемым видом я подошла к столу. На салфетке лежала аккуратно выпрямленная паутинка, отдаленно напоминающая форму лица. Она срасталась с кожей и исправляла черты. Мастер вытачивал такую внешность, как хотел заказчик: пухлые губы, чистая кожа, другая форма носа. Что называется, любая магия за ваши деньги.

Я прикоснулась кончиками пальцев к нежнейшему материалу. Ожив, он подался к моей руке, пытаясь прильнуть к теплой коже. Маска была пропитана темной магией. Такое проклятие с первого раза не снимешь. Похоже, придется кухне пару месяцев проходить старушкой.

— Дедушка, я не святая, но Люсиль не вредила.

— Благодаря тебе по замку ходит целый выводок чародеек с розовыми волосами, — вдруг выругался он. — Как мне смотреть в глаза их родителей?

— Действительно? Как смотреть в глаза родителей куриц, изрезавших мне всю одежду? — зло усмехнулась я.

— Ладно. — Он вздохнул и кивнул. — Иди. Ты должна проводить своего друга на вокзал, а я должен подумать, как поступить дальше.

— Да что тут думать? — взвизгнула Мириам. — Ее имя позорит нашу родовую книгу. Приблудыш на всю жизнь остается приблудышем. Белая ворона по весне не скинет оперение...

— Господи, Мири, достаточно поговорок, — тяжело вздохнула сохранявшая молчание Летисия, — мы все уже уловили суть.

После бодрого утра оставаться в Истване Холт не захотел. Отыскал в гардеробной почти пустой саквояж и отправился на вокзал к portalу. Переход на расстояние семи королевств был только один, и его он не хотел пропустить.

— Что будешь теперь делать, малышка Энн? — тихо спросил лучший друг.

— Не знаю, — честно призналась я. — Все закончится победой темных сил, потому что мы были слишком заняты, чтобы портить хорошеньких кузин.

— Ты правда ее приворожила к какому-то мужику? — фыркнул Холт.

— Не вспоминай про приворот. Никогда в жизни я больше не возьму в руки эту гадость! — фыркнула я.

Рассмеявшись, Холт обнял меня одной рукой и прижал к себе.

— В следующий раз, когда решишь меня навестить, пришли записку.

— Совершенно точно я этого делать не буду, — хмыкнул он мне в макушку. — Мне нравится, как от удивления у тебя вытягивается лицо.

По закатанному в мрамор залу разнесся переливчатый звон колокольчика, предупреждающий, что путешественникам следовало готовиться к переходу на расстояние в семь королевств, в Деймран.

— Он хорош, — вдруг произнес Холт. — Твой жених — отличный парень. Уверен, он сможет сделать тебя счастливой. Я видел, какими глазами ты смотришь на него, Энн, и готов ему уступить тебя.

— Ты говоришь глупости, ведьмак, — фыркнула я.

— Ты просто пока не осознала, что уже влюблена. И дело не в приворотном зелье.

— Он рассказал тебе о том, что любовной лихорадке?

— О да, — ухмыльнулся Холт. — Удачи, Энн.

Он аккуратно сжал мой подбородок и так, как делал тысячи раз до этого, мягко чмокнул в кончик носа.

— До встречи. — Холт направился к portalу, но обернулся и с нахальной улыбкой заявил: — А что до этой твоей блондинистой ведьмы. Прокляни ее, темная Истван. Ты создаешь отличные проклятия!

Когда я обернулась, обнаружила Калеба. Он стоял посреди зала, опустив руки, и пристально следил за нашим прощанием. Сердце вдруг нехорошо екнуло. Я нагнала его и зачем-то объявила:

— Это ничего не значит. Мы с Холтом друзья и ими останемся.

— Знаю, — сухо ответил он.

В карете мы ехали в гробовом молчании. Было слышно, как стучат колеса по каменным мостовым столицы, звенят лошадиные копыта. Казалось, под потолком сгустилась чернильная туча, и вот-вот начнут сверкать молнии. Кaleb потирал пальцем нижнюю губу и хмурился, глядя в окно. А я почему-то вспоминала, как он не позволил Мириам ко мне прикоснуться, хотя дураку было ясно, что ее рука все равно не долетела бы до моей щеки.

Меня никто никогда не защищал. Даже Холт.

— Кaleb Грэм, хочешь заключить сделку с темной магией? — спросила я.

«Святые демоны, хозяйка! — мгновенно ожила во мне эта самая магия. — Неужели ты все-таки решила, его сделать темным прислужником?!»

Угу, вроде того.

— Какую, темная Истван? — остановил он на мне прозрачно-льדיстый взгляд.

— Ты разорвешь соглашение, а я возьму дом твоей бабки в качестве свадебного подарка, — сказала я и вдруг сама почувствовала себя очень глупо.

«А?!» — согласилась со мной темная магия.

Некоторое время он смотрел на меня через тесный салон кареты, словно что-то подсчитывая в голове.

— Идет, — произнес наконец, и я осознала, что ждала ответа с затаенным дыханием. — Но у меня есть условие.

— Когда заключают сделки с темной магией, то условия не ставят! — фыркнула я и тут же добавила: — Какое?

— Ты никогда не предложишь остановиться в нашем доме Холту Реграму, потому что только дурак не заметит, что он влюблен в тебя все эти годы.

И тут наступил неловкий момент, когда я почувствовала себя душой...

— Хорошо, — отозвалась тоненьким голосом.

— В таком случае, я желаю заключить с вами сделку, темная чародейка Эннари Истван. Я хочу разорвать брачное соглашение.

— Что вы дадите мне за это, господин Грэм?

— Женюсь на тебе, Энни. Мы будем жить долго и счастливо, пока смерть не разлучит нас.

Никакого простора для фантазии и лазеек. Вообще, хорошо, что он не сказал пафосное «и умрем в один день».

— А бабкин дом? — спросила я.

— Ну и дом заберешь, — кивнул он.

— Да будет так!

Наверное, Парнас еще больше взбеленится, когда увидит, что со свитка с соглашением исчезла родовая печать Грэмов.

— Что-то мне в голову пришло, — вымолвил Кaleb. — Я теперь считаюсь твоим темным прислужником?

— Нет, конечно, — покачала я головой. — Ни в коем случае. Ты же не в услужение продавался.

«С ума сойти! — захлебывалась радостью темная магия. — У нас есть первый темный прислужник. Счастье-то какое! Теперь можно и жить, и проклинать, и творить черные дела...»

— Да заткнись ты, — буркнула я.

— Прости? — удивился Кaleb.

— Так, просто. Мыслей в голове очень много.

Я только собралась пересест поближе к будущему мужу и закрепить договор поцелуем, коль никто не подписывал его кровью, но карета вошла в портал, и меня так потрянуло, что все мысли о поцелуях сами собой выветрились из головы. Я возвращалась в замок Истван, который пока ещё был моим домом, и собиралась на самую большую битву. Иногда прошлому следовало дать отпор и счастливо жить дальше.

Эбигейл я искала. Она обнаружилась в библиотеке. Стояла над раскрытой родовой книгой и что-то внимательно изучала. Оказалось, что мою биографию. В семейном гримуаре я все ещё занимала страницу перед Эбигейл. Наверное, это ее страшно бесило.

— Интересно? — спросила я.

Она подняла глаза, темные и злые.

— Вы с Калемом уже помолвлены? — тихо спросила она. — Раньше здесь было только соглашение о намерении пожениться.

— Ну, мы подумали и решили, чего тянуть, — кивнула я с улыбкой. — Это была ты? Ты подсунула Люси порченную маску?

— Нет, Эннари. Люсиль — не только кузина мне, но и лучшая подруга. Я люблю ее. Зачем мне портить ей лицо?

Она закрыла книгу и легко спустилась со ступеньки. Если думала, что ей позволят уйти, то ошибалась.

— Потому что меня ты ненавидишь сильнее и мечтаешь выставить из семьи. Знаешь, где ты прокололась? Если бы я проклинала, то испортила бы все тело. Зачем размениваться на одно лицо? Это невесело.

— Что ты несешь? — сморщилась она.

— Добро и справедливость, — широко улыбнулась я. — Совсем, как это делают светлые чародеи.

А в следующее мгновение выкинула руку и выдрала из ее идеальной прически пару идеально выкрашенных в светлых тон волосков. Клянусь, скривившаяся от боли физиономия кузины чуточку улучшила мне настроение. А в хорошем настроении всегда так здорово проклиналось!

— Чокнулась, Энни? — охнула она, пытаясь ударить меня светлым заклятием. Не поняла каким, потому как Эбигейл резко начала меняться. Старение началось с рук: изогнулись длинные красивые пальцы, на светлой коже появились пигментные пятна и веснушки, сморщилась кожа. Увядание было стремительным и пугающим. Мускул за мускулом, кожа, суставы, сердце...

Надо отдать Эбби должное она отчаянно сопротивлялась темной магии и даже успела остановить старение в той поре, когда женщина уже не может стать матерью, но еще не готова качать внуков.

— Прекрати, Эннари! Иначе я скажу деду. Он...

— Выгонит меня из семьи, — спокойно согласилась я. — Нестрашно. Мне нравится фамилия Грэм.

— Просто убери заклятье!

— Хотите заключить сделку с темной магией, чародейка Истван?

— Сбрендилась совсем... — охнула она каркающим голосом и простонала: — Господи, хорошо. Я хочу заключить сделку! Давай!

— Что ты мне дашь, чтобы вернуть молодость?

— А что хочешь?

— Правду.

— Боже мой, бред какой-то! — буркнула она. — Идет. Правду, так правду!

— Да будет так, — спокойно сказала я.

«Она даже нам в прислужницы не подходит!» — печально известила темная магия.

Молодела кузина куда быстрее, просто с молниеносной скоростью! Лихорадочно осмотрела руки, вытащила из кармана маленькое зеркальце и проверила лицо. Ни морщинки, ни пятнышка, ни родинки. Даже кокетливые черные стрелочки по-прежнему украшали веки.

— И чего ты добилась? — фыркнула она.

— Почему ты меня всю жизнь ненавидела, Эбби? — с улыбкой спросила я. — Почему все детство травила?

— Это же очевидно, Эннари! Ты всегда и все у меня отбирала. Летисия тебя обожала! Как сейчас помню: она в замок-то возвращалась один раз в год и первым делом обнимала тебя. Почему она выбирала приبلудную сиротку, а не родную дочь? Чем я плоха...

Неожиданно Эбигейл оборвалась, крепко сжала губы, понимая, что не может остановить поток правды, бьющей из нее фонтаном.

— Что это... почему я...

— Поздравляю, Эбигейл, ты узнала, что такое проклятие честности. А теперь, может, расскажешь, для чего ты испортила лицо нашей кузине?

— Я так хотела, чтобы тебя выгнали из семьи, а Калек понял, что ты его не стоишь, — прикрыв глаза, не удержалась она от честного ответа на прямой вопрос...

Этим вечером, смирившись с исчезновением печати на соглашении, дед вручил мне семейный знак. Эбигейл промучилась от проклятия честности всего пару дней, но за это время умудрилась сказать правду всем. В лицо. Кажется, на нее обиделись даже чугунные сковородки в замковой кухне. Люсиль тоже обиделась, что совершенно не удивляло. Она уехала к Арветте подальше от Иствана, а потом и вовсе тишком вышла замуж за любимого мэра.

Что еще сказать? С Калексом мы действительно жили долго и счастливо. В доме его бабки. Переехали туда через пару дней после большой библиотечной битвы, наплевав на крики Мириам, что честные чародейки до свадьбы с мужчинами не селятся. Я забрала из замка нежить, а Догер ещё долго-долго мотал нервы Парнасу. Пожалуй, больше всего муж ненавидел мою мастерскую и приезды темного мага Холта Реграма. Но приходилось терпеть, ведь у меня всегда наготове было какое-нибудь задорное проклятие.

Кажется, конец.

Ах, нет... Совсем забыла сказать!

Эбигейл в конечном итоге открыла школу имени пресветлого Парнаса в учебной башне замка Истван. Школа просуществовала три года и закрылась сразу после первого выпуска... И если все думают, что я злорадствую по этому поводу, то они совершенно правы.

Все! Теперь точно конец этой истории.